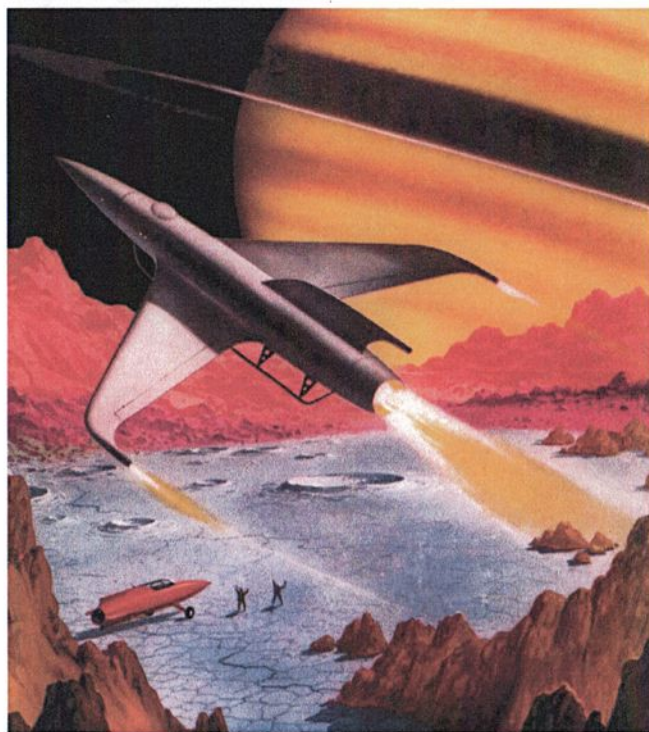

Библиотека англо-американской классической фантастики

ТАЙНА КОЛЕЦ

Том 1

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«Дети Солнца»

ТАЙНА КОЛЕЦ

Библиотека англо-американской классической фантастики

ТАЙНА КОЛЕЦ

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2016

БААКФ-25а (2016)

Клубное издание

ТАЙНА КОЛЕЦ

Сборник фантастики о Сатурне. Том 1

(а.л.: 12,71)

Составитель Андрей Бурцев.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав

© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

ОХ, УЖ ЭТИ КОЛЬЦА!

Для начала хочу немного похвастаться. Нынешний том – 25-й. А это значит, что я наполовину выполнил свое обещание читателям составить и перевести пятидесятитомную Библиотеку Классической Научной Фантастики (сокращенно БААКФ). Поэтому юбилейный том я решил сделать в двух выпусках, тем более что тема нынешнего коллективного сборника вполне этого заслуживает.

О Сатурне написано фантастики почти столько же, сколько о Марсе или Венере. Но с этими-то планетами все понятно: они ближайšie к Земле соседи, Венера похожа на Землю, но скрыта облаками, а на Марсе еще в 19-м веке обнаружили так называемые «каналы». Грех было бы не написать о них любым фантастам, интересующимся космосом. Но чем же «отличился» Сатурн, что его так выделили из семейства остальных планет Солнечной системы? Разумеется, кольцами.

Сатурн – пока что единственная известная нам планета, имеющая даже не одно, а сразу несколько колец, лежащих в одной плоскости и отделенных друг от друга пустым пространством, названном «щелями Кассини» по имени их открывателя. Вот это и не дает покоя пытливым умам фантастов. Насчет колец существуют разные теории, ни одна из которых пока что полностью не доказана, но и не опровергнута. Кстати, сам Сатурн как таковой вызывает куда меньший интерес писателей. Он относится к

разряду планет-гигантов, о которых братья Стругацкие еще в пятидесятых годах прошлого века отозвались весьма пренебрежительно «планеты-гиганты – просто водородные пузыри, у них нет твердого ядра, поэтому людям там делать нечего». Не все фантасты согласны с этим мнением, но в любом случае, по планете-гиганту просто так не походишь (хотя и находились подобные смельчаки). Но большинство произведений о Сатурне крутится вокруг колец, а также многочисленных спутниках этой загадочной планеты.

Знаменитый Дональд Уоллхейм так и назвал свой роман «Тайна колец Сатурна». Роман относится к так называемой «реалистической НФ», и в нем рассматриваются кое-какие интересные гипотезы, разумеется, украшенные захватывающими приключениями героев. Но вот роман «Место назначения – Сатурн», который написал он же под псевдонимом Дэвид Гриннелл, взяв в соавторы Лина Картера, знаменитого продолжателя Конана, реализмом и не пахнет. Впрочем, к Конану роман тоже не имеет никакого отношения (Лин Картер писал не только об этом сверхгерое), но является ярким образцом «космической оперы». Для этого в нем есть все: головокружительные приключения в Солнечной системе, преддверие космической войны, враждебная раса сатурниан, куча разнообразных разумных рас и цивилизаций, погони, перестрелки и, разумеется, Супергерой (по совместительству король), а также его невеста-красотка. В общем, скучать тут некогда ни героям, ни зрителям.

К приключенческо-реалистической фантастике относится и роман Филиппа Лэтема «Пропавшие на Сатурне». Не менее интересны и повесть Ричарда Шавера, не говоря уж о рассказе такого мастера фантастики, как Роберт Янг (эти произведения читайте в следующем подтоме).

В сборник я так же включил рассказ Дэвида Райта О'Брайена, которого недавно открыл для себя и хотя теперь поделиться этим открытием со всеми читателями. Поразительна судьба этого фантаста. Буквально за четыре года (с 1940 по 1944 гг.) он написал и опубликовал более сотни рассказов и повестей. Причем не «проходных», а очень интересных, напичканных потрясающими (для того времени, не забывайте) идеями и закрученными сюжетами. Манера его напомнила мне Генри Каттнера. И, так же, как Каттнер, О'Брайен писал и писал, словно чувствовал, что судьба отвела ему на творчество слишком мало времени. Как и Каттнер, он не ошибся, только времени у него было гораздо меньше. Всего лишь четыре года. В 1944 году он пошел на войну, где и погиб. А ведь сколько он мог бы еще написать.

Как я уже говорил, читателям стоит обращать внимание на авторов, произведения которых я включаю в коллективные сборники, потому что потом я планирую издать их тома. Это касается и О'Брайена. В следующем году я непременно издам двухтомник его произведений.

Что же касается Сатурна, то рассказ О'Брайена «Пленники Титана» безусловно заслуживает внимания.

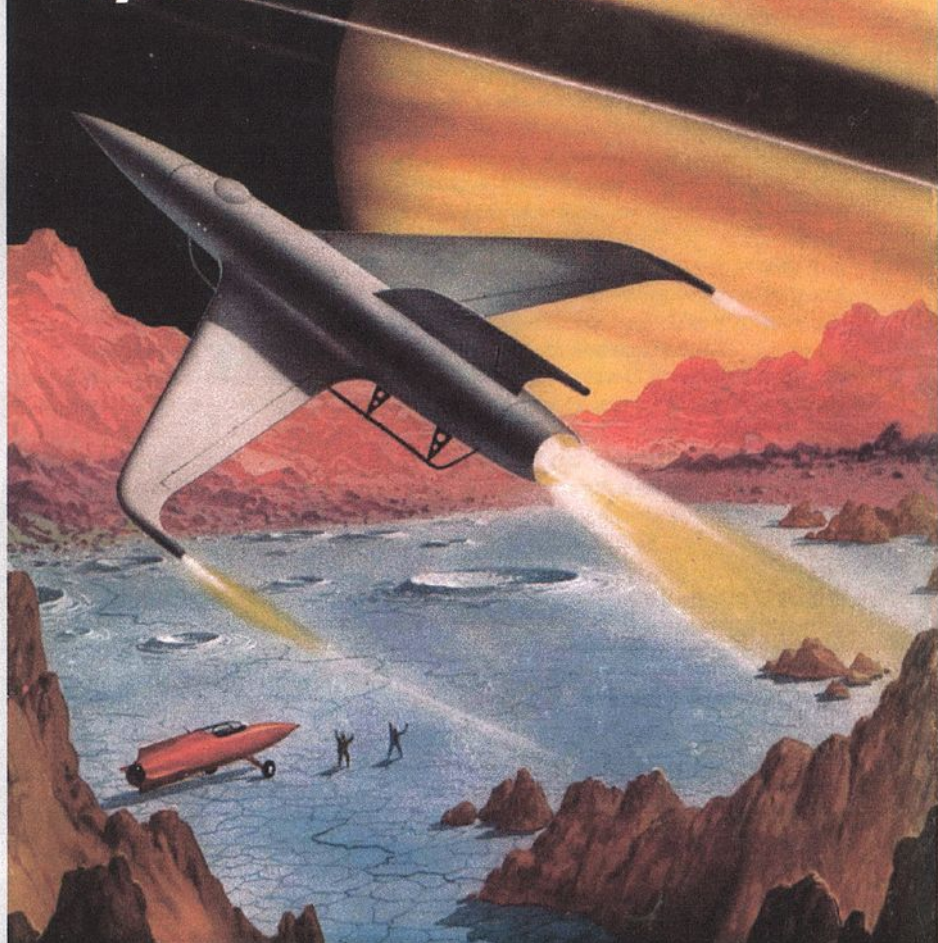
На чем я и желаю вам приятного прочтения.

Андрей Бурцев

The Secret of Saturn's Rings

By **DONALD A. WOLLHEIM**

A SCIENCE FICTION NOVEL

ДОНАЛЬД А. УОЛЛХЭЙМ

ТАЙНА КОЛЕЦ САТУРНА

ГЛАВА 1. Стартовая площадка

В ТОТ ДЕНЬ, который должен был стать самым счастливым днем его жизни, Брюс Родс получил ужасное потрясение. Это был день школьного выпускного, день, когда он в последний раз встретится со своими одноклассниками. Они соберутся в одном месте, получат дипломы, и их внесут в списки для поступления в колледж. Брюс всегда был популярным, одним из лучших учеников класса, всегда получал высокие оценки по астрономии и проектированию космических кораблей, и подходил для специальных курсов для космических летчиков в колледже штата.

Но этим утром, когда экзамены остались уже позади, и нужно было только ждать объявления сбора, Брюс удивился неожиданному молчанию, охватившему его одноклассников, когда он вошел в комнату. Вместо того чтобы поприветствовать его, они принялись перешептываться, скучковавшись в несколько групп. Они даже окинули его недружелюбными взглядами. Двое холодно кивнули и продолжали игнорировать его.

Брюс растерялся. Он подошел к одному из парней, который считался его близким другом.

— В чем дело? Что с вами сегодня?

Тот посмотрел на него. Он всегда симпатизировал Брюсу, ему тоже было шестнадцать, и они оба играли за школьную баскетбольную команду.

— А ты что, не знаешь? — медленно спросил бывший друг Брюса.

— Не знаю что? — с удивлением посмотрел на него Брюс. — Что я такого сделал?

Другой юноша медленно покачал головой.

— Не ты. Твой отец. В конце концов, ты же не ждешь, что мы станем одобрять эти грязные делишки, да?

Брюс был совершенно сбит с толку. Он схватил одноклассника за руку.

— О чем ты говоришь? При чем тут мой отец?

— Хочешь сказать — ты не видел сегодняшние газеты... Ты, правда, не знаешь? — удивился его друг.

После того, как Брюс помотал головой, тот потянулся к столу и вытащил из ящика утреннюю газету, сложенную как раз на этой заметке. Брюс взял ее. Пока он читал, на его лбу выступил холодный пот, и он почувствовал, что пол уходит у него из-под ног.

Заголовок кричал о том, что «Терралуна» уволила главного ученого, а дальше говорилось: «Сегодня Советом директоров корпорации «Терралуна» было объявлено, что только уполномоченные организации могут заниматься разведкой и добычей полезных ископаемых на Луне, что знаменитый доктор Эммануэль Родс, глава бюро исследований и человек, ответственный за множество достижений в сфере добычи, был освобожден от своих обязанностей три месяца назад. «Терралуна» выпустила сегодня заявление для прессы, где обвиняет доктор Родса в передаче определенных корпоративных секретов сторонам, мешающим развитию добычи полезных ископаемых на Луне, препятствовании работы компании в целом и в попытке саботажа самого важного проекта, который, по мнению «Терралуны», принесет огромную выгоду всему человечеству. Компания добавила, что они были вынуждены вынести это на публику из-за нынешних намерений доктора Родса и подрыва репутации компании».

Три месяца назад! Но Брюс ничего не знал об этом. Мать ничего ему не сказала. А отец, как он считал, руководил строительством огромных куполов над шахтами. Всю свою сознательную жизнь Брюс гордился тем, что его отец стал мировой знаменитостью после изобретения робота-старателя и еще десятка атомных разработок, необходимых в межпланетной работе. А теперь — позор. В начале двадцать первого века, все его сверстники считали «Терралу» самой крупной компанией, попасть на работу в которую можно было только мечтать. Она занималась добычей полезных ископаемых на Луне, совершала экспедиции на астероиды и предоставляла самый высокий уровень заработной платы и самую захватывающую работу. А отец Брюса являлся главой самого передового подразделения, отдела новых проектов.

Брюс так никогда и не вспомнил, как прошел остаток утра. Каким-то образом, на автомате, он пошел вместе со всем классом, чувствуя молчаливые упреки одноклассников. Получил диплом из рук неулыбчивого директора и услышал быстро стихнувшие аплодисменты, когда настал его черед встать и забрать документы. Наконец, Брюс сумел покинуть школу и сесть на воздушный автобус, доставивший его прямо к дому.

Он влетел в дом в поисках матери и застал ее читающей радиосообщение, которое только что напечатал автоматический приемник новостей. Она взглянула на сына и молча передала ему листок. Сообщение было коротким, в нем говорилось, что Брюс должен незамедлительно прибыть в космопорт Объединенных Наций в Колорадо. Сообщение было подписано его отцом.

— Что это значит? Где папа? — спросил Брюс.

– Не верь всему, что читаешь, – улыбнулась мама. – Твой отец знал, что делает. У тебя мало времени. Собирай вещи и поторапливайся. Я не смогу поехать с тобой потому, что у меня есть дела тут, но я ожидаю, что ты вернешься через пару дней.

– Но разве папа на Земле? – спросил Брюс после того, как мама отвела его в спальню, чтобы начать быстро укладывать вещи. – Почему я не видел его?

– Он все тебе объяснит. Ситуация очень и очень серьезная.

Брюс быстро скидал одежду в сумку, взял деньги на проезд, что дала ему мать, и на прощание поцеловал ее.

– Никому не говори, кто ты такой и куда направляешься, – напоследок предупредила мать, когда он был уже на пороге. – Особенно людям из «Терралуны».

Все два часа, пока самолет мчался в вышине с грузом скучающих пассажиров: летящих на работу бизнесменов и тех, кто отправился в отпуск, желая побыстрее добраться до места назначения, Брюс ни с кем не разговаривал. У него было время пораскинуть мозгами и перевести дух.

Как резко изменилась его жизнь! Совсем недавно, «Терралуна» была гордостью его жизни, компанией, на которую он всегда собирался работать. А теперь он чувствовал себя изгоем, но, тем не менее, знал, что отец расскажет свою версию происходящего. Статья в газете была написана с точки зрения корпорации.

В те времена космические полеты оказывали огромное влияние на жизни всех людей. Начиная с середины предыдущего века, когда на Луну опустили первые ракеты, объединение величайших ученых, отважных искателей приключений и гениальных бизнесменов раздвинули границы обитания человечества до самых краев Солнечной системы. Луна оказалась богатым источником атомного топлива и редких металлов, на ее поверхности были воздвигнуты центры по добыче полезных ископаемых, этим занималась «Терралуна» – организация-первопроходец, финансировавшая и руководившая первыми исследованиями, ставшая новым чудом света. Корабли «Терралуны» вскоре добрались до странных морей и туманных континентов Венеры, один корабль уже совершил посадку в кипящих пустынях Меркурия. Одни корабли исследовали древний Марс, а другие разрабатывали богатые залежи, которые можно было найти на астероидах. Уже начали высаживаться на спутники Юпитера, но дальше не забирались еще ни один корабль.

Отец Брюса был среди пионеров-исследователей космоса. Больше тридцати лет он проработал на «Терралуну» и много лет являлся главой отдела исследований, человеком, прославившимся на весь мир. Брюсу всегда казалось немыслимым, что однажды отец может все это потерять. Но, тем не менее, не оставалось сомнений, что этот день наступил.

Уже не в первый раз Брюс оказался в космопорту Объединенных Наций, расположенном в Скалистых Горах в штате Колорадо. Они с матерью махали руками отцу на прощание, когда ракета «Терралуны»

взлетела с лунными шахтерами и инженерами на борту. Но на этот раз Брюс вышел из самолета один.

В отличие от прошлого раза, сегодня не было толпы шахтеров и их родственников. Только Брюс успел сойти с трапа, как самолет с ревом унесся к следующему пункту назначения, оставив его одного у входа в маленький терминал.

Таша тяжелую сумку, Брюс вошел в зал ожидания. Там он увидел седовласого человека, и они помчались навстречу друг другу, чтобы обняться. Отец Брюса был высоким и странным образом загоревшим от жесткого излучения Солнца, доходящего до поверхности Луны не ослабленным защитной атмосферой. Но сегодня Брюс заметил морщины на лбу и напряженный взгляд, словно что-то, казалось, не позволяло ему встретить сегодня сына привычной улыбкой.

Без дальнейших промедлений, отец Брюса взял сына за руку и повел к ждущей машине.

– Пока не задавай слишком много вопросов, Брюс. Позже я тебе все объясню. За этот час мне предстоит сделать кое-что важное, и только потом у меня будет немного свободного времени. А пока Уолдрон покажет тебе корабль.

Уолдрон ждал в машине и оказался молодым человеком в комбизоне космонавта. Он повернулся к Брюсу, подмигнул и довольно вяло пожал ему руку.

– Рад с тобой познакомиться, – сказал Уолдрон.

Брюс ответил тем же, и после этого трое ехали в тишине, пока Уолдрон вел двухколесный наземный автомобиль в форме капли по двадцатикилометровой дороге, оставив позади терминал и остановившись только у подножия стартовых опор.

Они добрались до космопорта за пару минут и попали на закрытую территорию у основания возвышающегося пика. Затем вышли из машины, прошли через ворота, у которых стоял вооруженный охранник в форме полиции ООН. Доктор Родс записал Брюса в журнал и вручил ему какую-то карточку.

– Это твой пропуск. Как видишь, все совершенно секретно. Уолдрон продемонстрирует тебе корабль, а я вернусь в вычислительный зал и просчитаю наш курс.

– Когда ты собираешься взлетать? – спросил Брюс, когда отец уходил.

– Как можно быстрее, – ответил старый инженер. – Возможно, через час!

Уолдрон указал на блестящий корабль, уже стоящий на длинном устройстве, похожем на железнодорожную платформу. Брюс знал, что это тележка, с помощью которой космические корабли подкатывают к месту запуска. Брюс с Уолдроном подошли к кораблю.

— Чей это корабль? — заметив, что на нем нет опознавательных знаков «Терралуны» или каких-либо других известных космических линий, спросил Брюс.

— Это специальный исследовательский корабль Объединенных Наций. Его передали твоему отцу специально для этого путешествия. Он почти готов к взлету, — ответил Уолдрон. — Пойдем внутрь. Мне надо кое-что доделать.

Брюс заметил, что заправщик все еще закачивает атомное ракетное топливо в баки корабля.

— Сколько человек полетит на нем? — спросил он.

— В экипаже пять человек, включая твоего отца, — поднимаясь по лестнице, ведущей в шлюз, ответил Уолдрон. — Два космонавта, один из которых я, астрогатор, пилот, и доктор Родс в качестве капитана.

Они вошли в корабль. Там оказалось узко и тесно, построено было с оглядкой на прочность, а большинство внутреннего пространства занимали топливные баки и различное оборудование. Уолдрон продвигался к машинному отделению в задней части, к маленькому отсеку, где члены экипажа могли добраться до труб, соединяющих различную аппаратуру, и произвести всевозможные проверки, перекрывая вентили и отключая автоматы.

— Подожди секунду, — сказал он. — Сейчас я тут кое-что закончу и покажу тебе весь корабль.

Он беспокойно посмотрел на часы, затем встал на колени, взял со стеллажа гаечный ключ и начал откручивать кожух на центральной стене, тот, на котором были измерители скорости и направления, повторяющие приборы в рубке корабля, расположенной в носу.

Уолдрон снял панель, и Брюс увидел скопление проводов, уложенных очень аккуратно и имеющих изоляцию разных цветов. Ему показалось, что тут все в полном порядке.

Раньше Брюсу уже приходилось рассматривать проводку макета корабля на занятиях в школе, и он был рад узнать, что тут она выглядела в точности также.

Но Уолдрону это зрелище совсем не понравилось. Секунду он пристально глядел на хитросплетение проводов, потом взял плоскогубцы, аккуратно высвободил несколько проводков и начал заново подсоединять их, но уже в другом порядке.

Брюс недоуменно смотрел. Ему почему-то казалось, что в действиях космонавта особого смысла нет. По крайней мере, соединения, которые делал Уолдрон, выглядели совершенно неверными. В конце концов, каждый провод имел свой цвет, и те места, куда их нужно втыкать, четко отмечались, так все и было до того, как туда полез Уолдрон.

— Не понимаю, как ты собираешься получить верные показания после того, как соединил провода таким странным образом, — наконец, заговорил Брюс. — Я не считаю себя хорошим механиком, но, тем не менее, ясно, что голубой провод должен подсоединяться туда, где на-

писано «Бак № 5». А ты прикрепил его к измерителю под номером три. Как пилот сможет потом разобраться в этом?

Уолдрон злобно глянул на Брюса.

— Не лезь не в свои дела! — выпалил он. — Я знаю, что делаю!

Нервы Брюса весь этот странный день были на пределе. Он не при-
вык, что с ним так разговаривают, к тому же знал, что прав. Теперь его
охватило странное подозрение.

— Все же, мне кажется, ты все делаешь неправильно. В этом нет ни-
какого смысла.

— Почему бы тебе просто не замолчать, — яростно изогнув провод и
повернувшись к Брюсу, сказал Уолдрон. — А может, тебе лучше подо-
ждать снаружи, пока я не закончу?

Он резко и угрожающе поднял гаечный ключ.

— Никуда я не пойду, — медленно сказал Брюс, — и расскажу о том,
что тут происходит, как только найду другого члена экипажа!

— Ну да? — теряя над собой контроль, прокричал Уолдрон.

Космонавт внезапно ринулся на Брюса, держа в руке ключ. Однако,
юноша предугадал это, шагнул в сторону и взмахнул кулаком. Через
секунду все сдерживаемые целый день эмоции вырвались наружу.
Брюс энергично бросился на Уолдрона, схватил его за руку, ударил в
живот и следующими ударами заставил отступить.

Уолдрон внезапно развернулся, выронил ключ, выбежал из машин-
ного отделения, промчался по короткому коридору и выскочил через
открытый шлюз. Когда Брюс помчался за ним, то увидел, что космо-
навт направляется к скоплению автомобилей, очевидно, собираясь бы-
стро покинуть космопорт.

Из вычислительного зала, расположенного неподалеку, вышел док-
тор Родс и глянул вслед убегающему Уолдрону. Затем повернулся и
пошел к кораблю.

— Что это с ним? — спросил доктор сына.

Брюс торопливо все объяснил и вместе с отцом вернулся в машин-
ное отделение. Увиденное поразило доктора Родса. Вытащив платок,
он вытер лоб.

— Ты быстро принял решение, — сказал он. — И оказался прав. Это
была попытка саботажа. С перепутанными показателями мы за счи-
танные дни затерялись бы в космосе. — Доктор Родс подобрал гаечный
ключ, плоскогубцы и начал аккуратно подсоединять провода в пра-
вильном порядке. — Нам будет не хватать людей, — тихо заметил он. —
Не знаю, где найти другого космонавта, которому можно доверять, да
еще за такой короткий срок. Я собираюсь взлетать через час.

Брюс посмотрел на отца.

— Может, я займу место Уолдрона? — предложил он. — Я изучал кос-
мические корабли и астрономию, как в школе, так и самостоятельно. К
тому же, я довольно сильный. И ты знаешь, что можешь доверять мне.

Доктор Родс опустил плоскогубцы и пристально посмотрел на сына. Казалось, он боролся сам с собой.

– Я не имею права тебя просить, – сказал он. – Это будет очень трудное путешествие. Кто позаботится о маме, если мы не вернемся?

Брюс обдумал сказанное с быстро колотящимся сердцем.

– Мама будет гордиться нами вне зависимости от того, что произойдет. Я не знаю, куда ты направляешься, но уверен, что путешествие очень важно для тебя. Позволь мне отправиться с тобой в качестве младшего космонавта.

– Да, – медленно кивнул он, – я знаю, что мама никогда не сказала бы «нет». И, да, моя миссия очень важна. Возможно, важнее любой другой. От нее, вероятно, будет зависеть жизнь или смерть всего нашего мира. Полагаю, ты принят на службу.

Сердце юноши радостно подпрыгнуло.

– Куда мы летим, папа? – задал он вопрос, который не осмеливался задать раньше.

Старый инженер ненадолго улыбнулся, затем его лицо стало серьезным.

– На Сатурн, – ответил он.

Глаза Брюса широко распахнулись. Сатурн – планета с кольцами! Он был недостижим для всех предыдущих экспедиций! Но к чему такая ужасная спешка?

ГЛАВА 2. Скольжение по морю мрака

ПУТЕШЕСТВИЕ на Сатурн должно было стать самым долгим полетом, когда-либо совершенным с Земли. Так считал Брюс, основываясь на том, что ему рассказывали в школе о космических кораблях: такое расстояние, как все еще считалось, было невозможно преодолеть на существующих типах космических кораблей. Если отец, действительно, собрался отправиться в первый подобный полет, к чему вся эта секретность и какие у него «особенные» планы на это путешествие?

Все эти мысли приводили рассуждения Брюса к первому вопросу – почему его отец оказался в беде, чего хотела «Терралуна» и зачем такая спешка? Когда к нему вернулся дар речи после восторга, вызванного зачислением на корабль в качестве члена экипажа, он забросал отца этими вопросами.

– Лучше я тебе все объясню, – кивнул доктор Родс и глянул на часы. – У нас мало времени. Думаю, наш курс уже проложен, и Гарсия сможет сверять значения. Пойдем.

Инженер завел сына в рубку в носу ракеты, и они сели на мягкие кресла, на которых сидят пилоты. Доктор Родс почесал лоб.

– Думаю, ты читал сегодняшнюю газету, – начал он, – там, где говорилось, что «Терралуна» уволила меня. Это явилось их последней попыткой сорвать данный полет. До этого момента они держали все в

тайне и боролись со мной за сценой. Начну с самого начала: пару лет назад один из директоров проекта по добыче полезных ископаемых на Луне попросил меня разработать метод сверхглубокого бурения. Раньше добыча велась на глубинах менее пятнадцати километров. Мы извлекли множество полезных ископаемых, тонны алмазов и много чего еще, но считалось, что в самом центре Луны находятся богатые залежи тяжелых и редких металлов: урана, радия, платины и так далее. Луна очень легкая, как ты знаешь. Ее плотность совсем не такая, как у Земли, большую часть объема нашего спутника занимают сравнительно легкие материалы: пемза, пепел и наслоения метеоритной пыли. Также внутри Луны существуют огромные пустоты, гигантские пещеры во много километров в поперечнике. Когда Луна только образовалась, она была жидкая, как и все планеты, и по мере остывания, более тяжелые элементы опускались к центру. На гораздо более легкой Луне они оказались в самом низу, тогда, как на нашей планете тяжелые металлы можно найти и у поверхности. Чего не бывает на Луне. Так что, казалось, если мы догадаемся, как вести добычу в ядре Луны, в полутора тысячах километров под поверхностью, то нас, действительно, ждут очень ценные находки. Вот что меня попросили изобрести. Я долго работал над этим, пока, наконец, не преуспел. Я разработал систему быстрых атомных взрывов, нечто, похожее на цепочку самовозобновляющихся атомных бомб, взрывающихся в любом нужном нам направлении столько, сколько нужно. Я пошел еще дальше и показал, что именно необходимо для создания подобной системы. За эту работу меня похвалили и поощрили финансово. Но я на этом не закончил, а продолжил расчеты и выяснил, к чему могут привести атомные взрывы глубоко под поверхностью Луны. Четыре месяца назад я сделал окончательные выводы. Я выяснил, что Луна слишком легкая и непрочная, чтобы выдержать такие взрывы. На поверхности они не представляют никакой угрозы. Но если произвести серию мощных взрывов близко к ядру, то в результате разрушится вся Луна.

Билл слушал, поддерживая подбородок рукой, упирающейся локтем в пульт управления. Он кивнул, тем самым показывая отцу, что все понял.

— Луна не является отдельной планетой, в отличие от Марса или Меркурия. Это спутник, вращающийся вокруг большего и более тяжелого космического тела — нашей Земли. Из-за гравитации Земли, Луна постоянно подвергается сжатию и растяжениям. Ты знаешь, что притяжение Луны вызывает океанские приливы. Если бы на ней были океаны, то приливы там оказались бы просто чудовищными вследствие меньшей гравитации и мощного притяжения Земли. Но даже без воды, эффект очень сильный. Приливные силы Земли воздействуют на сам камень и то, из чего Луна состоит. Кроме обычного движения по орбите, все частицы Луны ощущают постоянное притяжение Земли, что способствует их отрыванию друг от друга. Луна очень хрупкая. Астрономы

подсчитали, что в один день, через миллиарды лет, Луна окажется так близко к Земле, что притяжение планеты разорвет ее на мелкие кусочки. Эти кусочки останутся на орбите и, в конце концов, сформируют вокруг нашего мира кольцо. Мои расчеты показывают, что атомные взрывы в ядре Луны разнесут весь спутник на подобные осколки. Луна взорвется, как гигантская бомба! Некоторые ее куски упадут на Землю, нанося огромный урон. Большая часть продолжит летать по лунной орбите и сформирует кольцо. Но эффект от этого будет такой катастрофический, как если бы они обрушились на Землю. Без лунного притяжения прекратятся приливы, и уровень воды станет везде одинаков. Это затопит огромные участки суши, смочит сотни городов и убьет миллионы людей. Чудовищные землетрясения, наверняка, довершат остальное, когда земная кора освободится от оков лунного притяжения и выровняется согласно новым условиям. Я бы сказал, что погибнет около девяти десятых всего населения, а цивилизации определенно придет конец!

— Но «Терралуна» же должна понимать это! — ахнул Брюс. — Они, конечно, не захотят так рисковать. Они, наверняка, согласились с твоим открытием!

— Нет, не согласились, — покачал головой доктор Родс. — Они отказались верить моим расчетам, несмотря на их относительную простоту. Они продолжают строить гигантский атомный бластер, который уничтожит Луну!

— Но как они могут? — Брюс был в ужасе. — Почему они так поступают?

— Иногда люди бывают ослеплены собственным эгоизмом, Брюс, — мрачно улыбнулся доктор Родс. — «Терралуна» хочет добраться до сокровищ в сердце Луны. Директоров корпорации не волнуют средства, им важен лишь результат. Когда я объяснил им, что произойдет, они не смогли заставить себя поверить в это. Посчитали мои расчеты безумными, надуманными, просто фантазией старого, напуганного ученого. Их ученые, — вообще-то, сотрудники моего отдела, — тоже просмотрели мои выкладки. Но их интересует только собственное продвижения по карьерной лестнице, они не захотели вступать в споры с директорами «Терралуны» и решили поставить на карту процветание Земли. Так вот эти люди не придали моему открытию особого значения, сказали, что я ударился в крайности, высмеяли возможность глобальной катастрофы и решили, что мои расчеты не стоят и выеденного яйца. Я спорил и стоял на своем, но через месяц понял, что не смогу убедить «Терралуну» отменить проект. Наконец, я вернулся на Землю. Обратился в Организацию Объединенных Наций и поговорил с членами комитета по научным исследованиям. Они провели со мной тайное совещание, и дали величайшим ученым проверить мои расчеты. Со мной согласились не все. В конце концов, представители Объединенных Наций сказали, что мне придется предоставить больше доказательств моей

правоты, прежде чем они отдадут «Терралуне» приказ закрыть проект по добыче полезных ископаемых в ядре Луны.

– Но как ты сможешь получить эти доказательства? – спросил Брюс.
– Ты и так сделал все, что мог.

– Еще не все, – ответил отец. – Я сказал им, что в Солнечной системе существует лишь одно место, где можно получить реальные доказательства. Это планета Сатурн, у которой есть кольца. Если докажу, что они образовались после взрыва или коллапса спутника, тогда мои расчеты примут и «Терралуна» остановят. Никакие другие факты не помогут мне доказать свою точку зрения. Представители ООН продолжали со мной спорить, но, поскольку это было дело чрезвычайной важности, и речь шла о судьбе человечества, в конце концов, они согласились позволить мне попытаться добыть подтверждения моей теории. Они даже обещали дать мне космический корабль, если я найду способ добраться до Сатурна, используя стандартную технику. Я знал такой способ и показал его им. Сейчас мы находимся в этом корабле. Он запрограммирован, наш курс просчитан, и с тобой мы, наконец, набрали экипаж.

Брюс кивнул.

– Но почему «Терралуна» сказала газетчикам, что ты предатель? – спросил он. – Разве они не позволили тебе найти доказательства? В конце концов, даже они не могут рисковать уничтожением двух миров.

Старый инженер нахмурился, затем встал.

– Ты и сам знаешь ответ на свой вопрос. Директора ослеплены собственным эгоизмом. Мое вмешательство привело их в ярость. Сейчас их решимость даже сильнее, чем раньше, и они сделают все, чтобы я не получил подтверждения своей правоты. Они выпустили в прессу лживую историю, чтобы общество возненавидело меня. Таким образом, если этот корабль не вернется или наша миссия провалится, люди не взбунтуются. Какое им дело до того, что случится с «предателем»? Второй их шаг ты сам предотвратил. Со своим огромным влиянием и деньгами, они смогли подкупить даже члена моего экипажа. Уолдрон пытался сорвать полет в последний час, когда ты обнаружил это.

– На этом их попытки закончатся? – вставая и идя за отцом к открытому выходу, спросил Брюс.

– Я уверен, что нет, – спускаясь на землю, ответил доктор Родс. – Можешь не сомневаться, они будут пытаться снова и снова.

Брюс последовал за ним, и сын с отцом пошли к вычислительному центру, находящемуся рядом.

– Мы остановим их, мы должны их остановить!

Они шли дальше.

– Это будет непросто, – наконец, сказал отец. – Они ни перед чем не остановятся, даже перед убийством.

Брюс поджал губы.

— Что такое жизни пяти человек, включая мою, если на кону судьбы миллиардов?

Доктор Родс посмотрел на сына и почувствовал гордость.

— Вот и я считаю так же, сынок. — Он посмотрел на часы. — У нас сорок минут до взлета. Пойдем, познакомишься с остальным экипажем.

Когда они приблизились к вычислительному центру, дверь распахнулась, и в проходе показался молодой человек, разглядывающий отца с сыном. Он выглядел расстроенным, и, когда узнал доктора Родса, то с облегчением помахал ему рукой.

— Я как раз собирался искать вас, — сказал парень.

— Что-то случилось? — спросил доктор Родс.

На вид парню было чуть больше двадцати, отметил Брюс. Он был одним из тех, что всегда настороже, с блестящими черными глазами и копной непослушных темных волос. Парень схватил старого инженера за руку.

— Что там с Уолдроном? — спросил он. — Он только что звонил из космопорта и сказал, что собирается вызвать полицию. Упомянул что-то про нападение на него и пообещал, что нас всех арестуют!

— За что? — ахнул Брюс враз с отцом. — Он лжет! — добавил Брюс. — Уолдрон пытался испортить корабль!

— Да, — подтвердил доктор Родс. — И он все еще пытается помешать нам. Это дело рук «Терралуны»

В этот момент, услышав их возбужденные голоса, из маленького сборного домика, гордо именуемого вычислительным залом, в котором хранились карты и стояли вычислительные машины, рассчитывающие курс кораблей, вышли еще двое. Один был низеньким, с кожей оливкового цвета, выглядевший настоящим ученым, второй, напротив, высоким и худым, с редкими светлыми волосами и глубоко посаженными глазами опытного космонавта.

— Если придет полиция, это отложит наш старт, — встревожился низенький. — А если мы слишком задержимся, то придется все пересчитывать заново. Уйдет несколько дней, на подготовку к новому старту!

— Именно этого и хочет Уолдрон, — сказал отец Брюса. — Он все еще надеется сорвать наш полет. Хочет навредить нам как можно сильнее.

— О чем это вы? — спросил высокий блондин.

Отец Брюса торопливо рассказал экипажу, что произошло, и что Уолдрон, очевидно, подкуплен «Терралуной».

Команда задумчиво покивала, когда капитан закончил.

— Но тогда, — сказал молодой парень, которого они встретили у входа, — нам не хватит людей. Как нам успеть найти замену?

— Мой сын вызвался присоединиться к нам, — доктор Родс положил руку на плечо сына. — Он еще юн, но, думаю, справится с задачей.

Трое других посмотрели на Брюса.

— Он еще совсем ребенок! — фыркнул самый молодой. — Как мы можем так рисковать?

– Мне шестнадцать, и могу поспорить, я не слабее тебя! – разозлился Брюс. – Сам скоро увидишь!

– Ладно, ладно, – быстро сказал его отец, – никаких споров. У нас нет времени. Я лучше представлю всех.

Молодой парень с черными волосами оказался Арпадом Бенцом, вторым космонавтом, который будет работать с Брюсом на основных работах в машинном отделении и, в общем, выполнять различные простые поручения. Бенц нерешительно пожал Брюсу руку.

Низенького человека латинской внешности звали Фрэнком Гарсией, и он был астрогатором, навигатором в космосе. Много лет он являлся экспертом по прокладыванию астрономических курсов для рейсов на Марс и Венеру и считался одним из лучших в своем деле.

Высокий, худощавый человек оказался пилотом Куртом Дженнингсом. Он не нуждался в дальнейшем представлении. Брюс неоднократно слышал о его трюках. Дженнингс был знаменитостью. Он первым совершил несколько важных полетов и был тем, кто посадил корабль на пару спутников Юпитера. Брюс понимал, что отцу повезло заполучить в команду Дженнингса, поскольку, если кто и мог справиться со всем, что поджидало экипаж в течение этого необычного путешествия, так это именно Дженнингс.

– Если Уолдрон вызвал полицию, они могут оказаться тут уже через полчаса, – заметил Дженнингс. – Нам надо успеть вылететь раньше, иначе мы вообще никуда не полетим.

Гарсия взглянул на наручные часы.

– Да. Кстати говоря, у нас лишь тридцать минут на то, что забраться в корабль, вывести его на площадку и взлететь.

– Тогда за дело! – сказал доктор Родс. – Быстрее!

Гарсия умчался обратно в вычислительный зал и вернулся через пару минут с полными руками бумаг и записок с расчетами, определяющими их курс. Он сам отнес их в корабль и разложил на полках в рубке.

Дженнингс, Арпад и Брюс сели в небольшую моторизованную тележку, быстро проехали к общежитию, расположенному за вычислительным залом и остановились. Все трое рванулись внутрь, похватали чемоданы, собранные еще утром, и другие вещи, которые были не на борту корабля. Экипаж закинул груз в тележку и понесся к кораблю.

Доктор Родс и Гарсия были уже внутри. Грузовик, закачивавший оставшееся топливо, отъехал, направляясь в другое место.

Арпад и Брюс разгрузили тележку и потащили вещи на борт корабля. После первого посещения, Брюс запомнил примерную схему коридоров. Это помогло ему быстрее разобраться с погрузкой.

В задней части длинного корабля в форме пули располагались джозы, топливные баки, двигатели и другое оборудование, и все, кроме крошечного машинного отделения, было отделено от остальных помещений листами специального пластика, не пропускающего атомное

излучение. Этот пластик, разработанный пятьдесят лет назад, позволял использовать атомную энергию в таких закрытых пространствах, как космический корабль.

Вдоль центра корабля, над двигателями, тянулся узкий коридор. По обеим сторонам коридора располагались крошечные склады, кухня, спальные каюты и воздушный шлюз.

В конце коридора, занимая весь нос корабля, находилась рубка. Перед прозрачным куполом располагались два мягких кресла, где сидели пилот и его помощник. Сразу за ними было такое же кресло для астрогатора, сидящего перед панелью с множеством приборов, прикрепленной к борту корабля.

Дженнингс и доктор Родс уже заняли два первых кресла. Капитан говорил по рации с работниками космопорта, готовящимися везти корабль на стартовую площадку.

Гарсия плюхнулся на свое место. Арпад и Брюс погрузили последние вещи, закрыли и запечатали шлюз.

– Нам с тобой лучше немедленно улечься в стартовые гамаки, – обратился Арпад к Брюсу. – Ложись с той стороны, – указал он, – а я займу другой. Пойдем, я покажу.

Он поспешно провел Брюса в каюту рядом со шлюзом. Затем опустил глубокий мягкий гамак, хорошо прикрепленный к стене тесного помещения.

– Знаю, – сказал Брюс, не желая, чтобы Арпад считал его совсем беспомощным. – Пару лет назад я летал на каникулах на Луну. Так что могу справиться с этим. Лучше сам поторопись.

– Ладно, – кивнул Арпад. – Не забудь пристегнуться.

И он убежал.

Брюс залез в гамак и застегнул ремни. Он знал, что с его стороны расположен иллюминатор и, повернув голову, получил весьма хороший обзор происходящего.

Корабль покоился на чем-то похожем на железнодорожную платформу, прицепленную к паре приземистых наземных тягачей с атомными двигателями. Эти огромные тракторы покатали корабль к подножию горы.

Корабль едва заметно покачивался, когда поворачивались колеса платформы. Наконец, они добрались до стартовой площадки.

По горе, огромному пику, шли длинные рельсы, прямые, как стрелы. Огромные металлические обручи, приделанные к ним, создавали нечто, похожее на каркас туннеля, плавно изгибающегося вверх, пока не начал указывать вертикально в небо, точно ствол гигантского ружья.

Платформа дернулась, остановилась. Тягачи пыхтели с обеих сторон корабля и посредством огромных, снабженных амортизаторами рук, сталкивали ракету с платформы на горизонтальный участок стартовых рельс.

Брюс видел большую часть операций из бокового иллюминатора через толстое, ударопрочное композитное стекло. Он знал, что происходит, и мог представить то, что оставалось вне поля зрения.

Пыхтя, тягачи уехали.

– Еще одна минута, – донесся голос Гарсии по внутренней связи корабля. – Проверьте ремни. Расслабьтесь.

Система внутренней связи осталась включенной. Брюс слышал голоса. Дженнингс сверял показания приборной панели с доктором Родсом.

– От штурманской к нам движется какая-то машина, – заметил доктор Родс. – Я вижу, что из нее кто-то машет руками.

– Да, – подтвердил Дженнингс. – Похоже на полицейскую машину. Наверное, хотят, чтобы мы отложили старт.

– Не обращайтесь внимания, капитан, – встревоженно сказал Гарсия. – Еще тридцать секунд.

– Пусть себе машут, – грубо сказал доктор Родс. – Двадцать пять секунд.

Началась процедура запуска. Брюсу показалось, что он услышал слабый звук далеких сирен. Он представил, как полиция мчится к концу стартовых рельс, пытаясь остановить взлет.

Пока Гарсия отсчитывал секунды, время тянулось бесконечно долго. Затем, наконец, настала пятисекундная готовность, потом четыре секунды, три, две, одна, старт!

Корабль вздрогнул. В ту же секунду Дженнингс включил первый, слабый двигатель, способный только чуть стронуть с места корабль, стоящий на рельсах. Но этого было достаточно, чтобы запустить автоматическую магнитную реакцию.

Рельсы вели наверх через обручи, создававшие магнитное поле. Как только корабль начинал движение, обручи подхватывали гигантский металлический цилиндр и проталкивали его дальше. Притяжение спереди, толчки сзади, и корабль разгонялся все сильнее и сильнее.

Этот процесс было невозможно остановить. Когда корабль заскользил по дуге, Брюс почувствовал первые признаки ускорения. Гамак начал растягиваться, а каюта – плавно наклоняться, когда нос корабля стал плавно задираться, следуя изгибу рельс.

Обручи в иллюминаторе мелькали все быстрее и быстрее. Дженнингс включил другие двигатели, еще больше увеличивая скорость.

Ракета мчалась по стартовым рельсам с постоянно нарастающей скоростью. Теперь нос смотрел уже почти вертикально вверх, и из кресел рубки стало видно быстро увеличивающееся пятно голубого неба в конце магнитного туннеля.

С неуклонно увеличивающейся инерцией, огромная пуля неслась вверх, а из ее задней части вырывались струи атомного огня. Брюс почувствовал, что его все сильнее и сильнее вдавливают в гамак. Казалось, на грудь давила огромная рука.

Затем, как пуля из винтовки, корабль вылетел из восьмисотметрового туннеля, и Дженнингс включил двигатели на полную мощность.

Наступил момент невыносимого давления. Брюс почувствовал, что вот-вот задохнется, будто на него сел невидимый слон и пытался размазать его по гамаку. Он хватал ртом воздух, стараясь не отключиться.

Секунду за секундой ему казалось, что сейчас его полностью раздавит. Уголком страдающих глаз он замечал, что иллюминатор становится все темнее и темнее, голубое переходит в черное.

Затем, наконец, когда Брюс ощутил, что больше не может выносить напряжение, что его охватывает полная бессознательность, давление вдруг исчезло. Наступил момент долгожданного облегчения, и он осознал, что пытается взять под контроль kloчующие легкие.

Брюс понял, что корабль вывободился из хватки земного притяжения и полетел к Сатурну!

ГЛАВА 3. Обратная сторона Луны

КАК ТОЛЬКО БРЮС отстегнулся от гамака, то обнаружил, что пребывает в состоянии свободного падения, хорошо знакомого космонавтам. Брюс понял, что в отсутствии веса нет ничего хорошего, несмотря на то, что те, кто никогда не бывал в космосе, просто очарованы невесомостью. Он чувствовал себя так, словно его сейчас стошнит, желудок прыгал, а глаза и уши пытались обнаружить то, чего тут не было. Такое же ощущение возникло бы, если бы Брюс прыгнул с очень высокого здания, но еще не долетел до земли.

Потребовалось время, чтобы привыкнуть к этому. Первые несколько часов ему пришлось думать о каждом движении, поскольку, в противном случае, мышцы, готовясь бороться с привычным весом, прикладывали слишком много сил, и его охватывала паника. Неудобство, причиняемое ощущением падения, никуда не исчезло, и потребовалась концентрация, чтобы выстроить новый набор мысленных команд, позволивших телу нормально функционировать в таких условиях.

Эти ощущения были для Брюса не совсем новинкой. Он уже проходил через это, когда он летал к отцу на исследовательскую базу в Копернике. Хотя он пытался подготовиться к тому, что грядет, все равно испытал сильный шок, когда вновь столкнулся с этим.

Возможно, к счастью, у него не было времени сидеть и раздумывать о своих ощущениях. За те пару часов, что займет оборот вокруг Луны, нужно было сделать много работы. Арпад Бенц уже двигался по центральному коридору, цепляясь за различные петли и стойки, служившие как раз для этой цели.

– Давай, Брюс, – позвал он. – Пора браться за работу. Нам надо разложить лунные коньки и все установить.

Брюс дотянулся до кожаной петли, висевшей на стене рядом с ним и, используя ее, как Тарзан в фильмах, догнал Арпада. Он знал, что

такое лунные коньки, но не совсем понимал, почему было необходимо покидать корабль, чтобы их закрепить. Молодой космонавт, поначалу смеявшийся над ним, теперь залезал в герметичный скафандр.

Брюс не знал, что ему нужно делать, но настроился на то, что нет ничего, что могут сделать другие, но не сможет он. Он был готов к чему угодно. Пусть Арпад смеется над тем, что он еще ребенок, а другие думают, что хотят, они все равно поймут, что он годится в космонавты.

Арпад помог Брюсу залезть в скафандр, застегнуть герметичный комбинезон, надеть прозрачный пластиковый шлем, проверить обогрев и воздушные клапаны. Пока они стояли в тесном шлюзе, и из него откачивался воздух, включилась рация в шлеме. Арпад объяснил, что надо будет сделать.

Когда открылся внешний люк, Брюс глянул в черноту космоса. Половину обзора занимала светящаяся поверхность Земли, великолепная, вселяющая трепет полусфера, такая же, как рельефная карта в школе, не считая захватывающего дух глубины цвета. Нежно-зеленый цвет леса и насыщенный голубой оттенок океанов, ослепительный белый полярных шапок, одно перетекало в другое. Над всеми туманными массами облаков и влажными воздушными поясами, по одному краю полусферы ползла фиолетовая зона сумерек. Брюс пристально смотрел, на секунду забыв о бездонной пропасти, висящей между крошечным кораблем и родной планетой.

– Давай, давай, – подгонял Арпад, – не время мечтать, у нас много работы!

Брюс вышел из транса, развернулся и последовал за Арпадом по внешней поверхности корабля, как муха по потолку – магнитные перчатки и ботинки скафандра прилипали к корпусу.

Лунные коньки имели форму длинных хребтов, которые Брюс поначалу принял за элементы аэродинамики корабля. Теперь он увидел, что это, действительно, были жесткие металлические коньки во всю длину корабля, которые можно было выдвинуть из тугих креплений на корпусе, чтобы образовать двое параллельных полозьев, как у санок или снегохода. Хотя на Земле они были бы очень тяжелыми, здесь, в невесомости, Брюс и Арпад смогли с легкостью выдвинуть их из корпуса голыми руками и защелкнуть перекладки, тем самым подготовив корабль к посадке на Луну.

Когда работа была сделана, Арпад с Брюсом добрались до шлюза, залезли внутрь и сняли скафандры. До Брюса не дошло, что этот корабль будет садиться так же, как большинство коммерческих и исследовательских кораблей, не используя приемы космической акробатики вроде посадки хвостом вниз и магнитных амортизаторов, как это делается на современных пассажирских лайнерах. Брюс с нетерпением ждал момента, когда он воочию увидит посадку на коньки. Пробираясь к носу корабля, он понял, что тот спроектирован, как самолет, – чтобы летать носом вперед, а не наоборот.

– Коньки установлены, док, – объявил Арпад, когда они вошли в комнату. – Можно закреплять снаряжение?

Доктор Родс, Дженнингс и Гарсия были на своих местах. Родс и Гарсия занимались расчетами, прорабатывая курс. Дженнингс сидел в кресле пилота, следя за двигателями и приближающейся Луной.

Через плечо Дженнингса Брюс увидел серо-белую поверхность спутника, которая становилась все больше и больше – холодная, изобилующая острыми углами пустыня, так хорошо знакомая астрономам. Эта сцена тревожила его недостатком тепла, насыщенностью суровых теней и пятнами ослепительного белого света. Теперь, без атмосферы, делающей поверхность размытой, и приближаясь на скорости в несколько километров в секунду, от такого зрелища захватывало дух.

– Да, – оторвался отец Брюса от работы, – лучше проверьте, что при взлете ничего не повредилось. Мы сядем на шахтерской базе рядом с Морем Эйнштейна, чтобы заправиться в последний раз. Я не хочу оставаться там дольше, чем будет необходимо.

Гарсия взглянул на космонавтов и что-то проворчал. Сидящий за рычагами управления, Дженнингс слегка покачал головой, будто встревожившись от такой перспективы. Брюс заметил эту реакцию, и, после того, как они с Арпадом вышли, удивленно посмотрел на него.

Но впервые Арпад ничего не сказал, а его лицо стало задумчивым. Они молча прошли через все каюты, проверяя содержимое шкафчиков и испытывая на прочность ремни и замки.

– Что-то не так? В чем дело? – дойдя до ящика с оружием и боеприпасами, Брюс, наконец, нарушил молчание.

Арпад помешкал секунду.

– Ну, садиться будет опасно. В конце концов, это одна из главных баз «Терралуны». Им придется заправить нас, но, могу поспорить, они обязательно попытаются наделать нам проблем и, возможно, обездвигить корабль. Оставаться там надолго – очень рискованно.

– Тогда почему бы не сесть где-нибудь еще – скажем на официальной базе ООН у Моря Кризисов? – предложил Брюс.

– Не-а, – покачал головой Арпад. – Это на земной стороне Луны. Нам нужно взлетать с обратной стороны, чтобы избежать влияния земной гравитации. Все пригодные базы на этой стороне принадлежат «Терралуне». Так что придется сесть на одну из них.

Брюс поджал губы, когда они продолжили идти. Он никогда не был на дальней стороне Луны, стороне, которая никогда не видна с Земли, но знал, что она почти как отдельная страна, настолько обширны там владения «Терралуны». Если что-то пойдет не по плану, случится какое-то «пришествие», помощи и правосудия будет ждать неоткуда. Все будет зависеть только от самого экипажа.

Посадка должна произойти уже скоро, хотя, в общем-то, до нее оставалось еще несколько часов. За это время корабль развернулся и включил двигатели, снижая скорость для безопасной посадки. Чтобы

сесть на коньки, вначале необходимо сделать два-три оборота вокруг планеты, уменьшая скорость до уровня самолета, готовящегося коснуться посадочной полосы на Земле. Космические скорости такие огромные, что для их снижения приходится крутиться вокруг планеты по сужающейся орбите, все больше и больше приближаясь к поверхности по мере замедления. Скорость корабля должна почти соответствовать скорости вращения поверхности космического тела.

Брюс узнал, что снижение скорости таким путем занимает почти столько же времени, сколько и сам полет от Земли до Луны. В течение всего этого периода, они с Арпадом были готовы к аварийным ситуациям, пока Дженнингс мастерски вел корабль над поверхностью Луны.

Брюс получил великолепную возможность рассмотреть обе стороны Луны, ту, что мы знаем, и ту, что никогда не видна с Земли. Стороны оказались очень похожи. На обратной стороне были такие же плоские, широкие кратеры, высохшие моря и острые горные пики. Только когда первые исследователи облетели спутник, этим элементам ландшафта дали имена, в основном, авторов великих научных открытий и известных политиков последнего столетия.

Наконец, корабль заскользил над поверхностью, перелетев последнюю горную цепь и снижаясь над обширной, плоской равниной величественного Моря Эйнштейна. Это «море», как и все другие лунные моря, на самом деле являлось огромной, высохшей равниной. Шахтерская база пряталась в углу рядом с зубчатой стеной небольшого глубокого кратера.

Дженнингс плавно опускал корабль, пока не показалось, что они летят чуть ли не в сантиметре от поверхности. Затем, снижаясь по миллиметру, коньки, наконец, коснулись грунта, и корабль охватила мелкая свистящая дрожь. Они пару раз подскочили, а потом заскользили по поверхности, как тобогган по снегу. Поскольку море в каком-то смысле, действительно, было морем — морем пыли.

Миллионы лет космическая пыль медленно собиралась на безвоздушной поверхности Луны. Ее плоские равнины покрывал толстый слой мельчайшей пыли в несколько метров толщиной, что создавало превосходную посадочную площадку для корабля, оборудованного полозьями. Коньки отлично справлялись с задачей.

Теперь они скользили по поверхности, оставляя за собой фонтан частиц, более мелких, чем снег, медленно оседающих обратно, не образуя облако. Брюс на секунду растерялся, затем понял, что без воздуха пыль не может держаться на весу. Поэтому она сразу падает. Будь это на Земле, пылевое облако провисело бы несколько часов.

Прильнув к иллюминатору, Брюс следил за неожиданными толчками и кренами, а Арпад занимался тем же, но с другой стороны корабля. Дженнингс направил корабль точно к куполам шахтерской базы.

Последний раз пыхнув двигателями, ракета аккуратно прошла в огромные ворота ангара и оказалась на гладкой взлетной полосе. Гро-

мальные створки закрылись, и экипаж услышал пульсирующие насосы, когда в герметичный ангар снова стал поступать воздух. Когда давление снаружи стало нормальным, Арпад открыл внешний люк.

– Подождите минутку, экипаж, – сказал доктор Родс.

Он быстро шел по коридору с Дженнингсом и Гарсией следом.

– Не выходите, пока я не скажу.

Брюс откинул сиденье и сел. Он внезапно понял, что снова обладает весом, хоть и гораздо меньшим, чем дома.

– Устал? – ухмыльнулся Арпад.

Брюс осознал, что, действительно, весьма устал, но в невесомости космоса просто не замечал этого. Однако, он покачал головой, не собираясь признаваться в слабости.

Родс подошел к люку, и все остальные собрались вокруг него.

– Я не хочу, чтобы вы покидали корабль без необходимости, – помолчав секунду, сказал он. – Прошу вас, будьте очень, очень осторожны и внимательно следите за происходящим. «Терралуна» обязательно попытается сорвать наш полет. Мы заправимся их топливом в последний раз, и им придется разрешить нам сделать это, потому что так приказала ООН. Не знаю, как, но уверен, что каким-то образом они попробуют вывести корабль из строя.

– Арпад, открой ящик с оружием, возьми себе и дай Брюсу. Я хочу, чтобы вы оба сторожили корабль, не спуская с него глаз. Не позволяйте никому входить. Не позволяйте никому ошиваться рядом, кроме тех, кто участвует в заправке. Я рассчитываю, что это займет не больше часа и собираюсь улететь, как можно быстрее. Нам с Гарсией надо еще кое-что просчитать, чтобы благополучно перелететь к поясу астероидов, а Дженнингсу нужно проверить двигатели. Так что вам двоим придется следить за тем, чтобы заправка прошла, как по маслу, и никто не навредил кораблю.

Через пару минут, Брюс с Арпадом открыли люк и спустились в ангар. Поставив ногу на поверхность Луны, Брюс почувствовал, как сердце его заколотилось от странного возбуждения и опасности, а слабость мгновенно исчезла. На талии у него был застегнут толстый кожаный пояс с патронами и громоздким блестящим автоматическим пистолетом, висящем в кобуре на боку. Его рука лежала на покрытой резиной рукоятке, пока он шагал к группе рабочих в голубой униформе «Терралуны», катившей пластиковые бочки с атомным топливом.

ГЛАВА 4. Топливо для дураков

АНГАР был герметичным металлическим пузырем, способным вместить несколько космических кораблей, и соединялся с группой похожих строений, являвшихся жилыми домами и рабочими помещениями шахтерского предприятия. Пол был сделан из спрессованного лунного камня, а освещали все гигантские атомные лампы, встроен-

ные в купола, лампы, которые, будучи зажжены, не погаснут в течение тысячи лет. Воздух и температура поддерживались искусственно и регулировались персоналом базы. Снаружи жизнь не могла существовать из-за отсутствия воздуха и длящихся неделями суток, когда ужасная жара сменяется нестерпимым холодом. Все, что здесь есть, создал человек и по кусочкам привез сюда.

Брюс размышлял об этом, пока рабочие катили бочки. Даже хотя «Терралуна» была занята проектом, который мог разрушить все, чего человек достиг за миллион лет тяжелой борьбы, Брюс понимал их желание добиться абсолютной власти над этим чуждым миром. На секунду он почти забыл об опасности их визита, когда суровый голос одного из рабочих вернул его на Землю... или, скорее, на Луну.

— Это вы те ребята, для которых у нас специальный срочный приказ, парень?

На секунду Брюс разозлился. Он знал, что был слишком молод для космонавта, но сомневался, что в чем-то уступал этим людям. Но он тут же прогнал эти мысли из головы, поняв, что вопрошающий не имел в виду ничего плохого.

— Да, — тихо ответил Брюс, — мы те самые. Подкатите бочки к корме и залейте в баки четыре, пять и шесть. — Он махнул в ту сторону рукой и отошел.

— Не дай им себя разозлить, — подойдя к Брюсу, предостерег Арпад. — Смотри в оба.

Он помахал рукой и обошел корабль, чтобы осмотреть его на предмет царапин и небольших вмятин, которые могли оставить крошечные метеоры или космический мусор.

Брюс медленно ходил взад-вперед, внимательно следя за заправкой. Казалось, что все идет по плану. Бочки выкатывали из соседнего купола, на входной двери которой было написано: «Топливо — Не входить — Опасно». Бочки были запечатаны и несли на себе стандартные маркировки комиссии Организации Объединенных Наций по атомному топливу. Кроме рабочих, посторонних рядом не было, хотя из дверного прохода в дальней стороне ангара за происходящим смотрела пара каких-то людей.

Арпад снова вышел из-за корабля и встретился взглядом с Брюсом.

— В этот раз мы пролетели очень удачно, только одна маленькая царапина, — помахал рукой молодой космонавт. — Хочешь взглянуть?

— Конечно, — ответил Брюс. — Где она?

— Вот тут, — взяв его за руку и проведя к носу корабля, показал Арпад.

Он ткнул пальцем в узкую царапину длиной сантиметров шестьдесят, идущую диагонально по блестящей поверхности округлого носа корабля прямо под смотровыми иллюминаторами.

— Нас задел очень маленький объект. Это сверхтвердый металл, так что можешь догадаться, на какой скорости мчался этот камушек, чтобы поцарапать обшивку.

Брюс с интересом посмотрел на отметину. Он подумал о том, что может произойти, если радары пропустят камень побольше, и, пока размышлял, его уши зарегистрировали что-то отличное от звуков тяжелых шагов рабочих и грохота тележек.

Брюс повернулся и в первую секунду увидел только одного рабочего, катящего последнюю бочку с топливом к заправочной горловине. Но тут же оказалось, что этот человек не один, с ним шло еще трое, причем не в стандартных голубых униформах. Один из них, низкий, толстый, лысеющий человек носил гражданский лунно-серый свитер и держал в руке кожаный дипломат. У двоих других, выглядящих по-военному, были суровые лица, на них была синяя форма охраны «Терралуны», а на поясах оружие в кобуре.

Брюс тут же развернулся и быстро подошел к ним. Рабочий продолжал заниматься заправкой, но трое других направились к шлюзу.

– Пожалуйста, подождите секунду! Заходить на борт запрещено!

Троица уделила ему мало внимания, лишь окинув недружелюбными взглядами, и ускорила шаги. Брюс рванулся к люку, оказался на пару шагов впереди незваных гостей и перегородил проход.

– Стойте! Если вам нужно войти в корабль, скажите мне, и я позову кого-нибудь, но вас я не впускать.

Коротышка резко остановился и покраснел. Один из людей с оружием, однако, продолжал идти с сердитым видом.

– Отойди, парень, не задерживай нас. Нам надо увидеть капитана, и мы пройдем внутрь.

Он попытался оттолкнуть Брюса в сторону. Почти бездумно, Брюс протянул руку к поясу и выхватил пистолет. Ствол оказался в нескольких сантиметрах от живота военного.

– Отойдите! – крикнул Брюс.

Застигнутые врасплох, все трое быстро сделали шаг назад, а двое в форме достали оружие. Брюс крепко стиснул рукоятку пистолета.

– Не пытайтесь ничего предпринять, – сказал он. – У меня приказ. У вас нет законных причин подниматься на борт этого корабля!

Коротышка в сером вернул себе самообладание и жестом приказал своим спутникам отойти.

– Но так случилось, что у нас есть дело к вашему капитану. Я являюсь официальным представителем ООН на этой базе. Моя обязанность – проверять все корабли, заходящие в порт, перед тем, как они его покинут. Мне придется осмотреть этот корабль лично, прежде чем я выдам разрешение. Так что позвольте нам войти и выполнить свои обязанности!

– Что бы вы ни сказали, я не могу вас впустить, – упрямо покачал головой Брюс. – Этот корабль является кораблем ООН и летит по заданию ООН. Можете это проверить, связавшись с «Коперником» по радио. Вообще, вы должны были уже знать об этом, раз получили приказ заправить нас.

Чиновник снова покраснел.

– Мне без разницы, что говорит «Коперник». Откуда мне знать, что этот корабль, действительно, является тем, за который себя выдает? Мне приказано не выпускать отсюда корабли, пока я их не проверю. Если вы немедленно не опустите свое уродливое оружие и не отойдете в сторону, я позабочусь о том, чтобы вы вообще никуда не улетели!

Коротышка пошел вперед, показывая свою храбрость, но Брюс загордил вход рукой и не опустил пистолет.

– Еще шаг, и я буду стрелять!

Его сердце громко стучало. Он не знал, что случится, если ему придется привести свою угрозу в исполнение, но помнил только одно. Он не мог позволить этим людям подняться на борт корабля. Было очевидно, что заявления «чиновника» всего лишь трюк. Вероятно, он даже не имел отношения к ООН. Законные или нет, чем бы эти слова ни были, они служили только для того, чтобы попытаться сорвать экспедицию.

Очевидно, троица поняла, что Брюс не блефует, поскольку отошла назад и больше не приближалась. Арпад, в изумлении наблюдавший за происходящим, подошел к Брюсу.

– Я позову капитана, – прошептал он и скрылся в корабле.

Некоторое время Брюс молча преграждал вход. Троица перешептывалась.

Потом к люку подошел доктор Родс.

– Что тут происходит? – спросил он.

Пухлый чиновник вернулся к кораблю и рассказал ту же историю, что и Брюсу.

– Нет, я не могу разрешить вам подняться на борт, – нахмурившись, покачал головой Родс. – Мне сказали, что для этого корабля и его миссии Объединенные Нации уже разрешили взлет. Этого должно быть достаточно.

Коротышка отошел и еще пошептался с людьми «Терралуны».

– Как официальный представитель ООН, – он снова взглянул доктора Родса, – я отказываюсь выдать вам разрешение на взлет. Пока вы не позволите мне войти, вам запрещено покидать базу. – Он повернулся к людям в синем. – А вы следите за тем, чтобы они не нарушили мой приказ!

Чиновник ушел и исчез в одном из куполов, словно, что бы ни случилось, это не его ума дело.

Доктор Родс молча проводил его взглядом, затем повернулся к Брюсу.

– Заправка закончена? – спросил он и добавил, когда Брюс кивнул. – Пойдем внутрь.

Инженер вернулся в шлюз вместе с сыном, закрывшим люк и начавшим его запечатывать. Доктор пошел по центральному коридору.

– Всем приготовиться к взлету! – громко объявил он. – Мы немедленно улетаем!

Брюс поспешно захлопнул внутренний люк шлюза и начал работать с резиновыми зажимами. Арпад уже бежал в машинное отделение, пока доктор Родс мчался в рубку.

– Но расчеты еще не закончены! – услышал Брюс громкие возражения Гарсии.

– Неважно! – прокричал доктор Родс. – Закончим их в космосе. Дженнингс, старт! У нас нет ни секунды!

Брюс расправился с последними зажимами. Снаружи он услышал сдавленные крики людей, а кто-то даже начал стучать по обшивке.

– Вам нельзя улетать! – донесся чей-то голос. – У вас нет разрешения. Если вы немедленно не откроете, то будете считаться преступниками!

Брюс выглянул в центральный коридор. Дженнингс уже занял кресло пилота, а Родс и Гарсия сидели рядом с ним.

Через боковой иллюминатор Брюс смотрел, как люди отбегают от корабля, когда Дженнингс обозначил свои намерения. Продув двигателем заставил всех в ангаре искать укрытие. Корабль развернулся носом к огромным воротам.

– Откройте ворота, или мы сию же минуту выйдем их! – услышал Брюс голос Дженнингса, загремевший в динамиках громкой связи.

Загрохотали двигатели корабля. Еще один выхлоп реактивной энергии, и корабль медленно заскользил на коньках. В самый критический момент ворота все же начали открываться. Оставшийся в куполе воздух вылетел наружу, но весь персонал базы успел спрятаться в укрытия.

Корабль проехал между створок ворот и оказался на обширных просторах серого моря пыли, раскинувшимися перед ними, как равнина, доходящая до самого горизонта, на котором Брюс увидел белые, залитые солнцем вершины лунных гор, опоясывающих Море Кризисов.

Корабль медленно вышел на позицию. Позади из ангара выбежало несколько человек, одетых в громоздкие красные и желтые скафандры. Еще он заметил, что за ними катилось нечто яркое, отливающее металлическим блеском.

– Они ни перед чем не остановятся, – услышал Брюс слова отца, – они не могут допустить этого. И пойдут даже на убийство!

– Остановите корабль, или мы откроем огонь! – прогремел странный голос, когда корабль уже начал набирать скорость, и коньки заскользили по толстому слою бархатной поверхности. – Это приказ командира базы!

– Вперед, – сказал Родс Дженнингсу. – Полный ход и взлет по готовности!

Двигатели ракеты заработали на полную мощность. Быстро удаляясь от куполов шахтерского лагеря, Брюс увидел желтую вспышку рядом с крошечными фигурами на поверхности Луны. Откуда-то издаleка донесся грохот взрыва. По ним стреляли!

Но было слишком поздно. Экспедиция Родса неслась все быстрее и быстрее, полозья скользили по дну моря. Затем, легко и плавно, корабль оторвался от спутника, устремившись в черное небо, перемахнул через острые вершины гор и принялся разрезать межпланетную пустоту.

База «Терралуны» позади быстро превратилась в группу крошечных блестящих пузырьков, затем в пятнышко на краю плоской серой равнины и вскоре совсем исчезла с лица Луны. Брюс увидел, как Луна стала огромным шаром, занимающим все поле зрения, потом уменьшилась до диска на фоне черного неба и, наконец, появился захватывающий дух вид двух дисков: светящуюся зеленым и голубым Землю и частично затемняющие ее черно-белые, грубые очертания мертвого спутника.

Впереди их ждал Сатурн, находящийся в миллиарде и трехстах миллионов километров от дома!

ГЛАВА 5. Космический автостоп

– **ЭЙ, ОТОРВИСЬ** уже! – голос Арпада прервал мысли Брюса, пока тот пристально смотрел на уменьшающуюся Луну. – У нас полно работы, еще успеешь налюбоваться на космос.

Брюс неохотно отвел глаза от захватывающего зрелища двойной планеты, где он родился, и обратил внимание на происходящее в корабле. Арпад уже занимался тем, что подбирал бумаги и вещи, сорвавшиеся со своих мест в результате резкого взлета. Не получив дальнейших указаний, Брюс присоединился к нему и принялся снова проверять груз. К счастью, они мало что отстегнули во время недолгого посещения Луны, и потому внезапный старт не наделал такого беспорядка, какой мог бы получиться после заправки в штатном режиме.

К тому же взлет с маленького космического тела обошелся без огромных перегрузок и скоростей, требуемых при старте с Земли. Чем меньше планета, тем легче ракете вырваться из хватки ее гравитации. Это было давно известно. Все школьники во времена Брюса знали об этом.

В коридоре показался Дженнингс и махнул рукой двум космонавтам.

– Прекращайте заниматься ерундой! У нас есть работа посерьезнее! – сказал он и добавил, когда они подошли к нему. – Доктор Родс считает, что корабль, возможно, был поврежден одним из выстрелов. Я с ним не согласен, но рисковать мы не можем. Кому-то из вас придется залезть в скафандр и внимательно осмотреть корпус снаружи.

– Я сделаю это, – вызвался Брюс за секунду до того, как Арпад успел открыть рот.

Тот пожал плечами и отошел.

– Хорошо, – кивнул Дженнингс, – но особо не мешкай.

Брюс подошел к шлюзу, забрался в скафандр, как и тогда, когда они закрепляли посадочные полозья, и, выпустив из шлюза воздух, вышел

наружу. Он снова почувствовал пугающее ощущение невероятной высоты, ощущение, что его подвесили над бездонной пропастью, в которой плавают два огромных шара и бесчисленное множество крошечных, ярких звезд, смотрящих на него из бесконечной глубины.

Сфокусировав взгляд на блестящей металлической обшивке корабля, Брюс медленно шел по корпусу, осторожно ступая магнитными ботинками и таща за собой трос безопасности так, чтобы тот ни за что не цеплялся.

Брюс скрупулезно проверил всю обшивку от заостренного носа до утыканной раструбами кормы, пройдя мимо всех стабилизаторов и пары полозьев. Но не нашел ничего, что могло бы походить на след от снаряда «Терралуны». Позже Брюс порадовался, что сумел вернуться к шлюзу и оказаться внутри корабля, в безопасности. К тому времени, как захлопнулся внешний люк шлюза, он заметил, что диски Земли и Луны значительно уменьшились.

Не раньше, чем Брюс зашел внутрь, затих автоматический гудок, сопровождающий все операции в шлюзе, затем атомные двигатели заработали на полную мощность, и Брюс почувствовал, как стал тяжелее, а корабль принялся стремительно набирать скорость.

Еще один сигнал оповестил экипаж, что всех ждут в рубке. Брюс, сняв скафандр и повесив его на крючок, пошел по коридору, неуклюже пошатываясь, борясь с неудобствами, создаваемыми работающими корабельными двигателями.

В рубке в носу корабля Дженнингс сидел в пилотском кресле, следя за движением стрелок приборов, передающих показатели работы двигателей и направления полета корабля. Ведомый серией указаний и чисел, произведенных навигационными калькуляторами Гарсии и планетными картами, он, то и дело, сверял данные и выполнял корректировки, управляя огромной энергией, высвобождаемой в космос расщеплением атомного топлива.

Гарсия все еще выбивал числа на счетных машинах, по-видимому, перепроверя информацию. Доктор Родс рассматривал звездную карту, держа ее в руках.

Арпад уже был в помещении, и, когда вошел Брюс, все подняли головы. Доктор Родс мельком взглянул на сына, улыбнулся и затем снова стал серьезным.

— Из-за экстренного вылета с заправочной базы, нам придется пересчитать курс и перерисовать схемы, — обратился он ко всем. — Мы на пару часов опережаем график и движемся в немного другом направлении. Следовательно, нужно повернуть корабль и увеличить скорость, чтобы добраться до первой запланированной остановки по расписанию. Следующие несколько часов будем периодически включать двигатели.

Другие кивнули. Брюс растерялся, и, когда понял, что отец все это объясняет ради общей выгоды, решил, что единственно верным будет выразить замешательство.

— Я не совсем понимаю, пап, — сказал он, — что ты имеешь в виду под остановками. Разве мы не направляемся прямо к Сатурну? Разве так не будет быстрее и проще?

— Это было бы на самом деле быстрее, — кивнул отец, — если бы было возможно. К несчастью, у нас не получится долететь таким способом. У нас нет, как достаточного количества энергии, так и необходимого типа двигателей, чтобы осуществить такое путешествие. И, должен добавить, этим не обладает ни один другой корабль. Теоретически, построить подобный корабль возможно, но он будет таким большим и дорогим, что ему не найдется применения. Видишь ли, расстояние до Сатурна гораздо больше, чем то, которое когда-либо прежде удавалось преодолеть космическому кораблю. Но дело не только в том, что Сатурн находится невероятно далеко. Если говорить про Солнце и солнечную систему, вращающуюся вокруг него, это будет путешествие в гору. — Доктор Родс помолчал секунду, затем махнул рукой. — Подойдите к этой карте.

Арпад с Брюсом собрались у карты, на которой были изображены различные тела Солнечной системы.

— Как вы знаете, космический корабль летит к другому объекту не по прямой, — стал объяснять доктор Родс. — Вместо этого, чтобы сэкономить топливо, корабль выходит на близкую орбиту вокруг Солнца, но таким образом и на такой скорости, чтобы рано или поздно пересечь орбиту нужного тела в тот момент, когда оно будет там находиться. Другими словами, если мы направляемся на Марс, то не обращаем внимания, где он находится, когда взлетаем, и движемся к месту, где он будет, когда мы доберемся до этого места.

— Ты хочешь сказать, — вставил Брюс, — что это все равно, будто встречаться с другом там, куда вам обоим нужно доехать?

— Ну, в принципе, да, — ответил отец. — И поскольку мы не можем попросить планету изменить курс, задача по планированию времени и места встречи полностью ложится на нас.

— Ну, значит, — сказал Брюс, — нам просто надо узнать, где будет Сатурн, и отправиться туда по прямой, да?

— Нет, — ответил инженер, — потому что в таком случае нам придется лететь, всю дорогу борясь с притяжением Солнца. Чтобы выйти на такую орбиту, потребуется гигантское количество энергии, поскольку вместо того, чтобы просто вырваться из притяжения Земли, что и так довольно трудно, как ты уже знаешь, нам на всем протяжении полета будет нужно противостоять солнечной гравитации. Сатурн находится от Солнца на миллиард триста миллионов километров дальше, чем Земля, поскольку от дома до нашей звезды сто пятьдесят миллионов километров пути «в гору». Чтобы справиться с притяжением Солнца, придется всю дорогу лететь на полной тяге, но ни один корабль не сможет взять на борт столько топлива. Так что будем добираться автостопом!

– Что-о? – не веря своим ушам, спросил Арпад. – Как это возможно? Гарсия, наконец, завершил работу, улыбнулся и поднял голову.

– Будем хвататься за астероиды.

– Все верно, – кивнул доктор Родс. – Так получилось, что крохотные планетки, называемые астероидами, которые, в основном, вращаются между Марсом и Юпитером, станут нашими ступеньками. Этих маленьких миров там тысячи, и некоторые из них, к счастью для нас, обладают безумными орбитами.

– Да, это верно, – возбужденно согласился Брюс, – есть даже такие, которые пролетают рядом с Землей. Эрос, Amor и Адонис – они все подходят на расстояние всего в несколько миллионов километров.

Родс кивнул.

– Существуют астероиды, чьи орбиты чуть ли не пересекаются с орбитой Венеры, и эти объекты иногда оказываются ближе к Солнцу, чем мы. И что интересует нас больше, некоторые астероиды вылетают за орбиту Юпитера. Особенно один, под названием Идальго, почти вплотную подходящий к орбите Сатурна.

– Значит, мы движемся к Идальго?

– Не напрямую, это невозможно, – ответил Родс, – но он станет нашим последним пунктом. Так совпало, что сейчас Идальго проходит орбиту Юпитера и направляется почти точно к Сатурну. Если доберемся туда вовремя, сможем просто проехать на нем остальную часть пути. Но даже и к Идальго мы не полетим напрямую. Сначала выберем ближайший астероид, какой-нибудь из тех, что находится рядом с Землей и движется наружу. На нем мы пересечем орбиту Марса, где запрыгнем на другой астероид, который проведет нас почти через весь астероидный пояс. Затем мы воспользуемся тем астероидом, что подбросит нас до Идальго, где сможем сесть. Пробудем на Идальго несколько недель, пока не окажемся рядом с Сатурном и затем совершим последний скачок к нашей основной цели.

– Вот это да! – воскликнул Арпад, а Брюс просто присвистнул.

– Потребовалось сделать много расчетов, – кивнув в стороны счетных машин, сказал Гарсия. – Очень много. Нам пришлось учесть орбиты десятков маленьких мирков и рассчитать их скорости, направления и время. Вот почему мы сейчас тратим топливо, пытаясь попасть туда, где должны были оказаться, если бы следовали изначальному плану. В противном случае, новые расчеты будут чрезвычайно сложными.

– Значит, мы, в общем-то, будем не столько лететь, сколько совершать короткие скачки между астероидами, позволяя их гравитации тащить нас против притяжения Солнца? – рассматривая карту с окружностями, пересекающимися друг с другом, как в паутине пьяного паука, заключил Брюс.

– Все верно, – подтвердил Родс.

— Аполлон в пределах видимости, сэр! — воскликнул в этот момент Дженнингс.

Родс подскочил к иллюминатору. Брюс не видел ничего, кроме обычной массы огоньков звезд, но, очевидно, тренированный глаз пилота что-то заметил. Инженер прищурился и поднял голову.

— По местам! — скомандовал он.

Брюс с Арпадом убежали на посты, закрепленные за ними на такие случаи. Арпад оставался у двигателей, чтобы следить за сбоями в их работе. Брюс располагался у шлюза, готовый предпринять любой шаг, который мог потребовать аварийный вызов. К счастью для него, рядом был иллюминатор, и он мог наблюдать почти за всем, что происходит.

Брюс почувствовал, как корабль меняет курс, когда гироскопы начали его поворачивать. Он ощутил серию активаций двигателей, тормозящих корабль, как при посадке.

Теперь он заметил крошечный белый диск, являющийся приближающимся астероидом. Аполлон был очень маленьким астероидом, как знал Брюс, но одним из тех, что подходит близко к земной орбите. Объект качался взад-вперед перед глазами, пока корабль выходил на заданный курс.

Постепенно астероид приобрел форму, и Брюс, к своему удивлению, увидел, что это не шар, чем, по его мнению, должны были являться все планетные тела. Вместо этого, Аполлон оказался огромным куском камня неправильной формы, похожим на большой вытянутый валун, медленно вращающийся вокруг короткой оси.

На секунду Брюс растерялся, затем вспомнил школьный курс астрономии. Он понял, что Аполлон не мог быть больше нескольких километров в длину, и его собственная гравитация слишком слаба, чтобы придать ему сферическую форму, когда он был расплавленным. Аполлон остыл слишком быстро, чтобы превратиться в нечто большее, чем масса безжизненного камня неправильной формы.

Сесть на астероид оказалось не так-то просто. Речь уже не шла о том, чтобы скользить по гладкой поверхности. Скорее это было вращение, оценка странного движения его острых граней, уклонение от одного торчащего конца и ныряние в долину, находящуюся с другой стороны.

Прошло несколько часов увертываний и вращения, прежде чем посадка осуществилась, и Брюс, затаив дыхание, не отлеплялся от иллюминатора в течение всего времени, наблюдая за массой белесо-серого блестящего камня, заполняющего весь обзор, быстро надвигающегося на них, словно собираясь со всей силы ударить по кораблю, затем внезапно отворачивая с головокружительной скоростью, выравниваясь, и снова и снова поворачиваясь. Походило на то, как если бы какой-нибудь участок земли сошел с ума, когда крошечный кораблик подходил к свободно движущейся массе камня, массе не тяжелее острова Манхэттэн, но, тем не менее, являющейся отдельным миром. И тут

ландшафт Аполлона выровнялся, корабль неожиданно мягко соприкоснулся с поверхностью и остановился.

Они успешно сели на первый астероид.

ГЛАВА 6. Испорченные карты

АПОЛЛОН оказался странным местечком. Когда все посадочные проверки закончились, Брюсу и Дженнингсу разрешили выйти из корабля и обследовать крошечный мирок. Их путешествие должно быть не просто развлечением, а очень полезным мероприятием.

Из-за одного факта, как объяснил всем доктор Родс сразу же после посадки, им можно было тут пробыть только определенный, точно отмеренный промежуток времени. Аполлон двигался к орбите Марса. В одной точке он пройдет в нескольких сотнях тысяч километров от другого астероида. В этот момент, второй астероид будет находиться ближе к Солнцу, чем когда-либо. Они переседадут, доберутся на втором астероиде почти до орбиты Юпитера и, наконец, смогут перепрыгнуть на Идальго.

Брюс спросил, увидят ли они Марс, но Гарсия покачал головой.

— В данный момент Марс находится с другой стороны Солнца, — пояснил он. — Мы, возможно, пересечем его орбиту, но, чтобы встретить Марс, нам придется ждать больше года, прежде чем он доберется сюда.

— А что случится, если нам не удастся совершить прыжок вовремя? — внезапно спросил Брюс.

Наступило молчание.

— Это станет серьезной проблемой, — нахмурился Гарсия. — Нам придется подыскать альтернативный вариант или сделать очень длинный прыжок. Во втором случае мы потратим больше топлива, чем можем себе позволить. Так или иначе, нам будет нужно затратить ужасно много времени на новые расчеты. А лишнего времени у нас просто нет.

Так что, защищенные должным образом космическими скафандрами, Брюс с Дженнингсом вышли из корабля, в основном для того, чтобы побольше узнать о движении крошечного мира в космосе и видимом перемещении звезд и планет в угольно-черном безвоздушном небе. Нужно было произвести астрономические наблюдения, чтобы уточнить их положение, а это нельзя сделать, предварительно не определив оптические иллюзии, таящиеся в небе над Аполлоном.

Ощущение было очень странным. Брюс чувствовал себя почти в невесомости, стоя на поверхности астероида, будто повиснув в открытом космосе. Аполлон был таким крошечным, что вес Брюса составлял всего лишь пару сотен граммов. С земными мышцами, способными поднимать десятки килограммов, при движении нужно было быть чрезвычайно осторожным. Обычный шаг мог подбросить его над поверхностью на сотню метров, оттащив далеко от места взлета. Брюс

уже ошибся в первый раз, когда попытался пройти, и это стало жутковатым опытом.

С того места, где он беспомощно парил, как перышко, очень медленно опускаясь обратно, он видел почти всю поверхность астероида. Она была каменной, не обремененной присутствием воды или почвы. Ее грани были острые и неприветливые. Свет Солнца и звезд ослепительно сиял на них, а тени были непроницаемо черными.

Пока Брюс опускался вниз, он видел, как Дженнингс, стоящий у корабля, машет ему рукой. Пилот держался за каменистую поверхность большим крюком. Вдобавок он привязал себя к кораблю длинной веревкой. Он приготовил другой конец, чтобы пристегнуть им Брюса, и уже собирался это сделать, как бездумный первый шаг юноши отправил того высоко в небо.

Брюс затаил дыхание и ждал. Через несколько минут он спланировал на грунт, Дженнингс подплыл к нему и прикрепил веревку к кольцу на поясе скафандра.

– Наверное, здорово перепугался, да? – спросил Дженнингс по радиации скафандра.

– Ну, – ответил Брюс, – это было очень неожиданно.

– Посмотри вверх, – указывая, сказал пилот.

Брюс вместе с Дженнингсом взглянул на небо.

Небо было очень яркое, удивительное и весьма необычное. Вместо голубого цвета земного неба, тут оно было черным, как при наблюдении из космического корабля. Звезды и планеты тоже казались такими, будто смотришь на них из космоса, но они двигались. Все небо медленно поворачивалось. Даже секундного взгляда наверх хватило, чтобы у Брюса закружилась голова.

– Аполлон вращается довольно быстро, что неудивительно для объекта такого размера, – заметил Дженнингс. – Нам придется рассчитать, как быстро и в каком направлении он вращается, чтобы мы поняли, какие звезды видим и когда заметим тела, по которым будем ориентироваться.

Они установили автоматические камеры, делающие снимки неба через регулярные интервалы времени. Через несколько часов их изучат и возьмут за основу для расчетов Гарсии. Они также поставили телескопы, чтобы быстро определять различные тела, и уже довольно скоро им удалось решить основную часть проблем.

Брюс периодически ходил на разведку. Из-за того, что мирок был не сферическим, а вытянутым, и корабль сел в долине рядом с осью вращения, эффект был почти пугающим. Вместо горизонта, казалось, их окружали две невероятно огромные горы – поскольку каждый полюс крошечной планеты нависал над ними, как гора многокилометровой высоты.

Через несколько дней, когда работа по перерисовке карт уже близилась к завершению, Брюсу удалось пару раз прогуляться до концов асте-

роида. К своему изумлению, он обнаружил, что видимые горы, казалось, постепенно исчезали по мере приближения к ним. Так было потому, что их мнимая высота являлась гравитационным трюком. Пока Брюс шел по ровной земле, горы отклонялись все дальше и дальше. Но когда он оглядывался назад, то получался не менее пугающий эффект нахождения на краю глубокой пропасти. Вокруг были только острые грани черного неба, твердый, холодный камень, медленно вращающиеся звезды и постоянно меняющаяся безумная картина, видимая с поверхности.

Затем, однажды, Брюс оказался у торчащего конца астероида. Он знал, что в нескольких сотнях метров впереди поверхность круто уходит вниз, в бездонный обрыв. Брюс надежно привязался к торчащему камню и достал набор небесных карт последней редакции. С помощью карманного телескопа, крепящегося к забралу шлема, он приготовился определять видимые планетные тела. В этот момент конец астероида, где стоял Брюс, смотрел прямо по курсу Аполлона. Он словно находился на носу плывущего корабля.

В черном небе было несколько дисков, различных, как планеты, а не далекие звезды. Виднелся Сатурн, его кольца были видны даже на таком расстоянии. Юпитер находился вне поля зрения, так же, как и Марс. Один диск был идентифицирован как Уран, рассекающий космос где-то далеко за Сатурном.

Но несколько других видимых дисков были астероидами – посылку экспедиция приближалась к краю астероидного пояса.

Брюс сосредоточился на самом ярком и после недолгих размышлений определил, что это Джуну, один из самых крупных астероидов и одним из первых обнаруженных человеком. Брюс выбрал другой яркий астероид и рассмотрел его.

И растерялся. Он сверился с картой, но тело в небе, казалось, не соответствовало ни одному из отмеченных на карте. Что-то было не так. Брюс знал, что такой яркий объект должен быть на картах – в конце концов, он сам, Дженнингс, Гарсия и даже Арпад работали над картами последние несколько дней.

Брюс снова посмотрел на неотмеченное тело, убедившись, что оно движется относительно других объектов, особенно Джуну. Он понял, что новый астероид был рядом с Аполлоном, совсем рядом. Увидел, что глыба пройдет в непосредственной близости. А Брюс знал, что только один астероид должен был пройти мимо них на таком маленьком расстоянии. Это и был тот астероид, на который им надо пересечь!

Брюса словно ударило током. Все оказалось неправильным! Карта была неверной, она устарела на пару дней. Тем не менее, все остальные тела были на своих местах. Карта ошибалась только насчет одного астероида, самого важного из всех.

Если Брюс прав, то им придется взлетать почти немедленно, чтобы успеть совершить прыжок. А в корабле еще никто не готов!

Он с колотящимся сердцем отвязал скафандр от камня. И побежал к кораблю, находящемуся в нескольких километрах, пытаясь связаться с ним по рации. Но никто не отвечал, потому что между Брюсом и кораблем была каменная толща астероида, и его не окружала атмосфера, которая могла бы отразить сигнал.

Брюс отчаянно прыгал и опасно парил, практически не дыша. Наконец, он увидел корабль и вызвал его напрямую.

— В чем дело? — ответил доктор Родс. — Что стряслось?

Даже подбрасывая себя над каменистым ландшафтом, Брюс сумел рассказать о своем открытии. Он услышал испуганное восклицание отца, и затем тот позвал Гарсию.

Когда Брюс добрался до корабля, залез в шлюз и стащил с себя скафандр, Гарсия с доктором Родсом сверяли карты с приближающимся астероидом.

— Ты прав! — завопил Гарсия. — Эти карты неверны! Нам надо взлетать прямо сейчас. Времени уже нет!

Доктор Родс включил предупреждающий гудок. Арпад выскочил из гамака, в котором спал, и занялся закреплением свободно лежащих предметов. Гарсия помогал ему, пока доктор Родс быстро определял нужный курс и скорость.

— Где Дженнингс? — заглянув на секунду в рубку, спросил Арпад.

— А что? Его разве тут нет? — Доктор Родс поднял голову. — Ох, черт! — воскликнул он. — Он вышел, чтобы произвести кое-какие наблюдения! Позови его, Брюс.

Брюс подскочил к рации, настроил ее на соединение со всеми скафандрами снаружи корабля и вызвал Дженнингса. Он знал, что если пилот находился на другой стороне маленького мира, толку от рации не будет. Но уже через секунду Дженнингс ответил.

Он ушел недалеко. Через пару минут он уже был внутри корабля, снимая громоздкий костюм. Доктор Родс носился, как угорелый. Гарсия подтвердил, что у них остались считанные минуты, чтобы успеть взлететь.

Буквально долетев до пульта управления, Дженнингс грохнулся в кресло. Доктор Родс включил двигатели, и у Брюса едва хватило времени, чтобы схватиться за ляжку, прежде чем корабль оторвался от поверхности Аполлона и на всех парах направился к блестящему белому диску, который полчаса назад заметил Брюс.

Они вовремя добрались до астероида. И, совершив посадку, стали готовиться к еще одному долгому ожиданию, на этот раз почти двухнедельному — именно столько потребует второму астероиду, вечно несущемуся через массу астероидов между Марсом и Юпитером, донести корабль до Идальго.

Но теперь доктор Родс не выпускал карты из рук и после каждого наблюдения, сделанного любым членом экипажа снаружи корабля, все

находки независимо проверялись кем-то еще и только затем отмечались на контрольной карте, уж точно не имеющей никаких огрехов.

На этом астероиде было необходимо произвести заново ту же самую работу, что и на Аполлоне, поскольку второй астероид обладал другим характером движения и периодом обращения.

Когда члены экипажа стали обсуждать эту проблему между собой, поначалу они решили, что ошибка на исходных картах была случайностью. Но убеждение, что это не так, все росло и росло. Кто-то из их крошечной команды пытался задержать или даже сорвать путешествие на Сатурн. Очевидно, что кто-то был шпионом.

Но все как можно дольше держали эти подозрения при себе. Тем временем шла работа над созданием новых небесных карт и определением собственного местоположения, пока, наконец, в один прекрасный день был точно определен один из множества дисков на небе, как маленький планетоид Идальго.

Когда астероид стал хорошо виден, Брюс заворуженно уставился на него. Внешне не отличаясь от тысяч подобных астероидов, он один посмел забраться так далеко. Идальго добрался до орбиты Сатурна, сейчас возвращался, чтобы отправиться снова, захватив людей с собой.

Затем, наконец, момент настал, и корабль взлетел еще раз. Они пересекли тысячи километров пространства между мириадами астероидов, теперь заполнявших обзор, и Идальго становился все больше и больше, вырастая, словно новая Луна.

Они догнали его, выровняли скорость и направление и начали снижаться, пока, в конце концов, корабль не коснулся твердой поверхности.

Когда Брюс собрался совершить первый выход на Идальго, по его спине пробежали мурашки. Следующий раз, когда он сделает такой шаг, это будет мир, где еще не ступала нога человека, у самого подножия Сатурна.

ГЛАВА 7. Межпланетная пушка

ИДАЛЬГО имел около шестидесяти километров в диаметре, но был почти идеально сферическим шариком, рассекающим космос в гордом одиночестве. Слишком крохотный, чтобы обладать атмосферой, он, как и большинство других астероидов, являлся каменной глыбой с поблескивающими там и тут белыми пятнами замороженной воды или газов, превратившихся в вечный лед.

В последующие дни, – поскольку на борту корабля они все еще мерили время земными сутками, – Брюс неплохо узнал этот мирок. У них было мало времени и много дел, особенно после первоначального периода составления карт, чем доктор Родс решил заниматься сам. Не считая рутинных обязанностей на корабле, Брюс проводил большую часть времени, исследуя поверхность Идальго и рассматривая меняющиеся чудеса в окружающем небе.

На борту, казалось, всюду царила явная напряженность. С учетом такого малочисленного экипажа и знания, что один из пяти – шпион, желающий сорвать экспедицию, никто не чувствовал большого желания общаться друг с другом. Брюс с доктором Родсом могли доверять друг другу, но старый инженер обычно был слишком занят расчетами, чтобы составить Брюсу компанию. Без сомнения, все члены команды постоянно пытались найти, кто же являлся агентом «Терралуны». Брюс много размышлял об этом, блуждая по поверхности астероида.

Арпад ему нравился, и было очень сложно относиться к нему, как к предателю. Хотя, в конце концов, кто может знать, что на уме у другого человека? Арпад Бенц, родившийся в Венгрии, в юности был очень беден. Он не имел возможности жить так, как Брюс. Арпад был хорошим другом, хотя любил покритиковать других. Вначале он относился к Брюсу свысока, будучи не намного старше. Но перестал так себя вести, когда понял, что Брюс способен выполнять тяжелую работу и был хорошим товарищем. Тем не менее, не сделают ли Арпада открытым для заманчивых предложений «Терралуны» невеселые воспоминания о детстве, проведенном в бедности? Разве не возможно, что приличная сумма денег, денег, которые обеспечат Арпаду безбедную жизнь до конца дней, могут заставить молодого космонавта предать экипаж?

Сердцем Брюс не мог в это поверить, но, тем не менее, кто-то на корабле все же был шпионом.

У навигатора Гарсии была жена и двое детей, чьи фотографии он прикрепил на стену над счетными машинами. Он был доброжелательным человеком, несколько тихим, космонавтом, участвовавшим во многих экспедициях и казавшимся горячо заинтересованным в успехе этой, ставшей его величайшим достижением. Брюс не представлял, как Гарсия мог оказаться предателем.

Дженнингс являлся превосходным пилотом с безупречным послужным списком. Он совершил множество полетов, включая первые путешествия на два крупных спутника Юпитера. Он был еще молод, чуть за тридцать, высок и серьезен. Брюс знал, что эта экспедиция увенчает его предыдущую карьеру и предоставит возможность занять важный пост в космической службе Объединенных Наций, и, вероятно, сделает самым ценным действующим пилотом. Конечно, подумал Брюс, Дженнингс не станет и не будет жертвовать таким прекрасным будущим.

Так что остается только его отец и он сам, два человека, находящиеся вне подозрений. Могла ли ошибка на карте неба над Аполлоном быть результатом какой-нибудь нелепой случайности? К несчастью, казалось, что эта возможность была полностью исключена.

Они с Арпадом обошли почти весь этот маленький мир. Их вес был практически равен нулю, так же, как и на Аполлоне, и они очень быстро научились совершать огромные прыжки, перемещаясь сразу на много сотен метров. В качестве тренировки они составили карту всей поверхности.

Несмотря на крошечный размер, Идальго обладал весьма интересными деталями ландшафта. Там были миниатюрные горные цепи – на самом деле края кратеров, оставленных метеоритами, или морщин, образовавшихся вследствие усадки при остывании маленького планетоида в процессе созидания. Космонавты обнаружили несколько действительно высоких гор, похожих на огромные шипы, торчащие из поверхности, – массы железа, выступившие наружу и остывшие быстрее, чем все остальное. В некоторых местах виднелись следы меньших астероидов и метеоритов, упавших на Идальго, оставив разнообразных бугры и впадины. С другой стороны маленького мира находился кратер глубиной в пять-шесть километров и такой широкий, что туда вместился бы космопорт.

Размышляя, Брюс с Арпадом забавлялись тем, что представляли, будто эта огромная яма служит убежищем пиратов, как в рассказах, которые они часто читали. Вообще-то, космических пиратов существовать не могло – полеты в космос были слишком сложны для подобных банд, – но идея звучала захватывающе.

Небо над ними оказалось источником постоянного изумления. Они проходили через толщу пояса астероидов, и в любой момент времени в небе можно было без труда насчитать пару десятков каменных глыб. Их формы поразительно различались между собой, и большинство двигалось с заметно разной скоростью. Некоторые проходили так близко, что можно было различить подробности их ландшафта. Джуну оказался одним из таких: поверхность этого большого космического тела была полосатой, почти как у больших внешних планет. Нередкие клубы пыли на его спокойной поверхности возвещали о падении метеора.

Шли дни, Идальго приближался к орбите Юпитера, и астероидные диски постепенно исчезали с черного неба. Затем появилась новая группа.

Гарсия, вышедший из корабля вместе с двумя матросами, указал на скопление дисков прямо над головой.

– Видите их? Они по-настоящему особенные. Мы называем их Троянскими астероидами, вернее Первыми Троянскими, поскольку есть еще одна группа. Они обращаются вокруг Солнца по той же самой орбите, что и Юпитер, с такой же скоростью, и все время держатся впереди него на одном расстоянии. Они навсегда останутся группой, благодаря законам гравитации и математики.

– Почему их называли Троянскими? – спросил Арпад.

– Когда их только обнаружили, астрономы решили назвать их в честь героев древней войны между Троей и Афинами. Так что их имена: Ахиллес, Агамемнон, Гектор, Нестор и Одиссей. Вторые Троянские также названы в честь героев этой войны.

– Среди них есть астероиды, полезные для нас? – пытаюсь быть практичным, спросил Арпад. – Я думал, может, они станут хорошим

местом для космических станций, если мы когда-нибудь будем летать к Сатурну по регулярным трассам.

– Наверное, ты прав, – засмеялся Гарсия. – Вероятно, это случится в течение следующей сотни лет, если наше путешествие завершится успешно. – Он какое-то время помолчал и добавил: – Кстати, насколько я помню, на Ахиллесе уже есть астрономическая станция. Самая большая из ближайших к нам. Очень скоро Ахиллес пройдет мимо нас на расстоянии в несколько сот километров. Вон, уже можно разглядеть свет и тень на его поверхности.

Брюс с Арпадом подняли головы. Зрелище было невероятное, поскольку на некоторое время Ахиллес стал больше, чем Луна на земном небе. Они увидели пятна света и обширные тени. Брюсу пришла в голову мысль, что если там, действительно, была астрономическая станция, то это последний раз они оказались так близко от других людей на очень-очень долгое время. Одинокая группа Первых Троянских астероидов станет местом прощания с остальным человечеством. И тут Брюсу пришло на ум еще кое-что.

– Я тут вспомнил, – пробормотал он, – Кажется, я читал об астероидной шахтерской базе, располагающейся на одном из этих планетовидов, рядом с обсерваторией... и, если меня не подводит память, это экспедиция «Терралуны»!

– Опа-на! – воскликнул Арпад, а Гарсия сделал резкий вдох.

Затем навигатор выдохнул.

– Возможно, ты прав, – сказал он, – но я не думаю, что нам это хоть как-то помешает. Вероятно, они ничего не знают о нас. Но, в любом случае, я скажу доктору Родсу.

Гарсия развернулся и заскользил к космическому кораблю. Брюс с Арпадом стояли и смотрели на шесть объектов в небе над ними.

Арпад легонько толкнул локтем Брюса.

– Метеорит, – заметил он и указал вперед.

В сотне метров от корабля появилось облачко пыли, падающей обратно на поверхность Идальго. Брюс посмотрел. Пока он разглядывал результат падения первого метеорита, примерно на том же расстоянии, но с другой стороны корабля, возникло еще одно облачко пыли.

– Странно, – заметил Брюс. – Два подряд.

– Три, – указывая на третий фонтан грунта, образовавшийся рядом с первым, сказал Арпад.

Внезапно Брюса охватила холодная дрожь, когда он понял, что они наблюдают.

– Это не метеориты! – закричал он. – Это взрывы! Снаряды из пушки! По нам стреляют с Ахиллеса! С базы «Терралуны»!

Брюс с Арпадом со всех ног побежали к кораблю, вызывая доктора Родса по рации. Пока они бежали, разорвался еще один снаряд, на этот раз в том месте, где они только что стояли.

Брюс закричал во все горло, когда они подбежали к кораблю. Доктор Родс скомандовал поторопиться. Они добрались до корабля, пролезли через шлюз и захлопнули люк. Доктор Родс вызывал Дженнингса, а Гарсия пытался запустить двигатели. Когда юноши вошли в корабль, не став снимать скафандры, Дженнингс уже выбежал из своей каюты и помчался к пульту управления.

Брюс поднял забрало, направившись в рубку. Оказавшись там, он нашел отца за приборами в то время, как корабль уже оторвался от поверхности астероида.

— Отец, — завопил Брюс, — я знаю, где можно спрятаться. Там они никак не попадут в нас.

Пока доктор Родс запускал корабль, Брюс рассказал ему о глубоком кратере на другой половине сферы. Если они сядут там, то будут в безопасности.

Доктор Родс лично управлял кораблем, летя к тому месту. Брюс нашел карту поверхности, и, если они вовремя доберутся до укрытия, никакая пушка их там не достанет.

Стрелять из пушки с астероида было, на самом деле, легко. Если цель видна, то любая артиллерийская установка, пусть даже столетней давности, сможет с легкостью справиться со слабым притяжением астероида и попасть в нее. Очевидно, шахтерская база «Терралуны» приготовила пушку, зная, что Идальго будет проходить мимо них, дождалась хорошей возможности и обстреляла корабль, который они отлично видели через телескопы. Уже довольно скоро они скорректировали бы огонь и навсегда вывели корабль из строя.

Пока Гарсия и Брюс обсуждали такую возможность, корабль уже оказался на другой стороне Идальго, спрятавшись от наблюдения с Первых Троянских астероидов. Брюс заметил, что Дженнингс стоит у радиостанции, по-видимому, нервно ковыряясь с микрофоном. Он увидел, как пальцы Дженнингса постукивают по микрофону, и внезапно понял, что радиопередатчик включен — горела соответствующая лампочка. На секунду Брюс словно окаменел.

— Прекрати! — завопил Брюс и рванулся к радио.

Он попытался добраться до выключателя, но Дженнингс успел перехватить его. Брюс вырвался и вырубил радиостанцию.

Гарсия изумленно вскочил со своего места. Но Дженнингс сцепился с Брюсом. Затем из коридора выскочил Арпад с гаечным ключом, и присоединился к драке. Брюса придавили к полу, но когда Арпад поднял тяжелый ключ, Дженнингс внезапно успокоился, отпустил юношу и отошел назад с поднятыми руками.

— Ладно, ладно, убери эту штуку. Я больше не буду.

К этому времени Гарсия достал из шкафа пистолет и направил его на Дженнингса.

— Так это ты шпион?

– Да, – кивнул Дженнингс. – Но вы должны выслушать меня. Вы знаете, что это путешествие обречено. Риск слишком велик. Если бы я остановил вас, то, вероятно, спас бы вам жизни.

– А что, если снаряды попали бы по нам? – спросил Арпад.

– Пусть даже так, – пожал плечами Дженнингс. – Просто произошла бы разгерметизация, и нам пришлось покинуть корабль. База «Терралуны» на Ахиллесе подобрала бы нас. У них есть маленькие корабли.

Доктор Родс оглядел рубку.

– Держите его под стражей, пока не сядем и не окажемся в безопасности. Потом решим, что с ним делать.

Корабль пересек поверхность астероида, опустился в глубокий метеоритный кратер, обнаруженный Брюсом, и сел в черной тени его дна, в нескольких километрах ниже уровня поверхности.

Экипаж провел небольшое совещание. В этом укрытии, пушки «Терралуны» никогда не достанут их. Дженнингс признался, что, постукивая пальцем по микрофону, не успел передать вражеским артиллеристам, куда направлялся корабль.

Но время было дороже золота. Уже скоро добывающие корабли с Ахиллеса будут обыскивать Идальго. Со временем корабль все равно найдут.

Доктор Родс и Гарсия посоветовались, глядя на карты и записи. Они подняли головы. Родс посмотрел на Арпада и Брюса.

– Нам нужно принять очень серьезное решение. Нам придется покинуть Идальго и полететь к Сатурну, используя свою энергию. Мы считаем, что, поскольку корабль уже получил скорость и орбитальное направление Идальго, находясь на нем, нужно будет лишь придать немного ускорения и продолжать двигаться в том же направлении. У нас хватит топлива, но его останется опасно мало после того, как мы достигнем Сатурна. Если мы решим сделать так, нашей единственной надеждой на возвращение будет снова Идальго, когда он будет проходить рядом с Сатурном – в том самом месте, где мы изначально собирались покинуть его. Если мы задержимся на Сатурне слишком долго, то упустим эту возможность и уже никак не сможем вернуться на Землю. Спрашиваю вас обоих. Шансы у нас так себе. Рискнем? Полетим на Сатурн сами, не дожидаясь, пока нас донесет Идальго?

Арпад молчал. Брюс тоже медлил с ответом. Он хотел сказать «да», но чувствовал, что от сына доктора Родса другого никто и не ждет. Он предпочел бы, чтобы решение принял Арпад. Брюс повернулся и посмотрел на Арпада. Их взгляды встретились. Глаза Арпада радостно сверкнули, затем его лицо расплылось в улыбке.

– Чего мы ждем? – спросил он. – Пора начинать!

ОНИ ОСТАВИЛИ Дженнингса на Идальго. Это не было такой уж верной смертью, как могло показаться. На равнине за пределами кратера экипаж поставил воздухонепроницаемую прозрачную палатку, такую, как используют астероидные шахтеры для недолгих экспедиций. Экипаж корабля установил Дженнингсу небольшой обогреватель на атомном топливе и запасной кислородный очиститель из склада со скафандрами. В палатке также положили запасы еды на пару дней.

Незадолго до вылета они передали координаты Дженнингса на станцию «Терралуны», расположенную на Ахиллесе, и сказали, что его надо забрать. Как только сообщение было получено, а местоположение корабля – определено, он оторвался от поверхности Идальго.

Брюс успел поговорить с Дженнингсом перед отлетом, поскольку задача по установке палатки была возложена на него. Пилот выглядел мрачным, но настаивал, что прав.

– Послушай, Брюс, несмотря на веру в идеи твоего отца, я считаю, что сейчас он не прав. Говорю тебе, исследовательский отдел «Терралуны» доказал, что их новый проект по разработке недр Луны не представляет никакой опасности. Я сам видел расчеты – именно они и убедили меня, что путешествие на Сатурн слишком безрассудно, и так рисковать человеческими жизнями просто ни к чему.

Брюс пожал плечами и продолжал работать.

– Если вы действительно так считали, – наконец, сказал он, – у вас не было права лететь с нами. Мы подвергаем опасности только свои жизни, так не мешайте нам рискнуть. Даже если «Терралуна» права – во что я не верю – наши открытия на Сатурне лишь станут заключительным доказательством. Если мы ошибаемся, то найдем этому подтверждение и сделаем соответствующее заявление. Но никто, даже такая могущественная организация, не имеет права ставить на карту судьбу всего мира, когда есть хоть малейшая возможность, что мой отец прав.

Дженнингс посмотрел на Брюса.

– Будет жаль, если такой умный парень, как ты, умрет так рано. Даже если твой отец прав, он не сможет доказать это, только долетев до Сатурна. Корабль недостаточно велик, чтобы вернуться на Землю. У вас не хватит топлива, а в кольцах никто не сможет выжить. Я отправился бы с вами, если верил бы, что есть хоть крошечная вероятность успеха. Но я не верю. Я профессионал в деле рискованных полетов – ты читал мой послужной список – поверь мне, я бы не стал врать.

Брюс стиснул зубы, но больше ничего не сказал. Он чувствовал, что Дженнингс, и правда, верит в свои слова, и уважал заслуги пилота. Тем не менее, Брюс не позволил себе размышлять о возможности провала. Он отказался спорить дальше. Кроме того, времени на это не было.

Когда корабль стартовал, Брюс последний раз взглянул на маленький пузырек из прозрачного пластика, где остался Дженнингс. Двигатели

несколько часов работали на полной мощности, создавая чудовищное ускорение. Гарсия рассчитал курс так, чтобы они как можно эффективнее воспользовались скоростью, приданной им Идальго, одновременно направив корабль в точку, где Сатурн будет гораздо раньше, чем если бы они продолжали двигаться на крошечном астероиде.

Как и прежде, они пытались экономить топливо. Выключали двигатели и по несколько часов просто дрейфовали в космосе. Если бы они не отдалялись от Солнца, им никогда не пришлось бы снова включать двигатели – скорость не изменилась бы даже за миллионы лет, поскольку нечему было бы их тормозить. Но они улетали от Солнца, и скорости все еще не хватало, чтобы вырваться из мощного гравитационного поля родительской звезды. Пока они дрейфовали, хватка Солнца неослабеваемо действовала на них, и, через несколько часов, потеря скорости становилась заметной. Когда она снижалась до определенной величины, двигатели приходилось запускать снова, и потерянная скорость постепенно возвращалась.

В ответ на вопрос Арпада, что случится, если они не станут включать двигатели, доктор Родс с пилотского кресла ответил: «Мы продолжим двигаться от Солнца по нашей текущей орбите, пока не остановимся где-то внутри орбиты Сатурна. Затем сразу начнем «падать» на Солнце, следуя по второй половине той же орбиты, пока с постоянно увеличивающейся скоростью не доберемся, возможно, до орбиты Марса. Потом мы сделаем оборот вокруг Солнца, опять понесемся наружу и будем просто вращаться вокруг Солнца миллион лет или около того, как это происходит с любым другим астероидом, а потом упадем на Солнце и испаримся.

Брюс подслушал этот ответ. Теперь ему стало ясно, почему так важно экономить топливо. Он знал, что до Сатурна им топлива хватит с небольшим запасом. Но любой перерасход или чрезвычайная ситуация – и они навечно останутся в космосе.

Путешествие было длинным, очень длинным, и большую часть времени – скучным. После постоянно меняющегося вида космоса в астероидном поясе, в необъятном пространстве между Юпитером и Сатурном, находящихся на расстоянии в шестьсот миллионов километров друг от друга, не было ничего интересного. Позади полумесяцем виднелся Юпитер, огромный, сияющий, с видимыми полосами и дисками его самых больших спутников. Марс же скрывался за Солнцем. Землю было видно только на фоне Солнца, между ними и огромными светящимся телом, это значило, что только ночная сторона родной планеты смотрела в направлении корабля. Земля казалась экипажу тусклым кругом света, кольцом в темноте, являющимся отражением солнечных лучей от атмосферы. Венера была невидимой, она терялась в солнечном блеске.

С другой стороны, Сатурн рос день ото дня.

Поначалу он был крошечным желтым шариком с тонкой белой линией, рассекающей его пополам. Эта линия была кольцами Сатурна при взгляде сбоку. По мере приближения корабля и изменения относительного положения, линия утолщалась, пока не приобрела знакомую форму колец, окружающих, как широкое гало, блестящий золотой шар.

Когда они приблизились к Сатурну, Брюс увидел, что на нем были полосы так же, как и на Юпитере. Каких-то четких деталей поверхности, как континенты или моря, не было заметно, вместо этого от полюса до полюса были разноцветные полосы, параллельные экватору. Одни почти белые, другие – желтоватые или почти оранжевые и даже голубоватые.

Корабль окружала чернота пустого космоса, вдалеке сияли звезды Галактики. Один-единственный раз перед глазами прошел ярко светящийся шар – комета, как объяснил доктор Родс, у которой еще не появился хвост, и не появится, пока она не окажется гораздо ближе к Солнцу, чем сейчас.

Брюс проводил большую часть времени, занимаясь учебой, отец настаивал, чтобы он изучал основы звездной навигации и небесную механику, необходимые для полетов в космосе. Гарсия с доктором Родсом по очереди, в свободное время, учили его решать различные задачи. Задачи были сложными и многогранными, но, как часто говорил Гарсия: «Не сложнее и не мудренее, чем сама Вселенная. Если хочешь играть со звездами, нужно узнать правила игры»

Тем временем, они приближались к Сатурну. Система его спутников была уже видна и весьма впечатляла, если не обращать внимания на вечно поразительные кольца. Экипаж провел небольшое совещание по поводу того, где основать базу.

Гарсия предлагал сесть на самом большом спутнике Титане.

– Там есть некоторая атмосфера, это самый крупный спутник, почти в полтора раза больше Луны, и мы сможем там комфортно стоять и ходить. Даже, наверное, найдем замороженную воду и кислород, и пополним запасы.

Однако, доктор Родс настаивал на том, чтобы расположиться на ближайшем к планете спутнике под названием Мимас.

– Он всего лишь в ста шестидесяти тысячах километров от Сатурна, совсем близко от колец. Он крошечный, где-то пятьсот пятьдесят километров в диаметре. Это значит, что нам не придется тратить много топлива, чтобы добраться оттуда до колец, чего нельзя сказать про экспедиции с Титана. Поскольку у Мимаса нет атмосферы, наблюдениям ничто не будет мешать, и мы сможем четко все рассмотреть. Все указывает на то, что мы должны лететь к Мимасу. Возможно, там не очень комфортно, но так будет лучше.

Итак, решено. У Сатурна всего десять спутников, три из них – впечатляюще большие. Но они выбрали Мимас.

К этому времени Сатурн на экранах уже был просто огромным. Брюс неотрывно смотрел на него, пока они приближались к спутнику для посадки. Они прошли мимо Титана так близко, что увидели мягкое свечение вокруг него, доказывающее наличие атмосферы. Из астрономических записей Брюс знал, что этой атмосферой нельзя дышать. Кислород, скорее всего, находится там в замороженном состоянии, а воздух на Титане, в основном, состоит из аммиака и метана. Но Брюс видел, что на самом большом спутнике Сатурна, да и всей Солнечной системы, есть горные цепи и блестящие бело-голубые зоны, которые, если бы растаяли, стали бы океанами и озерами.

Когда корабль приблизился еще больше, Мимас стал маленьким полумесяцем на фоне огромного сияющего диска Сатурна. У Брюса появилось странное ощущение, что они падают на него, что они скоро врежутся в кольца, так близко дрейфовал маленький спутник.

Однако, теперь они подлетели к внешней стороне Мимаса, и он заполнил собой весь обзор, черный круг, занимающий все большую и большую часть неба. Они облетели его, постепенно снижаясь, и корабль искупался в мягком золотистом сиянии Сатурна. Проведя его над каменистыми равнинами и острыми вершинами гор, доктор Родс мастерски посадил корабль на полозья на плоскую равнину. Они неслись по поверхности, разбрасывая камни и сильно подпрыгивая. Брюс слышал стук камней, ударяющихся о металлический корпус. В конце концов, они остановились, и двигатели обрели покой.

Секунду никто ничего не говорил. Появилось облегчение при завершении самой трудной части путешествия и ощущение неопределенности перед предстоящими испытаниями. Брюс так и не забыл этот момент. Его отец сидел в пилотском кресле, опершись на локти и пристально глядя на космос через центральный иллюминатор, он явно устал, а мягкий свет снаружи заставлял блестеть его седые волосы. Гарсия сидел рядом с закрытыми глазами, откинувшись на спинку, словно собираясь заснуть, а его рука все еще покоилась на рычагах управления двигателями. В конце коридора было видно Арпада, находящегося у датчиков работы системы подачи топлива. Он тяжело сидел на полу рядом с баками, держась рукой за кожаную петлю. Брюс стоял в напряженном положении у шлюза, возле бокового иллюминатора.

Затем доктор Родс выпрямился, встал с кресла и развернулся.

— Поздравляю, парни, — сказал он. — Это новый рекорд человечества. Если мы не справимся с нашим заданием, то, по крайней мере, останется этот рекордный полет.

Гарсия вскочил и горячо пожал доктору Родсу руку.

— Позвольте поздравить вас, сэр. Это ваша заслуга и ваша слава.

Родс слабо улыбнулся, затем его лицо стало серьезным.

— Возможно, мы все немного торопимся. Еще не время хлопать друг друга по спине. Самая тяжелая часть работы еще впереди.

Арпад прошел по коридору к Брюсу.

– Чего мы ждем? Давайте выйдем наружу и оставим наши следы. Родс с Гарсией подошли к юношам.

– Давайте на этот раз выйдем все вместе. Мы оказались на этой планете первыми в истории Человечества.

Все четверо забрались в скафандры, нацепили шлемы и настроили рации. Брюс снял с люка защелки, экипаж вошел в тесный шлюз, больше похожий на шкаф, насосы быстро выкачали воздух. Затем космонавты открыли внешний люк, и, спустившись по короткой нейлоновой лестнице, оказались на поверхности Мимаса. Брюс осмотрелся.

Корабль и экипаж находились на небольшой равнине, довольно ровной, но повсюду на ней были разбросаны камни, о которые ударялся корабль при посадке. Брюс заметил, что полозья выщерблены и поцарапаны, даже погнуты в одном месте. Один край равнины окаймляла серия низких, но крутых и безжизненных красных гор. С другой стороны чрезвычайно близкого горизонта создавался эффект падения в космос всего в четырехстах метрах от корабля.

Люди были почти невесомыми и весили чуть больше полукилограмма каждый, что придавало пьянящее ощущение легкости и делало всех беззаботными.

Атмосферы на спутнике не было. Небо над ними было черным, и они видели, как позже вспомнил Брюс, два-три больших спутника, сияющих в темной части его.

Но все это было после. В тот момент они не могли оторваться от огромного, фантастического зрелища, заполнявшего две трети гигантской чаши неба. Сатурна!

ГЛАВА 9. Кольца

НАВИСАЯ над горизонтом и головами экипажа, уходя далеко в небо, сияла, словно второе Солнце – хотя мягко и приглушенно, гигантская планета Сатурн. Все четверо замерли, любясь на величественное зрелище, самое красивое, что они когда-либо видели.

Сатурн больше Земли где-то раз в десять, а Мимас находился к нему ближе, чем Луна к Земле. С поверхности этого крошечного спутника, с того места, где сел корабль, казалось, что они висят в нескольких тысячах километрах над Землей, когда большая часть неба заполнена видом внизу.

И действительно, на секунду всех охватило странное ощущение, что они смотрят вниз, а не вверх. Притяжение Мимаса было очень, очень слабым, а светящийся шар над ними – таким большим, что, казалось, будто смотришь с какого-то вечно висящего облака.

– Боже, он вращается! – нарушил молчание Арпад. – Видно, как он вращается!

Это оказалось правдой, хотя и не такой драматичной, как могло показаться. Но поверхность огромной планеты, действительно, вращение

заметно глазу. Она не имела материков, океанов или гор, в отличие от поверхности Земли, Луны или Марса. Вместо этого на Сатурне были гигантские массы облаков, вещества, которому не хватало твердости и прочности. Полосы этих облаков покрывали всю поверхность, от экватора до заметно приплюснутых полюсов. Одни полосы были ярче, другие темнее, их цвета варьировались от почти белого до ярко-желтого и пульсирующего оранжевого, к тому же повсюду были прожилки красного, зеленого и голубого. В одном месте виднелось круглое белое пятно. И поскольку огромные пояса были неоднородными и имели странные отметки и разные цвета, можно было увидеть, что они тоже двигаются. Планета явно вращалась и чем дольше вы смотрели, тем быстрее, казалось, движется ее поверхность.

— Сатурн вращается довольно быстро, — заметил Брюс. — Гораздо быстрее, чем Земля, если смотреть из космоса.

— Все верно, — ответил доктор Родс. — День на Сатурне длится чуть более десяти часов, и, если учесть, насколько он больше старой доброй Земли, окажется, что его поверхность движется намного быстрее, чем мы привыкли.

— Но разве это поверхность? — спросил Арпад. — Больше походит на облака. Где же сама поверхность?

Брюс пнул камушек, не отводя взгляда от зрелища в небе.

— Могу поспорить, ее там вообще нет. В справочнике космонавта сказано, что это очень разреженное вещество, а сама планета слишком легкая для своих размеров.

— Именно так, — подтвердил доктор Родс. — Вещество, из которого состоит Сатурн, даже легче, чем вода. Очень может быть, что там совсем нет твердой поверхности. Вероятно, возле центра плавают многочисленные метеориты, куски железа и все такое, но сомневаюсь, что под этими облаками есть нечто, похожее на кору.

— Ну и ну, — сказал Арпад, — вы хотите сказать, что Сатурн целиком состоит из какой-то кашицы?!

— Знаете, мне кажется, он прав, док, — в первый раз с момента высадки на Мимас заговорил Гарсия. — Это слово очень подходит — кашица!

Наступило молчание, затем Брюс внезапно заметил кое-что странное.

— Отец, а где кольца? Они исчезли!

И точно, знаменитых колец больше не было. Но затем Гарсия поднял руку и указал на тонкую белую линию, разрезающую планету надвое и торчащую с обеих сторон шара.

— Вот твои кольца. Мы смотрим на них сбоку.

— Да, — согласился доктор Родс, — и это возвращает нас к цели путешествия. Гарсия правильно все объяснил, и именно поэтому я выбрал именно Мимас. Потому что, ты знаешь, как близко мы находимся к краю внешнего кольца? — Никто не ответил, и Родс продолжал. — Мы всего лишь в пятидесяти тысячах километрах от него. Мы сможем до-

браться до колец на космических шлюпках... если найдем время выгрузить их и перестанем плясать на Сатурн.

Брюс с Арпадом уловили намек. Они нехотя отвели глаза от фантастического зрелища над головой, посмотрели друг на друга и затем пошли к кораблю. Гарсия и доктор Родс последовали за ними.

Впереди было много дел, и они принялись за работу. Благодаря невероятной легкости всех предметов, стало возможным перемещать даже те, что на родной планете было невозможно поднять без крана и бригады рабочих. Брюс с Арпадом вдвоем открыли грузовой отсек, вытащили оттуда две космические шлюпки и поставили их на расчищенное место.

Шлюпки были небольшим кораблями с реактивными двигателями, в их тесную кабину с трудом вмещалось два человека с небольшой поклажей. В основном, шлюпки служили спасательными капсулами, но иногда использовались, как исследовательские шаттлы. Они имели обтекаемый корпус с носом в форме пули, вся передняя часть была прозрачной, и они покоились на больших легких колесах так, что их носы смотрели в небо. Брюс с Арпадом заправили их из баков корабля.

Пока они занимались шлюпками, Гарсия и доктор Родс поставили палатку, такую же, как для Дженнингса, оставшегося на Идальго. В эту палатку они перетащили оборудование для наблюдений, направленный радиопередатчик и другие исследовательские приборы.

После двух часов напряженной работы Доктор Родс созвал экипаж.

— Я больше не собираюсь тратить время. Мы не можем себе этого позволить. Так что я подниму одну шлюпку в небо и пролечу над кольцами.

Он замолчал, все тоже молчали. Брюс почувствовал, как сердце застучало сильнее. Теперь, когда они оказались тут, он понял, что его отцу придется рискнуть.

— Я долечу на шлюпке до колец, выберу на внешнем кольце место получше и сяду где-нибудь поблизости. Я буду двигаться вместе с кольцами, прикрепившись к одному из пригодных для этого обломков и начну наблюдения. Постараюсь все сделать, как можно быстрее и вернусь, когда найду доказательства. Я все время буду с вами на радиосвязи.

— Вы не можете оставаться там слишком долго, — заметил Гарсия. — В шлюпку не вместится много пищи и воды, а система очистки воздуха не продержится дольше двух-трех дней.

— Я понимаю. Но я и не ожидаю, что наблюдения займут дольше. Хочу, чтобы вы поняли, что, если я... если я не смогу вернуться или не выйду на связь дольше двух суток, вы не должны меня ждать. Возвращайтесь домой. Это приказ.

Снова наступило молчание. Сердце Брюса застучало еще сильнее, но он промолчал.

– Вы начинайте загружать оборудование на одну из шлюпок, – кивнул доктор Родс ему и Арпаду. – Я возьму двухдневный запас сэндвичей и свежей воды.

Они занимались этим, пока Родс и Гарсия совещались. Наконец, погрузка закончилась. Доктор Родс, в скафандре, забрался в маленькую реактивную шлюпку, помахал экипажу рукой, задвинул прозрачный пластиковый колпак, запечатал его и повернулся к пульту управления. Трое других отошли подальше от сопел реактивных двигателей.

Секунду ничего не происходило, затем из задней части шлюпки вырвался клуб дыма, и крошечный кораблик, выпустив струю пламени, устремился в небо и быстро исчез в направлении сияющего золотого шара и тонкой белой линии колец.

Экипаж пристально смотрел вверх, пока шлюпка совсем не исчезла из вида.

– Ладно, парни, за дело, – выпалил Гарсия. – Первым в палатке с радиостанцией буду дежурить я. А вы займитесь делами. Арпад, сделай нам всем что-нибудь поесть. Брюс, закрой грузовой отсек и убери с грунта мусор и контейнеры.

После того, как Брюс выполнил задание, и они с Арпадом поели, – хотя он был слишком возбужден, чтобы хотеть есть, – и уселись ждать радиосообщение вместе с Гарсией.

Несмотря на расстояние, доктор Родс быстро приближался к месту назначения. Он набрал большую скорость за очень короткий промежуток времени и сказал по радио, что просто позволяет мощной гравитации Сатурна сделать остальную часть работы. Он ожидал, что доберется до колец за пару часов.

Голос доктор Родса звучал очень четко, но в этом не было ничего удивительного, поскольку они использовали направленный луч, а на его пути не было атмосферы, создающей помехи.

Можно было разглядеть крошечный кораблик в телескоп – приспособление из отражающих зеркал, установленных на открытом каркасе. Одно из преимуществ безвоздушного мира над обладающей атмосферой, в той удивительно простоте, с какой можно собрать хороший телескоп. Но шлюпка была такой маленькой, что выглядела лишь блестящим пятнышком. Приблизившись к краю колец, она пропала из поля зрения. Видимые через телескоп, кольца блестили и мерцали, как чешуя светлой рыбы или мигающая неоновая вывеска.

Экипаж работал и возвращался к радиостанции. Доктор Родс поднялся над внешним кольцом, как он сообщил, чтобы совершить посадку в его середине, если смотреть сверху. Голос был уставшим, но радостным. Брюс вспомнил, что отец взял с собой таблетки, которые помогут ему не спать двое суток – и взял у Гарсии микрофон, чтобы напомнить доктору Родсу принять одну. Тот сразу же ответил, поблагодарив за напоминание.

Забудь он это сделать, увлекшись путешествием, то мог бы внезапно заснуть от усталости – и разбиться о глыбу льда или камня.

В палатке, Гарсия сгорбился над микрофоном. Арпад сидел на полу, уткнувшись лицом в ладони, и слушал. Брюс склонился над столом с записями, отмечая то, что слышал по радио. Пол в палатке представлял собой не что иное, как поверхность спутника Мимаса, ровную, твердую, покрытую галькой. На пол опускались стенки прозрачной палатки, герметично примыкавшие к грунту прорезиненными пластиковыми краями, – сцепление на молекулярном уровне, являвшееся одним из чудес атомной химии.

Теперь старый инженер сообщил экипажу, что он пробирался через скопление крошечных астероидов и метеоритов, составлявших внешнее кольцо. Он описывал все, что видел, и они представляли, как он все глубже и глубже спускается в движущуюся массу.

Тут экипаж начал замечать статический шум в радиосвязи. Постоянное шипение на заднем фоне, вскоре ставшее пронзительным писком. Гарсия покрутил регулятор частоты, чтобы убрать помехи, но шум возникал на другом конце. Он сказал об этом доктору Родсу, и тот ответил, что их голоса тоже доходят до него с помехами.

Экипаж слышал, как капитан говорил, что приближается к цели. Но чем ближе он подбирался к месту назначения, тем сильнее становился фон. Потом его голос начал дрожать, то тихо, то громко, и они уже не всегда могли разобрать слова.

Из динамика доносился писк, стоны и рычание. Одну секунду они отчетливо слышали доктора Родса, сказавшего, что больше не может понять, что говорит Гарсия. Из радио раздалась еще одна громкая серия визгов и тиканья. Помехи становились все громче и громче, пока маленькая палатка не наполнилась пугающими звуками воплей и стуком, от которого раскалывалась голова.

К тому времени весь экипаж уже понял, что доктор Родс, наверняка, вошел в само кольцо. Но помехи были ужасными, и они не слышали даже сами себя. Затем, внезапно, в палатке стало тихо.

На секунду все словно оглохло. Гарсия нагнулся над радиостанцией и прислушался. Ничего.

– Ни шипения, ни даже передающего луча, – пробормотал он себе под нос.

– Может быть, он вырубил радио, – поднял голову Арпад. – Если он слышал те же звуки, что и мы, то, вероятно, прервал передачу.

– Да, да, – медленно кивнул Гарсия. – Думаю, в этом и есть причина. Надеюсь, что так.

– Иначе и быть не может, – резко сказал Брюс. – Не может.

Двое других посмотрели на него, но ничего не сказали. Внезапно Брюс ощутил, как холодный ужас сковал его сердце.

Иначе и быть не может, подумал он.

Брюс изо всех пытался прогнать из головы пугающую альтернативу.

Над головой висел сияющий шар Сатурна, который медленно вращался, проливая свой холодный свет на маленькую палатку. Динамик молчал.

ГЛАВА 10. Украденная шляпка

– **МЫ БУДЕМ ПРОДОЛЖАТЬ** дежурить у радиостанции, – сказал Гарсия. – На случай, если он выйдет связь, кто-то всегда должен быть тут. Станем сменять друг друга каждые три часа.

Оба юноши согласились. Каким-то образом, теперь, потеряв контакт, они чувствовали себя беспомощными. Гарсия остался за главного, но и не задавая друг другу вопросов, они знали, что никто не будет принимать решений, не одобренных двумя другими членами команды.

– Ну же, ну же, – выдавив из себя улыбку, сказал Гарсия. – Давайте не будем вешать нос. Мы должны были ожидать чего-то подобного. Я предполагаю, что ничего серьезного не произошло, просто проблемы со связью. Скорее всего, док вернется обратно в полном порядке и будет смеяться над нами из-за того, что мы так переполошились.

– О, конечно, – бесцельно перебирая камешки и комки песка, лежащие на голом каменном полу, сказал Арпад.

Он поднял камешек, подкинул его и бросил в сторону. Взял другой и принялся его разглядывать. Казалось, это был обычный камешек со следами железа или ржавчины.

Брюс записал содержание радиопереговоров, записал их время и отметил, когда начинается следующая смена. Потом отложил карандаш и посмотрел на Арпада.

Молодой космонавт поднял еще один небольшой камешек и начал медленно крутить его в руках.

– Кто-нибудь терял рукоятку ножа? – внезапно спросил он.

Гарсия покачал головой, не обратив особого внимания.

– Что это? – прищурился Брюс. – Покажи.

Он протянул руку и взял предмет из руки Арпада.

Это была рукоятка ножа, довольно маленькая, очень старая и какая-то странная.

– Где ты ее нашел? – возбужденно спросил Брюс.

Гарсия повернулся к нему с удивленным лицом.

– Да прямо тут, в пыли на полу, – ответил Арпад.

– Мы ничего такого не теряли, – сказал Брюс с растущим волнением. – Это было тут еще до нас!

Гарсия подпрыгнул, глянув на предмет. Теперь и Арпада охватило возбуждение, и он тоже задергался.

– Действительно, странная штука. Ничего похожего мы с собой не брали, – заметил Гарсия.

Предмет не являлся чем-то особенным, всего лишь простой рукояткой с двумя просверленными отверстиями для крепления лезвия, сделанной из какого-то серого материала наподобие твердого пластика, явно имеющего искусственное происхождение. Рассмотрев его повнимательнее, экипаж заметил пару странных геометрических узоров, казалось, выдавленных на одной стороне рукоятки.

— Этот предмет сделан какой-то разумной формой жизни — чем-то или кем-то на Мимасе до нас! — выразив мысли, крутившиеся в голове у всех, заявил Гарсия.

— Но, — добавил Брюс, — это значит, что когда-то Мимас был обитаем!

— Или его кто-то посетил из другой части Вселенной! — ответил Гарсия.

— Почему бы нам не осмотреться, может, найдем что-нибудь еще! — воскликнул Брюс.

Гарсия кивнул.

— Вы двое пойдите наружу и обыщите местность. Постарайтесь найти что-нибудь еще. Это очень важно!

Арпад с Брюсом быстро покинули палатку. Они вместе медленно пошли по равнине, на которой стоял космический корабль. Они часто останавливались, опускались на четвереньки, тщательно рассматривая отдельные камни или роясь в песке. Долгое время они ничего не могли найти, но потом Брюс догадался пройти туда, где их корабль коснулся поверхности, и полозья оставили глубокие следы.

Там он увидел, что некоторые большие камни были какие-то странно угловатые. Походив по округе, Брюс заметил и другие такие камни. Он позвал Арпада, и они тщательно исследовали зону. Таких угловатых камней оказалось довольно много, а в нескольких местах они обнаружили, что одни камни все еще стоят на других. Брюс нашел кусочек чего-то красного, вероятно, пластика, кажется, являющегося частью какого-то механизма, хотя других деталей он так и не увидел.

Арпад отыскал куски материала, похожего на осколки разбитой вазы или горшка.

Когда они вернулись к Гарсии, уселись и принялись обсуждать находки, то поняли, что наткнулись на одно из величайших открытий в межпланетной истории. Очевидно, что на равнине Мимаса когда-то стоял город. Город, рассыпавшийся в руины и пыль, возможно, сотни тысяч лет назад — город, не подчинявшийся законам природы.

— Как тут могла существовать жизнь? — задумчиво сказал Гарсия. — Здесь никогда не было достаточно воздуха, даже когда спутник только образовался и еще не остыл после формирования. Я считаю, что этот город являлся чьей-то колонией. Но кто и откуда посетил это место так много столетий назад — тогда, когда на Земле еще не было людей, а высшими формами жизни являлись динозавры и ящерницы?

На мгновение их открытие стерло мысли о пропавшем инженере. Но сейчас настал черед Брюса занять вахту у радио, и тревога тут же вернулась. Радио молчало уже на протяжении трех часов.

Следующие двадцать четыре часа, один из них постоянно находился на посту, пока остальные продолжали исследования таинственных руин. Они больше не забывали о главном. Чем больше проходило часов, тем сильнее рос ужас в сердце Брюса. Арпад, в основном, молчал, погрузившись в свои мысли, Гарсия пытался приободрить команду, но не встречал никакого отклика.

Исследование города продолжалось. От него не осталось практически ничего существенного. Прошедшие столетия, даже в вечной тишине и инертности безвоздушного пространства, превратили в прах почти все. Они нашли еще несколько предметов: обломки какого-то хлама, осколки разбитых банок, тот странный мусор, что можно найти на краю старых свалок. Все, что удалось обнаружить, было сделано из того же пластика. Пару раз попадались фрагменты ржавчины, которые сдувало от прикосновения. Теория Гарсии состояла в том, что по нелепой случайности этот пластик, используемый древними обитателями Мимаса, оказался практически вечным. Только он пережил миллионы лет пребывания на поверхности спутника.

Но о том, кто же был строителями города, нельзя было ничего узнать. Рукоятка ножа была меньше тех, что делают люди, и хорошо ложилась в ладонь карлика, но это еще ни о чем не говорило.

Наконец, пообедав вдвоем в корабле и вернувшись в скафандрах в палатку, чтобы включить радио, они стали решать, что делать дальше.

Радио все еще молчало. Гарсия с мрачным видом посмотрел на двух юношей.

– Нам надо что-то делать. Время истекает, у нас осталось только пара десятков часов, прежде чем надо будет улетать... или мы застрянем тут навсегда. Возможно, доктор Родс жив, еды и воздуха ему хватит еще на целые сутки и даже немного больше, если он будет аккуратно расходовать запасы. Но мы не можем ждать. Надо решать сейчас.

– У нас есть вторая шлюпка, – тихо сказал Брюс. – Думаю, надо использовать ее, чтобы отправиться за отцом. Возможно, мы найдем его. А может, сумеем связаться с ним с более близкого расстояния.

– Это большой риск, – заметил Арпад. – Все равно, что искать иголку в стоге сена. Это лишит нас еще одного человека... и запасной шлюпки на случай непредвиденных ситуаций.

– Это не обсуждается, – кивнул Гарсия. – Мы не можем так рисковать. Если доктор Родс не сумел вернуться, то не думаю, что кому-то из нас это удастся.

Брюс снова принялся спорить.

– Мы должны действовать, как хорошие солдаты, Брюс – выслушав его, покачал головой Гарсия. – Твой отец отдал четкий приказ перед тем, как улететь. Нам нельзя ждать дольше двух дней. Наше время

почти вышло. Придется оставить его. Наше обязательство перед ним – подчиняться его указаниям. Открытие на Мимасе древнего города будет ему памятником. Когда Земля узнает об этом, то отправит экспедицию для проведения дальнейших исследований.

– А тем временем, – взмолился Брюс, – «Терралуна» продолжит заниматься проектом по добыче редких металлов из самого центра Луны, и предупреждение моего отца будет проигнорировано. Сейчас мы рискуем судьбой всего человечества.

Гарсия повернулся к Арпаду.

– Решающий голос за тобой.

Брюс посмотрел на Арпада.

Тот отвернулся, поднялся на ноги, встал спиной к остальным членам команды и уставился через прозрачную стенку палатки на величественный Сатурн в черном небе.

– Гарсия прав. Нельзя так рисковать, – не поворачиваясь, сказал Арпад.

Брюс понял, что его другу пришлось принять трудное решение. Он подавил последнюю попытку выразить протест. Гарсия положил руку ему на плечо.

– Соberись. У нас еще есть целый день. Твой отец может успеть вернуться.

Брюс с астрогатором отправились в корабль, Брюс – чтобы готовить корабль к взлету, а Гарсия – рассчитать курс. Брюс работал механически, его ум был поглощен совсем другим.

Какой его истинный долг? – размышлял он. Даже несмотря на жизнь отца, судьба всего человечества была под угрозой, если расчеты Родса окажутся верными. Это, чувствовал Брюс, являлось более важным, чем жизнь любого человека. Если будет необходимо, вернуть корабль на Землю смогут и двое. Если он сможет добраться до колец, сумеет передать по рации какое-нибудь доказательство, подтверждающее теорию отца, остальное уже не будет иметь значения.

Следующим дежурить у радио должен был Брюс. Вот тогда-то и будет удобный момент. Продолжая все обдумывать, он приступил к исполнению.

Арпад вернулся из палатки, снял скафандр и объявил о своем намерении недолго поспать. Со свертком под мышкой Брюс вышел из корабля, чтобы занять пост у радиостанции. К счастью, никто ничего не заметил.

На секунду остановившись у палатки, чтобы убедиться, что никто не следил за ним, он зашел за палатку, где его нельзя было увидеть из корабля. Затем быстро зашагал туда, где на колесах, уставившись носом в небо, стояла вторая космическая шлюпка.

Брюс поспешно разместил в ней запас сэндвичей и кислородный баллон, принесенный с собой. Он помнил, что заправил топливный бак маленькой ракеты сразу после того, как вытащил ее из грузового

отсека. Он проверил работу приборов, затем включил встроенную радиацию и убедился, что она работает.

Затем, затаив дыхание, втиснулся в кресло пилота, задвинул пластиковую панель и сделал маленькую шлюпку воздухонепроницаемой.

Из своего стесненного положения в носу кораблика, Брюс видел сияющую золотую поверхность гигантского Сатурна и, почти точно по курсу, белую линию края колец. Он включил зажигание, открыл дроссель и стал смотреть на приборы, показывающие, как атомное топливо перетекает в камеры сгорания. Затем настроил ограничитель мощности, еще раз оглядел мертвую каменистую равнину и низкие крутые горы Мимаса, стиснул зубы и потянул за рычаг, отвечающий за взлет.

Рывок вдавил Брюса в сиденье. Он ощутил давление и увидел, как горы, опоясывающие равнину, стали быстро приближаться. Он взялся за другой рычаг, толкнул его от себя, и маленькая шлюпка перемахнула через эти горы, направляясь прямо к золотистому, блестящему, вращающемуся Сатурну.

Брюс на долю секунды оглянулся назад. Корабль уже был очень далеко. Ему показалось, что он увидел фигуру, выскочившую из люка, крошечного человечка, но потом снова повернулся к неизвестному, где его ждал потерявшийся отец и космическая тайна.

ГЛАВА 11. Смотри, прежде чем прыгать

БРЮС собрался долететь до колец. Прыжок длиной в пятьдесят тысяч километров не так-то прост даже по нынешним стандартам. В атмосфере это было бы невозможно сделать за такое ограниченное время. Но в пустоте межпланетного пространства, где не было замедляющего все объекты воздуха, создающего нагрев от трения, все зависело лишь от скорости.

Теоретически, скорость крошечной шлюпки была не ограничена. Пока работали ее двигатели, скорость продолжала расти. Если она сможет нести столько же топлива, сколько и гигантский космический корабль, то лететь будет также быстро. Следовательно, на практике все определялось запасом топлива и тем, насколько его хватит.

Маленькая шлюпка была заправлена до отказа. Атомное топливо в сотни раз более энергоемкое, чем любое химическое времен расцвета ракетной техники в двадцатом веке. Так что эта проблема не особенно беспокоила Брюса. Для того, что он задумал, полной заправки ему хватило бы с гаком.

Если Брюс будет лететь со скоростью тысячу шестьсот километров в час, то доберется до места часов за тридцать. При трех тысячах двухстах – вдвое быстрее. Но даже вдвое быстрее было все еще слишком долго. При восьми тысячах в час, ему потребуется шесть часов. Что тоже оставляет ему мало времени. Так что он включил дви-

гатели на полную мощность, открыв дроссель, насколько позволял ограничитель.

Брюс смотрел на приборы, расположенные перед ним на маленьком пульте управления. Удивительно, как быстро росла скорость. Он чувствовал постоянный вес тела, пока крошечный кораблик летел на конце широкого луча из горящего расщепляющегося вещества – луча, оставляющего позади красно-желтую полосу, протягивающуюся на восемьсот метров, прежде чем стать невидимой. У маленькой шлюпки ушло минут двадцать, чтобы набрать скорость почти двадцать тысяч километров в час. Брюс увеличил ее еще немного и затем выключил двигатели. Ракета не начала замедляться и, как обычно происходит в открытом космосе, просто продолжала нестись на той же скорости.

Пока Брюс смотрел, то заметил, что скорость медленно увеличивается, совсем по чуть-чуть. Это, как он понял, было результатом притяжения Сатурна, поскольку он несяся прямо к нему. В нужное время, Брюс снизит скорость и доберется до места назначения, – внешних колец Сатурна, – часа через три.

Он осмотрелся, чтобы получше понять, на чем летит. Космическая ракетная шлюпка, вообще-то, была размерами с обычную наземную моторную лодку. Единственным обитаемым пространством в закрытом аппарате было тесное сиденье пилота в самом носу, там, где располагались приборы. Сразу за Брюсом, за обтянутой кожей мягкой спинкой сиденья находилось небольшое место для груза, куда он положил запасы еды. Воздух очищался встроенной воздушной системой, хотя это не шло ни в какое сравнение с качеством очищения на больших кораблях. На них воздух полностью обновлялся и насыщался кислородом. На маленькой шлюпке, никогда не предназначавшейся для длительных полетов, воздух был пригоден для дыхания лишь в течение двух-трех дней, и то довольно быстро становился спертым. После этого, качество воздуха быстро ухудшалось, и он наполнялся ядовитыми газами и испарениями.

Счетчик Гейгера и другие приборы для обнаружения и анализа космических веществ являлись частью встроенного оборудования, и их показания выводились на пульт управления. За клапанами системы очищения воздуха располагались двигатели, баки, топливопровод, смесительная камера, генератор и так далее. Вообще, механизмы занимали большую часть внутреннего пространства крошечного кораблика.

Места для скафандров не было. Предполагалось, что пилот будет сидеть внутри – и Брюс так и делал. Сейчас он вспомнил об этом, проверил работу воздушной системы и открыл переднюю панель шлема, чтобы дышать воздухом шлюпки.

Впереди огромный шар Сатурна занимал теперь все небо. Брюс глядел на его газовую, кружащуюся поверхность, замороженно следя за происходящими изменениями. Он видел, как грани поясов различных

цветов соприкасаются друг с другом, сталкиваются и формируют маленькие водовороты и вихри, поскольку каждый континент-пояс движется вокруг планеты с разной скоростью. Возникало чувство беспорядка, возбуждения и волнения. И, кроме всего этого, что-то вселяло страх при мысли о погружении в эту субстанцию.

Казалось, что Брюс падал прямо в эту массу, в то, что выглядело кипящим чайником ядовитых цветов. Тем не менее, он знал, что температура внешних слоев газовых поясов была намного ниже, чем он смог бы вынести. Возможно, ближе к центру этой чудовищной планеты гораздо теплее. Но прежде, чем что-нибудь размерами с корабль заберется так далеко, оно сгорит дотла от трения при падении.

Широкая черная полоса, идущая через пол планеты, напомнила ему о кольцах. Это была тень, которую они отбрасывали. И Брюс снова сосредоточился на белой линии, отмечавшей край колец, расположенный ребром к нему.

Линия стала заметно шире. Она блестела, переливалась и сияла, медленно расширяясь. Брюс знал, что скоро доберется до этой загадочной полосы, являющейся главным чудом Солнечной системы.

Он мысленно прикинул, где войдет в кольца. Он знал, что внешнее кольцо совершает полный оборот вокруг Сатурна за сто тридцать семь часов. Его отец тоже знал это и вошел в кольцо в точке, только что появившейся в поле зрения из-за края планеты. Приняв в расчет скорость вращения кольца и прошедшее время, Брюс решил, что ему надо попасть в кольцо там, где его отец был бы сейчас, если бы остался у изначальной входной точки.

Это будет на треть оборота дальше того места, где вошел доктор Родс, но очень близко к линии, по которой двигался Брюс. Он направил шлюпку на эту точку кольца так точно, как только мог. Потом настроил гироскопы и включил тягу, чтобы подняться над кольцами, как это сделал его отец.

Затем Брюс расслабился и стал ждать. Он включил рацию и настроил ее на связь с Мимасом.

— Мимас вызывает Брюса Родса, — почти услышал он голос Гарсии.
— Мимас вызывает Брюса Родса. Отвечайте! Отвечайте!

Брюс помешкал минуту, затем перевел радио в режим отправки сигнала.

— Здравствуйте, Гарсия. Это Брюс. У меня все в порядке. Я направляюсь к тому месту, где исчез мой отец.

— Возвращайся, Брюс! — мгновенно ответил Гарсия. — Не лишай себя жизни! У нас слишком мало времени. Возвращайся, пока еще можешь.

Брюс сказал, что не отступится.

— Если я не вернусь, отправляйтесь домой без меня. Не пытайтесь меня переубедить. Но дайте знать, когда вылетите. Что-нибудь было от доктора Родса?

Гарсия не стал спорить.

– Ни слова. Мы не смогли найти его. Оставайся все время на связи.
– Ладно, – ответил юноша. – Не буду отключаться.

С этого момента они не разрывали связь. Брюс рассказал о курсе, по которому движется, и описал, как выглядит космос с его места.

Он уже совсем близко подлетел к кольцам. Ребро внешнего кольца приобрело видимую ширину, и Брюс увидел, что сверкание, кажется, было вызвано тем, что ребро оказалось не цельным, как представлялось издали, а состоящим из несчетного множества маленьких мерцающих точек. Все эти точки двигались в унисон, некоторые из них вращались, и большинство имело неправильную форму. Именно эти грани, отражающие солнечный свет, пока крутились осколками, и создавали эффект мерцания.

Брюс задрал нос корабля, развернул его и полетел параллельно движущейся массе с почти такой же скоростью. Пока он поднимался над кольцами, они становились все шире и шире, и, наконец, стали казаться бескрайним светящимся желтым полем, простирающимся на сотни километров космоса, почти как плато, как идеально гладкая равнина.

Затем Брюс внезапно заметил небольшое круглое пятнышко между ним и кольцом. Оно быстро приближалось и увеличивалось в размерах, стало видно, что к нему несется огромная масса залитого белым светом камня. Брюс взялся за рычаги шлюпки, прибавил ходу, и странная масса быстро и тихо пролетела мимо него и исчезла в черной бездне.

Брюс встревожился. Что это было? Метеор? Часть кольца? Он рассказал об этом Гарсии.

Тот объяснил, что это, наверное, была одинокая частичка кольца, одна из миллиона подобных крупниц, составляющих вращающееся гало вокруг Сатурна, но еще не достаточно потерявшая скорость, чтобы путешествовать с общей массой. Блуждающая, более быстрая, чем остальные, следовательно, движущаяся отдельно от колец.

– Таких отдельных частиц и кусков камня должно быть много тысяч. Чем ближе ты подлетаешь, тем больше находишь. Теперь тебе придется внимательно наблюдать за ними. Ты, вероятно, сможешь прикинуть скорость самих колец, но эти совершенно непредсказуемы.

Брюс был взвинчен и сильно нервничал. Он увидел, как приближается еще одна глыба, которая вскоре пролетела мимо и исчезла позади. Затем появилось сразу несколько, целая группа, они прошли под шлюпкой. Брюс уже был у самого края внешнего кольца.

И тут он обратил внимание на рацию. Он сосредоточился, следя за новой опасностью, и не сразу понял, что голос Гарсии начал доноситься вместе с шипением, а вопли и писк помех стали неотъемлемой частью радиопередачи с Мимаса.

– Гарсия, – спросил Брюс, – вы хорошо меня слышите? Или у вас тоже помехи?

Шумы становились все громче. Когда Гарсия ответил, он разобрал только часть, а остальное ему пришлось додумывать самому. Но Брюс

понял ответ. Его голос тонул в тех же самых загадочных помехах, что заглушили голос отца.

Брюс захотелось проверить радиопередатчик, но тот находился под пультом управления. Кроме того, ему приходилось увертываться от блуждающих глыб льда и метеоров, число которых неуклонно росло, что оставляло очень мало времени на любые другие действия.

Теперь, когда Брюс оказался в нескольких сотнях километров над внешним кольцом, небо внезапно очистилось от летающих пятен.

Очевидно, эти странники летают только в плоскости колец. Вне зависимости от изначальной причины, инерция и направление заставляют их двигаться в одной плоскости. Их скорость могла различаться, но выше или ниже уровня остального материала кольца они не поднимались.

Тем не менее, помехи не исчезали. Теперь у Брюса снова появилось время глянуть на приборы. Он увидел, что одна стрелка, которая раньше не двигалась, постоянно прыгала взад-вперед. Он посмотрел на нее и понял, что это счетчик Гейгера, детектор радиоактивности.

Где-то неподалеку находился источник радиоактивного излучения. И одновременно с этим Брюс понял, что это и было причиной фонового шума, помех в радиосвязи.

Он объяснил это Гарсии, повторяя одно и то же по многу раз и крича, чтобы писк и скрежет, о которых докладывал астрогатор, не смогли заглушить его голос. Брюс уже оглох от шума, пока пытался расслышать Гарсию. Наконец, он понял, что ему придется сделать то же, что сделал отец. Брюс прокричал, что выключает радио, и что они больше не смогут общаться. Когда он сумел расслышать несколько обрывков голоса Гарсии, то решил, что его последнее сообщение поняли, и выключил рацию.

Поначалу тишина была оглушающей. Остался только треск счетчика Гейгера, отмечающего попадания блуждающих радиоактивных частиц.

Брюс понял, что одна часть теории отца о кольцах оказалась верной. Они были радиоактивными. Но вопрос заключался в том, являлось ли излучение настолько сильным, что попадание в толщу колец означало неизбежную смерть?

Брюс поразмышлял об этом долю секунды, затем пожал плечами. Он зашел слишком далеко. Пути назад уже нет. Смерть от радиации приходит не сразу. Она растягивается на дни, недели и годы. У него будет время произвести все необходимые наблюдения и отправить результаты на Землю. Кроме того, кораблик имел некоторую защиту от излучения, равно, как и скафандр.

Брюс повернул шлюпку и приготовился нырнуть в холодно посверкивающую плоскую равнину, которой являлось внешнее кольцо.

ПОКА БРЮС опускал маленькую шлюпку все ближе и ближе к ярко светящемуся «верху» внешнего кольца Сатурна, кажущаяся однородность постепенно менялась. Что издалека выглядело сплошной блестящей поверхностью, стало изменяющейся массой – так прыгун в воду, сиганувший с самой высокой вышки, замечает мелкую рябь на поверхности бассейна только, когда оказывается у самой воды, рябь, которую не видно с исходной точки.

На секунду у Брюса создалось странное впечатление, что он ныряет в золотое море. Но это впечатление исчезло, когда море словно разделилось на капли, движущиеся, как одно целое в огромном потоке, но, тем не менее, не имеющие видимой связи друг с другом.

Он выровнял шлюпку, чтобы скользить над потоком, шевельнул рычагами, его скорость совпала со скоростью потока, и сияющие капли замедлились так, что с его точки зрения стали казаться неподвижными.

Это, разумеется, была иллюзия, потому что Брюс всего лишь двигался в том же направлении и с той же скоростью, что и крупицы колец. Походило на два поезда, мчащихся по параллельным путям, и их пассажиры могли свободно общаться друг с другом – хотя пейзаж за окном мелькал с пугающей быстротой. То же самое происходило с разнообразными блестящими крошечными телами, составлявшими сверкающий поток колец.

Выйдя на крейсерскую скорость, при которой частицы кольца под ним казались неподвижными, Брюс продолжил опускать шлюпку все ниже и ниже, ближе и ближе. Что было каплями, стало светящимися пятнами, потом глыбами, все больше и больше отдаляющимися друг от друга. Сквозь кольцо Брюс увидел тусклый диск одного из других спутников Сатурна, поскольку кольца были совсем не такими плотными, чтобы загораживать подобные картины. Сами звезды тоже просвечивали через скопление льда и камней.

Чем ближе Брюс подлетал, тем больше в кольце появлялось свободного пространства. А потом, чуть ли не раньше, чем он понял это, он оказался внутри кольца и двигался вместе с ним, став его частью. Перед ним висела толща объектов, больше похожая на стену. Большинство обломков были сферическими, как крошечные астероиды, но немалое количество обладало неправильной формой, одни большие, другие – маленькие, но, в основном, все они были не больше среднего метеорита.

Небо позади Брюса заполняла такая же масса объектов. С обеих сторон, а теперь уже и сверху, висели другие объекты. Двигаясь с той же скоростью, что и все они, Брюс наблюдал невероятный для космоса эффект, поскольку разуму казалось, что они неподвижно висели в пустоте без всякой поддержки.

Какое-то время Брюс просто сидел и любовался завораживающим зрелищем. Почему-то в течение всего путешествия его воображение никогда не заходило так далеко. Теперь, когда он, действительно, был тут, все оказалось совершенно иначе, по сравнению с тем, что он представлял. Брюс почему-то считал, что кольца будут опасным местом, где обломки летают во всех направлениях, что пребывание тут будет сродни нахождению в тире, где сумасшедшие стреляют из пулеметов во все стороны. Но к этому спокойствию он был совсем не готов.

Приглядевшись, Брюс увидел, что крупницы кольца движутся не совсем одинаково. Некоторые массы медленно смещались вверх, другие вниз, и он заметил, что повсюду виднелись отстающие. Еще он заметил, что две частицы перед ним, большой каменный шар и маленький черный объект в форме куба медленно сближаются. Через пару минут они легонько столкнулись и стали также медленно отдаляться друг от друга.

Порядок в кольце не являлся результатом какого-либо плана или системы, а был просто конечным продуктом миллионов лет столкновений и взаимных ударов, посредством чего скорость всех элементов постепенно выравнивалась, они стали двигаться в одном направлении и соединились друг с другом, более быстрые крупницы собрались в одном кольце, медленные в другом. Процесс все еще продолжался, и без сомнения будет продолжаться до тех пор, пока существуют кольца.

Через кольцо сияло Солнце и свет Сатурна, так что каждое маленькое тело было освещено лишь с одной стороны, словно они являлись независимыми объектами, движущимися отдельно друг от друга, а не составляли огромную массу единых колец.

Счетчик Гейгера бурно реагировал, и Брюс понял, что источник радиации где-то тут, внутри колец. Он подозревал, что сами частицы являются радиоактивными, но знал, что должен узнать поподробнее. Он выбрал большую глыбу перед собой, плавно прибавил ход и начал приближаться к ней.

Глыба росла прямо на глазах. С внезапным изумлением Брюс понял, что она громадная, возможно, более восьмисот метров в диаметре, больше, чем многие городские кварталы. Ее истинные размеры нельзя было увидеть с расстояния. Брюса охватила легкая дрожь, когда он осознал, что большая часть частиц кольца, на самом деле, очень крупные. Если одна из них зацепит шлюпку, то не оставит просто царапину, как какой-то камешек, а своей инерцией и весом раздавит, как скорлупку, вне зависимости от того, насколько легким и плавным будет касание.

Однако с этим Брюс мог справиться. Проблема решалась посадкой на маленький астероид. Брюс подлетел к глыбе совсем близко, стал опускаться на поверхность, кажущуюся поверхностью маленькой планеты, и с едва заметным толчком сел в неглубокое ущелье. Кнопкой он активировал магнитные якоря. Этот астероид, как и большинство космических объектов, имел железное ядро. Маленькая шлюпка тут же намертво прилипла.

Брюс закрыл забрало шлема, включил в скафандре циркуляцию воздуха и открыл панель кабины. С киркой и дрелью, пристегнутыми к поясу, и включенными магнитными башмаками, Брюс вылез из шлюпки. Прежде чем отойти хоть на метр, он привязал один конец нейлоновой веревки к стойке на борту корабля, а другой к скафандру. Он не смел рисковать. Если что-то зацепит астероид, на который он сел, его может сорвать с поверхности вместе со шлюпкой.

Стоя снаружи, на поверхности крупинки в потоке колец Сатурна, Брюс осмотрелся. Над ним и со всех сторон были огромные камни и крошечные планетоиды, казалось, подвешенные в черном космосе. Под ногами находился мир, очень-очень маленький, линия горизонта его лежала всего в двадцати-тридцати метрах. Брюс словно стоял на вершине горы с очень крутыми и обрывистыми склонами.

Астероид, был, в основном, каменистым и сереньким, но там, где он посадил шлюпку, располагалась глубокая узкая долина, вгрызающаяся в поверхность на пару десятков метров. Приблизившись к ней сверху, Брюс понял, что это шрам, царапина, оставшаяся после столкновения с другой частицей кольца в прошлом.

Он заметил, что шрам разрезал поверхность и открыл то, что находилось внутри астероида. Там были прожилки красноватой руды, темные участки и в одном месте, в самом глубоком участке долины, виднелось странное обнажение, казавшееся блестящим металлом.

Брюс добрался до шрама, отщипывая кусочки различных образцов и распахивая их по глубоким карманам скафандра. Для астрономов, изучающих кольца, эти находки будут бесценны.

Когда Брюс подошел к блестящему обнажению, то растерялся. Это не походило на природное железо, а, скорее, казалось искусственно обработанным, полированным и закаленным металлом. Он добрался до нужного места, остановился и раскрыл от удивления рот.

Брюс оказался прав. Предмет являлся частью балки, из таких люди строят дома и мосты. Она была сделана из твердого, полированного белого металла, но являлась частью некой конструкции совершенно неизвестного предназначения. Он увидел отверстия, где когда-то могли быть заклепки, увидел, что балка сделана из нескольких кусков обработанного металла, соединенных вместе при помощи какой-то сварки. Балка торчала из борозды, а большая часть была погребена под каменной массой. Теперь Брюс увидел, что на дне долины были царапины и ссадины, открывающие взору другие части постройки.

Брюс пристально смотрел на все это, а его разум обуревали эмоции. Он попытался представить, что строительная балка делает в нескольких десятках метрах под поверхностью каменного астероида. Брюс долго смотрел на шрам и вспоминал различные трещины и морщины на поверхности этого куса кольца. Внезапный холодок пробежал по его позвоночнику.

Где-то, когда-то, на какой-то открытой равнине под открытым небом стояло здание. Или, возможно, это был мост или железнодорожная эстакада. Что-то случилось с этой равниной, с тем местом, где оно стояло. Его разорвало на части, как элемент сработавшей ручной гранаты, и раздавило, как кусок грязи в сильной руке. Равнина и камень под зданием просто сложились и завалили, поглотили его и похоронили.

И потребовалось случайное столкновение еще с одной глыбой, чтобы спрессованный каменный кулак раскрыл свой секрет.

Брюс сосредоточился на одной мысли. Внезапно он почувствовал тошноту, тошноту от открытия, которое только что совершил. Он сел рядом с балкой и обхватил руками голову.

Постепенно он ему стало лучше. Но он все еще отказывался воспринимать сложившуюся картину. Брюс подозревал, что все это значит, но не хотел осознавать это, пока не минует опасность его нынешнего положения.

Он попытался вытащить кусок балки, но тот даже не шевельнулся. И не удивительно, учитывая, через что пришлось пройти этому предмету. Но нагнувшись и обыскав самое дно глубокой борозды, Брюс смог найти несколько пригоршней песка и пыли, в которых он заметил блестящие частицы, вероятно, содранные с балки или других похожих предметов при столкновении. Они бы прекрасно подошли для анализов на Земле, поэтому он ссыпал этот грунт в карман.

Потом Брюс вернулся к шлюпке, поместил образцы в специальный ящик, отцепил нейлоновую веревку и сел в кресло пилота. Закрыв люк, он осторожно взлетел и снова оказался в середине потока обломков различного размера.

Брюс вел шлюпку медленно, позволяя потоку обгонять себя. Он решил, что попробует найти еще одну крупницу, где будут предметы искусственного происхождения. Много обломков проплыло мимо него, большинство из них казались каменными метеоритами, как сферической, так и неправильной формы, но в них, на первый взгляд, не было ничего интересного.

Затем Брюс увидел объект, который не являлся сферическим. Это была черная масса кубической формы, возможно, не более тридцати метров в длину, что говорило о многообещающей необычности. Он подлетел к кубу, развернул шлюпку, чтобы сесть, и опустился в углубление в черной массе.

Магнитные якоря не сработали. Брюс не расстроился, он вообще надеялся найти что-нибудь, отличное от обычного вещества астероидов. Открыв панель кабины, он на этот раз прикрепил нейлоновую веревку к скафандру прежде, чем выйти из шлюпки. Взяв еще одну веревку из ящика под сиденьем, он вылез и надежно закрепил корабль, привязав его к маленькому астероиду.

Брюс понял, что эта крупница кольца – настоящая находка. Она была неметаллической и походила на затвердевшую от холода грязь. В од-

ном месте, белая полоса оказалась прожилкой замороженного газа. Маленькая бутылочка для образцов, лежащая в кармане, отлично подходила для этого. Он открыл ее, и воздух из пузырька просто исчез в космическом вакууме. Затем Брюс отщепил несколько кусочков замороженного газа, с трудом засунул снежные куски в бутылку и закрыл ее. В шлюпке, где бутылочка немного нагреется, газ растает. Это поможет земным химикам установить что-нибудь еще о происхождении колец.

В черную субстанцию были вдавлены фигуры, выглядящие, как растения. Брюс знал, что все крупницы колец за бесчисленные века, наверняка, столкнулись с другими несчетное количество раз. Все, когда-то узнаваемое, сейчас уже расплющено. Но расплющенное или нет, вещество подойдет для анализа. А Брюс был уверен, что стоит на куске леса или плодоносной почвы, куске, который был вырван, смят и раздавлен тем же гигантским кулаком, что раздавил место, где лежала сломанная балка.

Зная, что держит сокровища, которые помогут лучше понять историю Вселенной и улучшить понимание всего сущего, Брюс, нагруженный образцами, пошел к космической шлюпке. Он нагнулся над открытой кабиной и начал складывать их в ящик.

Внезапно, без всякого предупреждения, произошел ужасный толчок. Что-то со стуком ударило в спину. Корабль дернулся. Брюс чуть не потерял равновесие. Когда он восстановил баланс, то осмотрелся и к своему ужасу увидел, что маленький метеорит, не более тридцати сантиметров в диаметре, ударился в корму шлюпки и отскочил в пустоту.

Метеорит разбил двигатели. Брюс застрял тут навечно.

ГЛАВА 13. Странные помехи

ОШАРАШЕННЫЙ, Брюс стоял и смотрел, как крошечный круглый метеорит, размером с баскетбольный мяч улетает в небо, заполненное темными дисками. Было трудно поверить, что нечто, кажущееся таким легким, чтобы отскочить, на самом деле, является куском камня или железа, веса которого хватило, чтобы смять секцию ракетного двигателя, словно по нему ударили паровым молотом.

Но это все же случилось, причинив огромный ущерб. Брюс осмотрел корабль. Передняя часть осталась невредимой, но удар пришелся на двигатели: сопла смяло, проводку порвало, а аккуратно проложенные шланги лопнули, и топливо с шипением образовало облако пара над задней частью шлюпки. Она больше никогда не взлетит. Брюс никак не сможет вернуться с бесценной информацией на Мимас и, тем более, на Землю.

В следующую пару минут Брюс пришел к выводу, что решил задачу, поставленную его отцом, вопрос, который завел их так далеко, несмотря на сопротивление «Терралуны». Он узнал секрет колец Сатурна ... но никогда не сможет никому о нем рассказать.

Поскольку это было очень важным, возможно, самым важным секретом, с каким только сталкивались люди за всю свою историю, секретом, который может привести к самой крупной ошибке, совершенное любом разумным видом существ – уничтожению самих себя.

Вот краткая версия рассуждений Брюса, основанных на всех найденных им уликах, которая привела его к такому выводу:

Когда-то, много миллионов лет назад, когда Сатурн еще был молодой планетой и не остыл так сильно, как сейчас, он излучал достаточно тепла со своей поверхности, что, в совокупности с солнечной энергией, согревало ближайшие спутники, и там могла существовать жизнь.

В то время, как по Земле ползали чешуйчатые динозавры и прочие ящерицы, обитающие в окруженных густым туманом тропических джунглях, у Сатурна не было колец. Зато на самой ближней орбите вращался большой спутник со своей атмосферой. На нем была жизнь, и среди всех живых существ, один вид научился использовать орудия труда, говорить и передавать информацию последующим поколениям. Со временем, этот вид создал цивилизацию, стал использовать металлы, построил города, изобрел механизмы и, наконец, нашел применение атомной энергии.

Они раздвинули зону своего обитания и обследовали соседние спутники Сатурна, построили там города или колонии – такие, как руины на Мимасе. Они открывали новые миры и мечтали покорить Вселенную. Возможно, они отправили корабли на дикую, примитивную Землю и вернулись с отчетом, что это опасное и непригодное для жизни место.

В процессе работы они ощутили нужду в добыче химических элементов, дающим жизнь их городам и заводам, скрытых глубоко в недрах металлов, которые были жизненно необходимы для функционирования атомной промышленности. И они обнаружили то, что не так давно открыли земные астрономы и геологи – что тяжелые элементы опускаются к ядру, пока планета еще не остыла, и им нужны те, что находятся в самом сердце их мира.

Итак, древние обитатели спутника Сатурна изобрели способ добычи полезных ископаемых с любой глубины. Точно такой же проект, который подготовила «Терралуна» на спутнике Земли.

Они провели серию атомных взрывов, добрались до самого центра своего спутника и раскачали его вибрацией и ударными волнами. Спутник располагался очень близко к Сатурну и был подвержен мощным приливным силам. Он находился под напряжением от постоянных перемен гравитационного поля, двигаясь по орбите родительской планеты. И последовательность атомных взрывов в центре его усилила это напряжение, чего оказалось достаточно.

В один ужасный день этот спутник Сатурна, очевидно, развалился на части, взорвался, превратившись в тучу обломков. Разорванный притяжением Сатурна, пораженный в самое сердце, хрупкий шарик треснул, сжался и разлетелся во все стороны.

Некоторые части спутника улетели во внешний космос, ставшими вечно странствующими метеоритами, или упав на пылающее Солнце. Другие погрузились в мягкую массу Сатурна, быстро превратившись в пепел и газы. Но большая часть обломков спутника продолжала вращаться вокруг родительской планеты, следуя по курсу исчезнувшего спутника. Только теперь вместо одного тела на этой орбите было много миллионов крошечных объектов.

Одни обломки двигались быстрее других, в зависимости от того, в какой части спутника они находились в тот момент, когда он взорвался. Так что некоторые обращались вокруг планеты и сталкивались со своими медленными собратьями.

Наверное, тысячи лет длились эти волнения – постоянные столкновения, постоянные вспышки при падении частиц на родительскую планету. Но после того, как прошли бесчисленные годы, лишние частицы были отсортированы, и установился порядок. К тому времени, как земные ящеры уступили главенство над планетой определенным мягкокожим, двуногим существам, которые научились управлять природой и изобрели телескопы, у Сатурна появились кольца.

Это и была тайна Сатурна. Вот откуда взялись руины на Мимасе, балка на астероиде и раздавленная массы лесной почвы, на которой нашла свое последнее пристанище разбитая ракета Брюса. Вот откуда взялась радиоактивность, которая присутствовала в кольцах – даже через миллионы лет, все еще ощущались последствия атомного взрыва.

Теперь у Брюса не было сомнения, что у него есть все доказательства, необходимые, чтобы убедить Землю в опасности разработки недр взрывным способом. Он верил, что «Терралуна» примет эти факты без дальнейших споров. Вряд ли кто-то хотел, чтобы Луна разлетелась на кусочки, на Землю упали ее обломки, и чтобы Земля стала планетой с кольцами – разрушенной планетой.

Но... как передать на Землю эти сведения? Неужели он сделал открытие слишком поздно? Если ему не удастся донести эту информацию до ученых Объединенных Наций, это станет насмешкой космоса над человечеством.

Напряженно размышляя, Брюс бродил по маленькой крупице кольца. Вскоре он снова задумался о починке шлюпки, но это было невозможно, совершенно невозможно. Если, подумал он, ему хотя бы удастся передать по радио свои открытия Арпаду с Гарсией, то они унесут информацию на Землю. Тогда он погибнет не зря.

Брюс вернулся в космическую шлюпку и закрыл панель кабины. Она все еще казалось воздухонепроницаемой. Он включил насос, чтобы заполнить крошечное пространство воздухом. На первый взгляд все шло по плану, но затем он заметил, что процесс длится слишком долго. В кабине образовались трещины. Насос так и не сумел толком ничего накачать.

Приборы работали, радио тоже. Брюс включил его. Раздался шум помех, вызванных радиацией. Он изменил направление луча приема сигнала. На секунду наступила тишина. Брюс резко сосредоточился.

Он медленно двигал луч. Теперь он понял, что глыба, на которой стоял корабль, действовала, как щит. Она была нерадиоактивной. Брюс решил так потому, что камень или железо не входили в ее состав, и она уже давно растеряла радиацию, оставшуюся после древнего взрыва. Когда радиолуч был направлен на «землю», помехи исчезали.

Но что это могло дать, Брюс понял не сразу. Тем не менее, он почувствовал, что это стало первым шагом к решению проблемы. Он вылез из кабины и осмотрелся. Рядом было углубление, сделанное каким-то метеором когда-то в прошлом. Брюс отвязал нейлоновые веревки, державшие маленькую космическую шлюпку, и подтащил шаттл к яме. Ее размера как раз хватало, и он столкнул шлюпку так, что она съехала на самое дно.

Спустившись к ней, он снова привязал ее и забрался в кабину. Теперь шаттл оказался в углублении, и открытое пространство осталось только сверху, а со всех сторон и снизу был щит из материала, похожего на уголь. Брюс направил луч точно вверх и включил радио.

Снова раздался шум помех, но на этот раз он смог разобрать отдельные тона. Брюс заглушил все, кроме маленького сектора над головой. Помехи будут возникать только от пролетающих над ним обломков.

Аккуратно настроив приемник, Брюс, наконец-то, смог получить контроль над приемом сигнала. Иногда ему удавалось добиться моментов полной тишины, когда над головой не оказывалось ни одного обломка. Он знал, что в одну из таких пауз, при некотором везении, он бы смог отправить сообщение на Мимас, если тот окажется в нужном направлении.

Маленький астероид вращался довольно медленно, но со временем узкий луч покрывает практически все направления. К несчастью, время у Брюса было ограничено количеством еды и воздуха – а последнего осталось совсем мало. Он не мог быть уверен, что Мимас пройдет в фокусе радиолуча за это время, и что между ними не будет пролетать какой-нибудь создающий помехи обломок, и не разрушит надежду на прием сигнала.

Брюс прилип к радиации, прислушиваясь и отправляя сигналы. Несколько часов он проторчал так в кабине, в черноте и темноте астероида, наблюдая за медленно движущимися огнями других обломков, неторопливо проплывающих над головой, слыша, как они с шипением и воплями по радио приближаются и отдаляются, посылая сообщение каждый раз, когда помех было меньше всего.

Затем, когда он уже почувствовал, что отключается, Брюсу показалось, что он услышал необычный звук – «шелк, шелк, шелк». Он подался поближе к динамикам и прислушался. Посреди шипения и редких воплей радиации он снова услышал слабый отдаленный звук.

Он шел с другой стороны! Наверное, другого просто быть не могло, это был его отец!

Значит, отец жив! Брюса охватила волна энергии. Внезапно он почувствовал, что еще не все потеряно. Он опять прислушался, но звук был очень тихим и снова исчез, когда очередной астероид прошел между ним и внутренней частью кольца. После получасового болезненного ожидания, ему показалось, что он снова услышал сигнал. Тот стал едва заметно сильнее, но все еще недостаточно мощным, чтобы его можно было разобрать.

Брюс размышлял над тем, чтобы послать сообщение, но потом решил этого не делать. Если он не сможет полностью понять сообщение отца, не стоит рисковать, пока не пришло время. Он осторожно высчитал точное направление, откуда идет сигнал, вылез из шлюпки и выбрался из дыры.

Брюс всматривался во внутренние кольца. Где-то в следующем кольце должен находиться его отец, и Брюс предположил, что доктор Родс, наверное, обездвижен так же, как и кораблик Брюса. Он понял, что кольца Сатурна вращаются с разной скоростью. Самое внешнее было самым медленным. Следующее чуть быстрее и так далее, до ближайшего к планете, делающего один оборот всего лишь за пять часов.

Значит, доктор Родс был на одно кольцо ближе и медленно догонял Брюса. Через некоторое время он пройдет мимо того места, где находилась частица кольца, на которой высадился Брюс, а потом скроется за планетой и сигналы пропадут... скорей всего, навечно.

На карусели катаются двое, тот, что на быстром круге, проходит мимо второго медленно, но уверенно, сначала сокращая дистанцию, когда первый наездник поднимается, затем двигаясь бок о бок и, наконец, отдаляясь друг от друга.

Такого было положение Брюса и его отца. В тот момент, подумал Брюс с радостно бьющимся сердцем, отец, очевидно, приближался к нему. Они, наверное, не поравняются еще, как минимум, часов десять.

Это значит, что Брюс будет получать сигналы отца все четче и четче в течение следующих часов, они смогут общаться, и, возможно, если очень повезет, сумеют решить свои проблемы.

Брюс представить не мог, как им это удастся, но знал, что пока они живы, надежда еще есть. Однако, он также знал, что количество жизненно необходимых ресурсов для них обоих, измеряющихся в количестве оставшейся пищи и еды, неуклонно уменьшается.

ГЛАВА 14. Попрыгун

ТЕПЕРЬ НАЧАЛСЯ период напряженного ожидания. Брюс съехал в кресле пилота, слушая радио, пока редкий сигнал появлялся и исчезал, и, отмечая, что он постепенно становился все громче и громче. В течение одного периода тишины Брюс сумел поесть, закрыв

панель, заткнув видимые трещины бумагой и ватой, во много раз снизив утечку воздуха. После этого он смог открыть шлем, проглотить пару сэндвичей, витаминный концентрат, еще одну таблетку против сна и выпить столько воды, сколько смог.

Сигнал стал сильнее, хотя все еще был очень искаженным. Брюс послал свое сообщение, направив луч на внутрь системы колец:

– Вызываю Родса. Брюс вызывает Родса. Вы слышите меня?

Он напряженно слушал, но сигнал продолжал дрожать. Он снова послал сообщение. И снова никаких свидетельств ответа. Брюс слушал монотонные точки и тире, теперь уже отчетливо слышимые. Опять послал сообщение.

Точки и тире звучали еще пару секунд, затем внезапно прекратились. Появилось какое-то шипение, а затем, издалека, Брюс услышал нечто похожее на голос. Но сквозь писк и стоны помех он просто не мог разобрать, что говорит этот голос.

– Брюс вызывает Родса. Я слышу вас. Можете увеличить мощность? Брюс вызывает Родса, – стиснув зубы от нетерпения, снова сказал Брюс в микрофон.

Он опять услышал какой-то голос, все еще сдавленный, приглушенный. А может, все это только ужасные поддразнивания и больше ничего, подумал он? Затем еще раз отправил сообщение. Снова прислушался.

– ... Родс... топливный нас... – кажется, разобрал пару слов Брюс.

Затем опять вызвал отца, попросил ответить, напряг слух. На этот раз ему повезло: во время затишья в постоянных помехах, он отчетливо расслышал голос.

– Говорит доктор Родс. Застрял из-за отказа топливного распределителя, – объяснил его отец. – Вы можете привезти мне замену? Где вы?

– Говорит Брюс с внешнего кольца, – нажал кнопку передачи сигнала Брюс. – У меня тоже неисправности. Я не смогу добраться до вас. Можете что-нибудь порекомендовать?

И пришел ответ. Голос Родса стал тише, но все еще понятным. Инженер был возбужден, захотел узнать, как Брюс попал в такую ситуацию, но затем велел Брюсу не отвечать, придерживаясь правил радиосвязи.

– Как сильно повреждена твоя шлюпка? Топливный распределитель работает? Можешь его снять? Узнай это как можно быстрее, вероятно, мы сможем что-нибудь придумать.

К счастью, одним из предметов, с которыми Брюс ознакомился в течение долгого путешествия, было устройство ракетных двигателей. Он знал, где находится распределитель топлива. Выбравшись из кабины на поверхность этой частицы кольца, он подошел к разбитой стороне шлюпки.

Брюс сумел открутить панель, прикрывающую жизненно важные части двигателя, и снять ее. Вгляделся в массу проводов, шлангов и клапанов. Маленькое квадратное устройство, игравшее в атомном

двигателе роль карбюратора в древнем бензиновом моторе, было не повреждено и располагалось на привычном месте. Отскочивший метеорит ударил всего лишь в нескольких сантиметрах рядом, смял все поблизости, но топливный распределитель выглядел как новенький.

Брюс ловко отсоединил шланги и провода от коробки, снял ее с двигателя и вытряхнул пару капель атомного топлива. Затем вытащил коробку из моторного отсека и поставил рядом с собой в кабине.

Потом снова включил радио. Пару минут ушло на то, чтобы опять связаться с отцом.

— Распределитель у меня. Он в порядке. Что делать дальше?

— Слушай внимательно, — ответил доктор Родс. — Установи мое местонахождение. Ты должен попытаться добраться до меня и привезти распределитель. Это наш единственный шанс вернуться. Ты должен принести его мне. Не хватает только его, чтобы моя шлюпка снова заработала. В остальном она целая, отказал лишь распределитель, он совершенно сломался. Я не смог починить его.

Брюс объявил о готовности постараться сделать все, что нужно. Он не представлял, как он сможет добраться до отца без корабля, но чувствовал, что сделает все возможное.

— Как у тебя с едой и водой? — спросил он.

— Еще остались, но совсем немного, — послышался ответ отца. — Тебе нельзя тратить время. Кроме того, судя по положению твоего радио, я постепенно приближаюсь к тебе. Ты должен успеть до того, как я пройду мимо тебя, а иначе будет поздно. Начиная прямо сейчас. Но сначала послушай...

Доктор Родс говорил несколько минут, давая Брюсу указания, что делать дальше.

— Понял. Выдвигаюсь, — на секунду включил микрофон Брюс. — Продолжай говорить, чтобы я сумел найти тебя.

Он выключил передатчик. Голос отца теперь звучал из динамиков шлема, но больше не был понятен сквозь рев помех, вызванных радиоактивным излучением. Однако, сам голос служил направляющим лучом, по которому Брюсу надо было следовать так же, как самолет находит аэропорт по радиолучу.

Брюс набил просторные карманы скафандра едой. Затем прочно привязал маленькую коробку распределителя топлива к поясу, поднял сиденье, отсоединил три маленьких кислородных баллона, хранившихся там и закрепил их у себя на спине.

Потом, с гаечным ключом в руке, он забрался на корму шлюпки, снял капот и пластины, открыв все внутренности. Стали видны длинные топливные шланги, выхлопные клапаны, раздавленные агрегаты и толстые пучки разноцветных проводов. Брюс нашел трубку — метровой пластиковый цилиндр, соединяющийся с камерой сгорания. Он аккуратно открутил цилиндр так, чтобы предотвратить любую

возможность утечки содержимого. Затем неуклюже вытащил его из шлюпки, поставил на землю и легко спрыгнул за ним.

Взяв часть нейлоновой веревки, крепившей шлюпку к поверхности необычного астероида, Брюс поставил цилиндр клапаном вниз и примотал себя к нему так, чтобы сесть на него верхом, болтая ногами, как ведьма на метле.

Быстро осмотревшись, он глянул на маленькую шлюпку, которая начала медленно сдвигаться и вращаться вместе с поверхностью астероида, потом поднял голову.

Огромный сияющий шар Сатурна заполнил небо, купая все в золотистом сиянии. На фоне его поверхности виднелась толстая, черная линия внутреннего кольца. Между Брюсом и этой линией висело пять обломков, частей внешнего кольца, таких же, как и тот астероид, на котором находился он сам. Брюс сосредоточился на ближайшем обломке, маленьком теле диаметром в несколько метров, находящемся, возможно, в метрах тридцати, потом согнул ноги и резко прыгнул.

Практически не имея веса, Брюс улетел в космос между кольцами. Едва успев перевести дух, он уже оказался рядом с шаром и с трудом успел приготовиться к столкновению.

Он быстро ухватился за поверхность, предотвратив отскок. Впереди висел другой обломок, угловатый и каменистый, в несколько раз больше шара, в который вцепился Брюс. Он снова набрался сил и прыгнул. Он чуть не промазал, но успел зацепиться рукой за выступ, пролетая мимо, и притянул себя к нему.

Отсюда темная крупница кольца, где он оставил шлюпку, ставшую лишь светящимся пятнышком, казалась уже очень маленькой. Брюс снова прыгнул, на этот раз пролетев гораздо большее расстояние, и добрался до огромного объекта диаметром в несколько сот метров.

Этот обломок, хотя и каменный, как большинство других, обещал быть весьма интересным объектом для изучения. Но Брюсу было не до него. Прыжками он перемещался с одного мирка на другой, чуть переводил дыхание и отталкивался в сторону следующего шара.

Все это время он слышал голос отца, обрывками и фрагментами. Секунду можно было разобрать пару слов, затем радиоактивные обломки производили новую серию воплей и завываний.

Когда Брюс слышал фразы, ему казалось, что отец описывает свое путешествие и теорию возникновения колец. Он то и дело выхватывал из неустанный шума разрозненные фразы, касающиеся разумной жизни и руин цивилизации. Очевидно, его отец сделал те же открытия, что и Брюс.

Затем Брюсу сделалось немного не по себе. Крупница кольца, где он оставил корабль, уже исчезла из виду, потерялась в массе блестящих дисков, а они, в свою очередь, составляли огромный светящийся пояс, тянувшийся через все небо. Он остался один, совершенно один, без ко-

рабля, без продовольствия, без ничего, кроме тонкой прослойки скаффандра между жизнью и смертью.

Над ним висели астероиды, и количество объектов, преграждающих путь, казалось, не уменьшалось. Снова и снова Брюс прыгал, и космос, наконец, стал постепенно очищаться. Он увидел, что черная внешняя граница внутреннего кольца сделалась больше, а пространство между ним и Сатурном стало менее загромождено черным шарами астероидов.

Брюс добился определенных успехов в прыжках. Он научился точно рассчитывать силу и направлять себя в полете так, чтобы потом не цепляться в последнюю секунду за объекты. Он осмеливался делать все более и более длинные прыжки, нацеливаясь на большие тела, отталкиваясь, летя через пустоту, глядя, как увеличивается цель, выставляя ноги вперед и приземляясь на четвереньки, не позволяя при этом длинной трубке, привязанной к телу, коснуться камня и треснуть.

Наконец, Брюс увидел, что до границы внешнего кольца было уже рукой подать. Он добрался до последнего объекта и остановился, молча вглядываясь вдаль.

Крошечный мир под его ногами тускло светился в блеске Сатурна. Линия горизонта была лишь в нескольких шагах от него. Он смотрел в бездонную пропасть, где плавало бесчисленное количество светящихся точек, через которые он смутно видел лик одного из самых больших спутников Сатурна. Брюс посмотрел по сторонам и ему показалось, что он стоит на огромной плоской равнине, растянувшейся по небу широким покрывалом, — иллюзия однородности, вызванная бесконечным парадом миллионов и миллионов кусочков, благодаря временным процессам движущихся с одной скоростью и в одном направлении.

Над Брюсом сиял огромный шар Сатурна, как золотистое море, и его пояса из вращающегося газа были словно вуали, скрывающие загадку, которую, возможно, никто никогда не разгадает. И перед ним, будто в одном шаге, висело еще одно кольцо, плоская круглая платформа при взгляде оттуда, где стоял Брюс, более темная, чем внешнее кольцо, но так же тихо и неприветливо сияющая в темном небе. Между ним и этой платформой, казалось, было совсем небольшое расстояние, промежуток над звездными глубинами.

Брюс знал, что это опасная иллюзия. Расстояние было совсем не маленьким, не узким ущельем. Это пространство измерялось не парой сотен метров или даже километров. В нем было почти четыре тысячи километров! Как от Нью-Йорка до Денвера, если воспользоваться знакомой географией родной планеты для лучшего представления.

Можно ли пересечь такую дистанцию за один прыжок?

Ответом, как ни удивительно, было «да». Брюс понимал это. В этом и заключалась коварность внешнего космоса. Если вы ничего не видите и приведете себя в движение там, где ничего не может вас остановить, где нет воздуха, нет силы, которая тянет назад, тогда вы будете

вечно дрейфовать с изначальной скоростью. Вечно, пока не врежетесь во что-нибудь или какое-нибудь тело вас не притянет.

Так что проблема была не в этом. Если Брюс прыгнет, то со временем достигнет следующего кольца. Но когда? Даже если он соберет все силы, то полет, наверное, все равно займет много, много дней – даже несмотря на то, что огромный Сатурн будет притягивать его, приближая к достижению цели. За это время воздух в скафандре окончательно испортится, а сам скафандр потеряет тепло, поскольку маленькая батарея на поясе столько не выдержит, к тому же Брюс умрет с голоду.

Ему нужно было добраться до следующего кольца гораздо быстрее, со скоростью космического корабля. Надо было набрать такую скорость, чтобы двигаться вместе с частицами этого кольца, которые перемещались намного быстрее, чем те, на которых он стоял. Брюсу надо было прицелиться в то место в огромном кольце, где ждал его отец, без промедления попасть туда, желательно за несколько часов, а лучше – еще быстрее.

Доктор Родс рассказал сыну, как это можно сделать. Еще никому в истории космических путешествий не доводилось это попробовать. Но Брюс уже приготовился. Готов, сказал он сам себе. Его разум сосредоточился на одной единственной цели и затем... Вперед!

Брюс собрался с силами, крепко ухватился за длинный цилиндр, взятый из шлюпки, и оттолкнулся вверх и в сторону промежутка между кольцами, в пустое пространство, разделяющее их. Астрономы на Земле дали этому промежутку собственное имя. Его называют Щель Кассини, в честь древнего астронома, который первый заметил его. А теперь Брюс двигался через Щель в одиночку.

Он был одиночкой, чудачком, пытающимся пересечь такую широкую и глубокую пропасть. Громоздкий воздухо непроницаемый скафандр с электрическим обогревом подходил ему, как растянутый свитер. Металлические подошвы башмаков обеспечивали магнитное притяжение, когда было нужно. Рюкзак на спине вмещал крошечную атомную батарею, снабжающую энергией скафандр и рацию. Две трубки, являющиеся частью рюкзака, хранили кислород и соединялись с удивительным компактным очистителем воздуха, постоянно восстанавливающим внутреннюю атмосферу скафандра. Несмотря на это устройство, мощность узла воздушноснабжения была строго ограничена, и, примерно день, объем вредных газов станет больше того, что еще можно вывести, затем начнется удушье.

На голове Брюса был пластиковый, укрепленный металлом шлем, позволяющий ему смотреть во всех направлениях. Забрало спереди можно было, при необходимости, открыть, когда снаружи имелся воздух. Маленькая, но мощная переносная атомная рация в плоском футляре крепилась к передней части скафандра, а динамики и микрофон были встроены в шлем. Объемистые карманы костюма были набиты образцами, взятыми с астероидов. В контейнере на поясе лежал рас-

пределитель топлива и пакет с сэндвичами. С другой стороны пояса свисал целый ящик с продуктами.

Но теперь в оркестре главенствовал цилиндр из двигателя. Брюс сидел на нем верхом, а передняя часть цилиндра смотрела вниз. Двигаясь от края кольца, в пустоту, направляясь к огромному шару Сатурна, Брюс управлял клапанами цилиндра. Открыв один, кончиками пальцев он почувствовал вибрацию, и его тело внезапно рванулось вперед. Словно что-то тащило его, будто цилиндр пытался вырваться из рук.

В нем, под огромным давлением, находился инертный газ. Он использовался в ракетных двигателях, чтобы ослаблять внутренние эффекты их работы и занимать пустое место в баках, по мере истощения запасов топлива. Газ не являлся топливом сам по себе, но был необходим для безопасного применения высокоэнергетической атомной жидкости.

Но ракетные двигатели работали на очень простом принципе, и даже истечение газа из цилиндра или баллона могло перемещать его, если вес достаточно мал. Будучи маленьким мальчиком, Брюс видел, как воздушные шарики носятся по комнате, пока из них выходит воздух. Таким же образом этот цилиндр, содержащий большое количество газа, находящимся под огромным давлением, и был таким шариком, только во много раз более мощным.

У Брюса не было веса. Газ, выходящий из цилиндра через крошечное отверстие, создавал настоящий реактивный эффект, ничем не отличающийся от принципа, используемого в космических кораблях. Тяга цилиндра, прикрепленного к телу Брюсу, управляемая Брюсом, по факту, если не по виду, сделала юношу космическим кораблем.

Он направлялся к тому месту в кольце, откуда шел голос отца. Или, скорее, к месту, которое было перед ним, зная, что к тому времени, когда он доберется до кольца, частица, на которой находился доктор Родс, прилично продвинется вперед. Постоянная тяга цилиндра, создаваемая выходящим газом, придавала мощное ускорение. Даже очень мощное. Если газ не кончится, Брюс, наверное, пересечет эту щель на скорости, почти равной той, которую набрала бы его маленькая шлюпка.

Он двигался вперед, цилиндр дрожал в руках, радио пищало, а голос отца становился все отчетливее. Перед Брюсом висела огромная полусфера Сатурна, казалось, он падал на нее. Внутренняя грань внешнего кольца позади быстро удалялась, ее блестящая поверхность расплющивалась. Наверху он видел один из спутников Сатурна, испещренный белыми и серыми пятнами, создаваемыми солнечным светом, отражающимся от безжизненных гор и долин. Со всех сторон вокруг Сатурна сияли миллионы ярких точек, являющихся звездами, невероятно далекими солнцами.

Пройдут часы, понял Брюс, прежде чем он достигнет места назначения, несмотря на свою страшную скорость. Он сжимал цилиндр, пристально смотрел вперед и прислушивался к звуку голоса отца, доносящегося через шипение радио.

Доктору Родсу было не так-то просто использовать свой голос, как направляющий луч. Ему пришлось говорить часами, даже не зная, слышит ли его Брюс и, тем более, не надеясь на ответ. Поначалу Брюсу казалось, что отец читает учебник по астрономии, поскольку Брюс ловил обрывки фраз про расстояние, их измерение и галактические массы. Затем, через некоторое время, отец Брюса, очевидно, рассказал все, что помнил по этой теме, и начал говорить про свой полет. Брюс не смог разобрать начало в долгой вспышке помех, но все это время продолжал слышать голос отца, пока летел к первому входу в кольца.

— Я заметил, что прием сигнала становился все хуже и хуже, и у меня мелькнула мысль, уж не сломалось ли мое радио, — услышал Брюс. — Помехи были непрерывными, и все время шло громкое шипение. Я понял, что больше не могу разобрать то, что мне говорят с базы на Мимасе. К этому времени, я уже почти добрался до кольца, и стали видны составляющие его обломки. Когда я подлетел еще ближе, помехи сделались совершенно невыносимыми, и я с неохотой решил совсем выключить радио. Я понял, что это может вызвать на корабле тревогу, но продолжать было бесполезно. Я надеялся Гарсия догадается, что помехи возникают из-за близости колец, потому что, как я теперь знаю, они радиоактивные.

Брюс кивнул. Почему-то никто из них не подумал об этом, кажется, все решили, что это просто несчастный случай. Его отец продолжал рассказывать о первом приземлении на обломок кольца, об открытиях и наблюдениях, очень схожих с теми, что совершил Брюс. Тем не менее, доктор Родс нашел достаточно подтверждений своей теории, что кольца появились вследствие атомных взрывов.

— Я решил, что то, из чего сделаны внутренние спутники, могло быть ближе к центру взорвавшегося спутника из-за более высокой скорости. Поэтому я сел в шлюпку и полетел ко второму кольцу. Сейчас я понимаю, что должен был тогда попробовать связаться с вами, но был слишком возбужден открытиями, чтобы думать о радио. — Доктор Родс во всех подробностях описал вхождение во второе кольцо и исследование пары его частиц. — Потом я направился к третьему обломку у самого края кольца, — продолжал он. — Я заметил его странный блеск, необычный, потому что обломки этого кольца, в основном, значительно темнее, чем у первого. Обычный каменный астероид, но непонятным образом отполированный с одной стороны. Время и столкновения с другими частицами сделали и эту сторону довольно тусклой, но, тем не менее, она не потеряла странный вид — казалось, ее специально отполировали. Я посадил корабль и крепко его привязал. Когда я вылез из кабины, то обнаружил, что воображение не обмануло меня. Частица была гладкой, как мрамор, гораздо более твердой и определенно имела искусственное происхождение. Можешь представить мое крайнее удивление. Этот астероид был частью какого-то потерянного города, принадлежавшего некой цивилизации, развившейся и исчезнувшей еще задолго до того,

как на Земле появились люди! Я прошел по мрамору. Мне показалось, что он когда-то был полом, возможно, городской площадью, но, скорее всего, находился на вершине холма, потому что этот обломок имел форму конуса. Затем представь мое дальнейшее удивление, когда я увидел, что в углублении посреди мраморного покрытия находится металлический диск. Он был ниже уровня камня, и именно поэтому пережил столько веков ударов и столкновений. Я подошел к диску и обнаружил, что на нем сохранились какие-то узоры и резьба. Я пощупал его, затем понял, что под ним полость, заполненная воздухом!

Брюс с изумлением слушал. Он был уже на полпути, словно вися в пустоте, с краями колец с обеих сторон, выглядящих, как тонкие расплюснутые ребра монет. Брюс продолжил слушать отца.

— После пары часов работы, я сумел проделать отверстие в металлической крышке при помощи переносной атомной горелки. Я работал медленно, потому что не хотел ничего испортить под крышкой. Наконец, я смог приоткрыть ее, поскольку оказалось, что она держится на петлях, которые уже давно превратились в пыль. Внутри этой частицы кольца с мраморным фасадом была гробница. Гробница древней расы, жившей на спутнике Сатурна. Думаю, они относились к этой гробнице, как мы относимся, скажем, к захоронениям древних египтян. Мы, как ученые, больше не воздвигаем такие огромные склепы. Мы больше не строим пирамиды для умерших королей и не оставляем там сокровища нашей культуры, которые, якобы, оживят их в каком-нибудь языческом загробном мире. Возможно, это была ошибка с точки зрения археологии будущего, потому что я увидел невероятные сокровища. В гробнице на спутнике лежало огромное количество драгоценностей. Там был резной каменный ящик, который когда-то вмещал покойника. Его тело уже давно превратилось в прах. Я ничего не нашел. Внешний вид этих давно погибших разумных созданий все еще остается тайной. У ящика были странные размеры, в нем никогда бы не поместилось человеческое тело. Я даже представить не могу, какой формы должно быть тело, чтобы влезть в такой гроб, поскольку оно имело выпуклости в неправильных местах. Я раскопал инструменты и металлические украшения, потускневшие, но сохранившиеся там, где они были сделаны из металла. Я нашел следы пыли, где могли находиться дерево и ткань, а также частицы металла, похожие на пуговицы. Стены покрывали инкрустированные золотые надписи на каком-то языке, который я, разумеется, не мог расшифровать. К сожалению, я не увидел никаких изображений и символов, имевших для меня смысл. Но я уверен, что хорошо обученные специалисты смогли бы получить из этих надписей информацию.

Брюс медленно приближался к границе внутреннего кольца. Он направили цилиндр туда, откуда голос отца шел громче всего.

— Когда я вернулся к шлюпке, то принес с собой много всего. Закончив погрузку, я решил оставить тут атомный передатчик, чтобы мы смогли снова найти этот обломок. Когда я попытался завести двига-

тель, то обнаружил, что он сломан. Я пытался снова и снова. Наконец, открыл задний отсек и увидел, что крошечный метеорит, размерами с маленький камешек, каким-то образом попал в шлюпку, пока я был в гробнице. Он проделал дыру в распределителе топлива и вывел его из строя, но все остальное оставил неповрежденным. Так что я ждал здесь, надеясь, что кто-нибудь с Мимаса за мной прилетит. Я рад, что ты сделал это, Брюс, хотя это было очень опасно. Когда доберешься до меня, надеюсь, уже скоро, мы сможем починить корабль и вернуться. У меня достаточно горючего, но воздух на исходе, и я не ел десять часов.

Брюс стиснул зубы. Он уже был совсем близко к краю кольца, где застрял отец. Он понял, что его скорость не совпадает со скоростью движущихся частиц, которые он теперь мог разглядеть. Увеличив тягу и изогнувшись так, чтобы повернулся цилиндр, он начал ускоряться, мчась параллельно обломкам кольца.

Уже скоро Брюс летел рядом с краем внутреннего кольца. Он видел тесно расположившиеся частицы кольца, одна над другой катящиеся по небесам бесконечным плотным парадом. В большинстве своем они казались темнее, чем те, что он видел раньше.

Брюс слышал голос отца, который стал гораздо отчетливее, несмотря на усилившееся шипение и помехи от радиоактивных обломков. Он двигался дальше, быстрее потока кольца, напрягая глаза, чтобы найти более яркую частицу, чем остальные. Это было также сложно, как найти иголку в стоге сена, но к счастью, эта иголка сама звала его.

Брюс все летел и летел, а его глаза все сильнее уставали от постоянного напряжения. То и дело ему казалось, что он заметил какое-то яркое тело среди всех видимых у края кольца, но каждый раз, когда он приближался к нему, оказывалось, что голос по радио исходит от более далекого объекта.

Брюс глянул на цилиндр с газом и внезапно понял, что тот почти опустел, что стрелка, показывающая внутреннее давление, приближалась к отметке ноль. Он понял, что у него осталось всего несколько минут.

Теперь Брюсу показалось, что он увидел еще один маленький астероид, отличающийся от других по виду. Он направился к нему внутрь кольца. И затем он заметил крошечное пятно на светящейся поверхности – крошечный объект в форме пули – ракетную шлюпку. Уже ринувшись туда, он разглядел маленькую фигурку, стоящую рядом с шатлом и машущую ему рукой.

Внезапно положение тела Брюса претерпело изменения. Казалось, оно резко отклонилось назад. Он посмотрел вниз. Газ закончился. Цилиндр опустел.

ГЛАВА 15. Промех

БРЮС продолжал двигаться. В космосе ничто не остановит его, но он рассчитывал, что в цилиндре хватит газа, чтобы довести его до по-

верхности. Но теперь, когда баллон опустел, он понял, что пролетит мимо, промажет мимо цели на какую-то пару метров – но этого будет достаточно. Ничто не может его подтолкнуть, он никак не пролетит чуть дальше и не изменит направление свободного падения.

Брюс бешено махал рукой, активно показывая на цилиндр, надеясь, что его отец поймет суть проблемы.

– Что случилось? – услышал он голос отца. – Ты не долетишь?

Брюс снова указал рукой на цилиндр. Он не стал даже пытаться что-нибудь сказать отцу, помехи все равно заглушили бы слабые сигналы радиации, встроенной в скафандр и предназначенной для общения только на небольших расстояниях. Он опять махнул рукой.

– А! Он пустой, – раздался голос отца. – В нем больше нет энергии. Ну, тогда... слушай меня. Цилиндр еще может тебе пригодиться, и надо сделать это прямо сейчас. Во– первых, отвязись от него.

Брюс показал, что понял отца, выполнив это указание, неуклюже извиваясь и освобождаясь от длинного газового баллона. Все это время он летел к нужному обломку, все сильнее и сильнее отклоняясь от верного направления.

– Делай все правильно и аккуратно, – снова раздался голос доктора Родса, когда Брюс отвязал цилиндр от скафандра и вцепился в него руками. – Возьми цилиндр, поверни его в направление, противоположное тому, куда ты хочешь попасть. В нужный момент, когда окажешься ко мне ближе всего, оттолкни его от себя как можно сильнее. Ты должен получить импульс в обратном направлении, в соответствии с законом ракетной техники, гласящем, что на каждое действие есть противодействие.

Брюс понял это. Он выполнил инструкции, развернув метровый пластиковый контейнер так, чтобы его тело оказалось точно между ним и объектом, на котором находился отец. Он продолжал свободный полет, пока не понял, что ближе поверхность уже не будет. В этот момент он изо всех сил оттолкнул цилиндр. Пустой баллон быстро отдался. Брюс полетел в обратную сторону, но гораздо медленнее, поскольку он был во много раз тяжелее цилиндра. Но и этого хватило. Через пару минут его ноги коснулись полированной мраморной поверхности необычного небесного тела. Отец поймал его, притянул к себе, и они обнялись в обоюдном облегчении и радости.

Доктор Родс выглядел уставшим и истощенным. Брюс видел его лицо через прозрачные шлемы. Но глаза старого ученого ярко блестели, а на губах была решительная улыбка. Они обнимались и смотрели друг на друга с искренней радостью. Увидеть другого человека в безжизненном космическом пространстве само по себе было очень приятно, а поскольку отец и сын не виделись, казалось, уже целую вечность, их охватил настоящий восторг. К тому же они беспокоились друг о друге с момента отлета отца с Мимаса, хотя оба запретили своей тревоге вмешиваться в долг по спасению человечества.

Брюс потащил отца к шлюпке, и они без лишних слов забрались внутрь, закрыли и загерметизировали кабину. Распаковав еду, принесенную с собой, Брюс не разрешил отцу ничего делать, пока тот не поест.

– Нам надо улетать как можно быстрее, Брюс, – проглотив последние крошки сэндвича, сказал доктор Родс. – У нас мало воздуха. Нельзя терять время. Давай чинить двигатель.

Они закрыли шлемы и выбрались из ракетной шлюпки. Доктор Родс взял топливный распределитель с шаттла сына и принялся за работу по замене поломанного агрегата. Тем временем, Брюс уложил образцы с внешнего кольца в ящик под сиденьем и в пространство за ним.

– Почему бы тебе не взглянуть на гробницу, пока я заканчиваю работу? – спросил доктор Родс через рацию в скафандрах. – Вероятно, это последняя возможность для человека увидеть такую красоту. Следующий подобный шанс представится через много лет – а может, и никогда.

– Почему это? – осторожно шагая по мраморной поверхности странного маленького астероида к углублению и блестящей металлической двери, спросил Брюс.

– Шанс, что будущие исследователи найдут эту гробницу, очень мал. Даже с учетом атомного передатчика, они, вероятно, никогда не смогут найти этот обломок среди бесчисленных миллионов других обломков. Так что сходи, посмотри.

Брюс прошел через открытую металлическую дверь и встал, вода фонариком скафандра по сторонам. Все выглядело так, как описывал отец, гробница уже была древней, когда Землю еще покрывали покрытые туманом джунгли, а пещерный человек должен был появиться только через много миллионов лет. Пустота и космический холод сохранили многое, но сам распад элементов уничтожил большую часть гробницы.

Брюс увидел диковинный гроб и, как и отец, понял, что ни один человек туда не поместится. Но тут его позвал доктор Родс, – корабль был готов к взлету.

Брюс вылез из гробницы, затем повернулся и аккуратно закрыл круглый, толстый металлический диск, запечатывающий ее. Когда Брюс увидел, что диск встал на свое место, он остановился, и, в приступе мальчишества, вытащил с пояса отвертку и нацарапал на металле свои инициалы вместе с датой. Затем выпрямился и пошел к отцу.

Брюс забрался в кабину и плотно закрыл прозрачный люк. Двоим там было очень тесно, они сидели, прижавшись друг к другу. Брюс откинул забрало, как только датчики давления воздуха показали, что это безопасно.

Воздух уже был довольно спертый и пах маслом и озоном.

– Пора убраться отсюда, – объявил доктор Родс и, запустив двигатели, потянул на себя рычаг акселератора. Они взлетели!

Шлюпка легко оторвалась от обломка и полетела прочь, быстро отдаляясь от массы марширующих камней, астероидов и кусков льда. Оказавшись на границе, они просто повернулись хвостом к сияющему шару Сатурна и полетели над Щелью Кассини.

На этот раз доктор Родс повел корабль над кольцами, набирая скорость, под углом к плоскости внешнего кольца.

– Найди Мимас, Брюс, – сосредоточившись на том, чтобы не врезаться в один из блуждающих обломков, которых здесь было полно, приказал он.

Брюс взгляделся в небо. В одном сияющем диске он узнал Титан по его расплывчатым очертаниям – самый большой спутник Сатурна имел атмосферу. На секунду Брюс пожалел, что они не могут посетить этот странный мир, размерами почти с планету, где воздух был ядовит, текли аммиачные реки, наполняя аммиачные озера, а полярные шапки состояли из замороженного кислорода. Жизнь в этом мире, если она там вообще существовала, не вписывалась ни в какие земные представления.

Брюс заметил и другие спутники, с этой стороны и дальше. Рея была совсем рядом с Титаном. Энцелад только появился из тени с другой стороны. Тетис висел узким полумесяцем. Мимас был в другой плоскости, внизу, под кольцом, в то время как шаттл Брюса и его отца летел над ним. Он сказал об этом вслух. Они снова начали подниматься.

– Мы выходим не с той стороны, – объяснил доктор Родс. – Придется сделать круг. Не знаю, хватит ли нам топлива.

Старший Родс увеличил скорость. Они пролетели в нескольких тысячах километрах над светящейся плоскостью внешнего кольца. Очень близко. Какое-то время казалось, что они мчатся над ледяным полем, странным образом полупрозрачным. Брюс видел через него яркие звезды, так велики были пустоты между мириадами фрагментов, делающих кольцо сплошным на вид. Солнце, маленький, но ужасно яркий шарик, светило на эту поверхность и иногда отбрасывало яркие отражения.

Наконец, они пересекли всю ширь внешнего кольца. Внизу виднелся блестящий шар Мимаса с бело-серыми пятнами. Шлюпка свернула к нему, пролетела мимо кажущейся толстой грани кольца и направилась к базе.

Брюс включил радио.

– Вызываю Мимас. Шлюпка Родса вызывает Мимас. Гарсия, Бенц, прошу, ответьте.

Он переключил рацию на прием сигнала. Кольца остались позади, и слышалось лишь слабое шипение. Помех почти не было, но никто не отвечал.

– Они должны быть на посту, – тихонько пробормотал доктор Родс.

– Не держи на них зла, – также тихо ответил Брюс. – В конце концов, я сам оставил их, как ты знаешь. Двум тяжело нести круглосуточную вахту. Это приведет к одиночеству, испортит обоим настроение. Кроме

того, сейчас у них, возможно, и нет на это времени. Скорее всего, у них по горло работы.

Брюс увидел, что отец устал и сделался раздражительным. Стало понятно, почему доктор Родс так быстро рассердился.

– Думаю, так и есть, мой мальчик, – ответил он. – Наверное, не стоит ожидать слишком многого. Ждать, не получая никаких ответов, так же тяжело, как и действовать.

Брюс украдкой посмотрел на отца. Он понял, что тот хотел сказать, поскольку доктор Родс прождал много часов, пребывая в почти полной безнадежности.

– Наверное, они играют в шахматы и не могут оторваться, чтобы ответить на наш вызов, – пошутил старый инженер.

Они приближались к Мимасу, маленький спутник становился все больше и больше. Уже были видны его горы и равнины. Брюс продолжал вызывать базу, но тщетно. Он и сам сильно встревожился, но ничего не говорил по этому поводу.

Воздух в кабине заметно испортился. Брюс ощутил, как его охватывает сонливость, вспомнил о запасе кислорода в баллонах и закинул руку за спину, чтобы открыть их. Раздалось слабое шипение. Через несколько секунд их головы прочистились.

– Это ты вовремя сделал, – медленно одобрил отец. – Думаю, если бы не ты, мы бы уже спали. Но, думаю, надолго этих баллонов все равно не хватит.

Они уже были над Мимасом, спускаясь по широкой дуге и ища ту равнину и горы, где сел их корабль. Наконец, Брюсу показалось, что он нашел то место.

– Вон там, за горами, похожими на зубья пилы. Кажется, на той круглой равнине мы и сели.

Ракетная шлюпка пролетела над вершинами острых пиков, затем над более низкими горами, опоясывающими равнину и села на ровную поверхность.

– Смотри! – внезапно закричал Брюс. – Корабль... он движется!

Они одновременно увидели его. Корабль находился там, на равнине, где они оставили его. И медленно скользил на полозьях, а из хвоста вырывалась струя огня.

– Остановитесь! Остановитесь! – завопил Брюс в рацию. – Гарсия, мы здесь. Мы идем! Не улетайте! Не оставляйте нас тут!

Его отец с напряженным лицом протянул руку и нажал маленькую кнопку с надписью «Аварийный сигнал». Впереди, на носу скоростной космической шлюпки появился дым, и крошечная ракета рванулась вперед, чтобы взорваться в космосе в километре перед скользящим по равнине кораблем и оставить миллион сверкающих искр и облако яркого газа.

Космический корабль на равнине продолжал двигаться вперед, неуклонно набирая взлетную скорость, а поток атомного ракетного огня за ним становился все шире и шире по мере роста скорости.

Когда Брюс улетел за отцом на второй шлюпке, Арпад дремал в гамаке на борту корабля, а Гарсия занимался расчетами в рубке, работая над обратным курсом.

Топот ног бегущего навигатора разбудил Арпада, и через пару минут он уже был снаружи и смотрел в небо, хотя крошечная шлюпка давно исчезла из вида.

Они вбежали в палатку с радиостанцией и попытались связаться с Брюсом. Со временем им это удалось, и соединение не прерывалось, пока помехи кольца и радиоактивный фон не заглушили прием, и Брюс не выключил рацию. Какое-то время они ничего не делали, затем решили, что не смогут нести круглосуточную вахту, раз их осталось только двое.

Они вернулись в космический корабль и договорились, что один из них будет выходить каждый час и проверять радио на наличие сообщений.

– Расчеты обратного курса еще не закончены, – сказал Гарсия, – и мне надо доделать их как можно быстрее. Тебе, тем временем, лучше проверить баки и показать мне на карте, где мы точно находимся. Без обеих шлюпок, наш вес стал заметно меньше, и поэтому, вероятно, придется внести кое-какие поправки.

– Ну, думаю, вы можете подождать, по крайней мере, пару дней, прежде чем мы решим улететь вдвоем, – возразил Арпад.

– Надеюсь, что так, но точно я узнаю только, когда закончу расчеты. Откровенно говоря, перспектива не слишком радужная.

С этими словами, Гарсия вернулся к картам и счетным машинам.

Арпад ушел на корму, облазил баки, проверяя, сколько в них осталось топлива, осмотрел проводку и привел все в состояние готовности для обратного полета. Он чувствовал себя плохо, страхась момента, когда им придется принять решение. Хотя он часто подкалывал Брюса в течение экспедиции, тот стал для него почти что другом, и Арпад иногда даже жалел, что не рискнул отправиться на поиски доктора Родса вместо него.

За едой Гарсия с Арпадом обсудили предстоящее решение.

– Уверен, что они вернуться, – сказал Арпад. – Надо набраться терпения.

– Боюсь, что как раз этого мы не можем себе позволить, Арпад, – медленно сказал Гарсия. – Я закончил расчет буквально пару минут назад.

Он замолчал. Арпад отложил вилку и пристально посмотрел на серьезное лицо Гарсии.

– И? – спросил юноша.

— У нас ровно три часа двадцать минут. Ровно через столько мы должны взлететь. Если они не вернутся к этому сроку, придется стартовать без них. В противном случае, следующая возможность будет лишь через пять недель. У нас не хватит топлива, а риск будет гораздо больше, возможно, непомерно большим.

Прошли три часа. Арпад в последний раз вглядывался в космос, надеясь увидеть маленькую шлюпку. Но на фоне величественного шара Сатурна, занимающего приличную часть неба, ничего не было заметно. Шагнув внутрь, он закрыл внешний люк, прошел дальше, и запечатал шлюз. Заняв место Брюса рядом с боковым иллюминатором, крикнул Гарсия, что готов.

Усевшись в кресло пилота, Гарсия пробежался глазами по приборам, щелкнул переключателем, затем еще одним. Раздалось приглушенное жужжание, когда заработали генераторы. Он ткнул кнопку, включающую двигатели.

Корабль дернулся, когда из сопла вырвался клуб атомного пара. Второй клуб, и корабль чуть повернулся, затем еще немного, и нос ракеты нацелился в свободное пространство, а Сатурн оказался сзади.

Гарсия посмотрел на часы. Он начал на три минуты раньше, поскольку не любил спешку. Затем нажал еще несколько кнопок.

Атомные двигатели выпустили струю огня, корабль начал медленно набирать скорость. Перед кораблем Гарсия заметил клуб дыма и сноп искр в небе. Его разум, сосредоточенный на управлении, посчитал это взрывом метеора.

Арпад, надеясь на чудо, стоял, прижавшись лицом к иллюминатору, вглядываясь в кольца, в ту часть неба, откуда, по его мнению, должны были появиться пропавшие члены экипажа. За долю секунды перед вспышкой сигнальной ракеты, гудок на пульте управления в машинном зале заставил его отвернуться.

Это было всего лишь предупреждением, что заработал еще один двигатель. Когда Арпад снова посмотрел в иллюминатор, вспышка уже исчезла. В конце концов, он перестал вглядываться в космос и принялся наблюдать за расходом топлива.

Корабль плавно набирал ход. Напряженный Гарсия прибавлял скорость, не отрывая взгляд от часов. Он еще никогда самостоятельно не управлял кораблем такого размера и хотел снизить риск до минимума. Страх, что он допустит фатальную ошибку, не оставлял его, когда он оторвал корабль от поверхности спутника, пролетел над вершинами гор и вывел его в межпланетную пустоту.

ГЛАВА 16. Страж глубин

БРЮС с отцом напряженно ждали. Космический корабль двигался по равнине и набирал скорость. Они приближались к нему сзади, и, если их аварийный сигнал не увидели, то никто их не заметит. Корабль

оторвался от грунта и начал круто уходить вверх, чтобы перелететь над вершинами гор.

– О, нет! – воскликнул Брюс. – Нет! Только не это!

Но Гарсия и Бенц внутри корабля не могли услышать его. В космических путешествиях нет более напряженных моментов, чем взлет и посадка. В тот момент, не заметив маленький взрыв сигнальной ракеты, они сосредоточились на приборах и двигателях. Прямо на глазах обоих Родсов, скорость корабля увеличилась в несколько раз, и за считанные секунды он исчез из вида в черной безвоздушности космоса.

Маленькая шлюпка коснулась земли недалеко от того места, где до недавнего времени стоял их корабль. Ни сын, ни отец не проронили ни слова, пока скользили по грунту, замедляя скорость. Оба чувствовали в душе пустоту, как сорвавшиеся акробаты, внезапно осознавшие, что их ждет твердый пол, а не натянутая сеть.

Некоторое время они просто сидели на своих местах, уставшие, поникшие, не желающие приводить мысли в порядок. Наконец, Брюс осмотрелся, поерзав в тесном кресле, и толкнул локтем отца.

– Они оставили палатку, – заметил он.

Доктор Родс посмотрел туда, куда указывал палец Брюс.

– Гм-м, – задумчиво протянул он. – Может, они еще вернуться?

У Брюса было подозрение, что их навечно оставили тут, но он не мог позволить себе озвучить эту мысль.

– Да, – согласился он, – нам стоило понять, что они не бросят нас. Может быть, они полетели к кольцам, чтобы попробовать найти нас?

– Возможно, – кивнул Родс-старший. – Остается только надеяться, что примерно так все и обстоит. Давай проверим, может, в палатке еще есть какие-нибудь припасы.

Снова закрыв шлемы, они отодвинули прозрачную панель кабины и с трудом вылезли из тесной космической шлюпки. Шагая к прозрачной герметичной палатке, Брюс почувствовал, что мышцы онемели, и все тело одеревенело от долгих часов бодрствования и плохого воздуха. Они добрались до палатки, расстегнули вход и вошли.

Как они и предполагали, внутри оказались несколько контейнеров с пищевыми концентратами, фляга с водой, переносной очиститель воздуха и три длинных баллона с кислородом. Радиостанции не было, хотя несколько инструментов осталось.

– Если они собирались вернуться, то зачем забрали радио? – внезапно спросил Брюс.

Отец пожал плечами.

– Давай не будем сейчас думать об этом, – заметил он. – Лучше поедим и отдохнем. В таком состоянии нельзя решать проблемы. После того, как немного поспим, начнем размышлять, что делать дальше.

Действуя согласно его словам, они слегка подняли давление воздуха в палатке, открыли шлемы и проглотили немного еды. Затем постара-

лись удобнее расположиться на каменном полу и погрузились в глубокий сон, едва успев закрыть глаза.

К удивлению Гарсии корабль несколько опережал график. Они взлетели с Мимаса без каких-либо проблем — так и не заметив крошечную космическую шлюпку, прилетевшую со стороны вечно сияющих колец. Улетая от Сатурна, им не пришлось в голову оглянуться. Гарсия сосредоточился на приборах и управлении кораблем. Бенц в машинном отделении не отрывал взгляда от показателей различных датчиков, не желая позволять мыслям странствовать где-либо еще.

К тому времени, как они покинули слабое гравитационное поле Мимаса и стали наращивать ускорение, чтобы вырваться из хватки притяжения самого Сатурна, стало ясно, что корабль значительно опережает график и набирает скорость гораздо быстрее, чем предполагал Гарсия. Нахмурившись, он смотрел на приборы, размышляя о том, а не слишком ли он поторопился, не стоило ли подождать еще пару часов.

Он озвучил мысли Бенцу по коммуникационной системе корабля.

— Были бы ваши расчеты неверны, если бы корабль оказался легче, чем вы предположили в расчетах? — спросил Арпад. — И не стали бы мы в таком случае двигаться быстрее?

Гарсия помолчал минуту.

— Да, — наконец, сказал он, — ты прав. Но...

— Но вы посчитали, что Брюс и доктор летят с нами, — прервал Арпад. — Это могло стать причиной ошибок в расчетах?

— Ты попал в точку, — ответил Гарсия. — Конечно! Я считал вес с учетом четырех человек, а не двух, и также учитывал, что на борту есть, по крайней мере, одна шлюпка. Таким образом, получается, что мы значительно легче, чем планировалось, и, следовательно, летим гораздо быстрее. Возможно, нам придется вернуться.

— А мы можем? — возбужденно спросил Арпад. — Если да, мы просто обязаны так сделать.

— Нет, нет, — снова раздался голос Гарсии. — Сейчас развернуться невозможно. Предположим, мы найдем их. Тогда мои старые расчеты снова станут верными, но с более тяжелой нагрузкой и с учетом нескольких часов задержки на повторный старт и меньшего количества топлива, мы уже никогда не сможем вернуться. Придется лететь дальше, нравится нам это или нет.

Когда двое принялись обдумывать неприятную правду, на корабле наступило молчание. Они продолжили ускоряться, направляясь к Идальго, находящемуся где-то в черной пустоте за пределами системы спутников Сатурна.

Брюс проснулся спустя много часов. Открыв глаза, он в первую секунду не мог понять, где находится. Тонкая прозрачная пластиковая крыша палатки пропускала свет звезд, и величественный блеск небес

отбрасывал странные тени. Брюс несколько секунд лежал, не шевелясь, затем перевернулся и встал на ноги.

Отец открыл глаза и посмотрел на него. Они улыбнулись друг другу.

– Ну, Брюс, – поднимаясь с пола, сказал седовласый инженер, – вот и рассвет нового дня. Что у нас на завтрак?

– Яичный порошок, витамины и пшеничный концентрат, – засмеялся Брюс, – со стаканом приятной холодной воды, слегка приправленной хлоркой и разнообразными химикатами. Заправляя салфетку и присоединяйся.

Они сумели не пасть духом, пока ели. Затем встали, не в силах больше не думать о главной проблеме.

– Что теперь, сеньор Робинзон Крузо? – шутя, спросил Брюс.

– Подумаешь, Робинзон! – воскликнул его отец. – Ему еще повезло. Его выкинуло на необитаемый остров. А мы застряли в необитаемом мире. – Его лицо тут же стало серьезным. – Давай посмотрим правде в глаза, Брюс. У нас в лучшем случае пара дней. Нам надо придумать, что мы еще можем сделать, чтобы оправдать путешествие. У меня нет варианта получше.

– Ну, – медленно произнес Брюс, – кое-что мы точно можем сделать. Если в маленькой шлюпке хватит топлива, по крайней мере, можно добраться до другого спутника и поискать замороженную воду и воздух. Вероятно, даже долетим до Титана. Хотя у него ядовитая атмосфера, возможно, нам удастся что-нибудь из нее выпарить, чтобы продержаться до следующей экспедиции ООН.

– Во-первых, у нас элементарно нет топлива, – покачал головой доктор Родс. – Сомневаюсь, что мы хотя бы сможем покинуть Мимас, прежде чем баки опустеют. Во-вторых, ООН задумается об отправке новой миссии, наверное, только через несколько лет. В-третьих... ну, может быть, Титан даст нам надежду, но это настолько маловероятно, что даже не стоит об этом и думать. Нам придется смириться с фактами. Мы застряли тут навсегда. – Доктор Родс немного походил по палатке. – Я считаю, что нам остается только написать обо всех наших открытиях, чтобы следующая экспедиция все узнала. Думаю, я успею сделать это за оставшееся нам время.

– При условии, что экспедицию будет кому отправлять, – кивнул Брюс. – Если «Терралуну» не остановят...

Доктор Родс медленно кивнул, сел за маленький раскладной столик и достал из кармана скафандра записную книжку.

– Пожалуй, я начну. А ты сходи и найди чего-нибудь еще интересное. Чем больше, тем лучше.

Брюс посмотрел на отца, закрыл шлем скафандра и, взяв пару инструментов, чтобы было чем разгребать камни и ковыряться в земле, расстегнул палатку и быстро вышел.

Оказавшись снаружи, он зашагал туда, где были древние руины. Отойдя на десяток метров, заметил углубление в грунте и понял, что

на этом месте стоял космический корабль. Он лениво подошел к длинной неглубокой борозде, по которой скользил корабль, прежде чем остановится, и где его вес постепенно продавливал пыль равнины.

Внезапно Брюс остановился и пристально взгляделся. Ему показалось, что в середине продолговатого углубления есть что-то круглое, с металлическим отблеском.

Он быстро подбежал туда. Корабль, действительно, продавил грунт так глубоко, что стало видно нечто очень древнее. Брюс встал на колени, расчистил руками серый песок вокруг предмета и обнаружил под ним верх того, что казалось круглой металлической поверхностью.

Дрожащими от волнения руками Брюс включил встроенную в скафандр рацию.

— Папа! — закричал он. — Подойди и посмотри, что я нашел. Нечто очень странное!

Отец тут же ответил, и через пару минут Брюс увидел, как из палатки появилась фигура в скафандре и пошла в его направлении. Брюс взял с пояса небольшой ломик, что он прихватил с собой, и постучал по металлической выпуклости.

После второго удара случилось то, что он никак не ожидал. Выпуклость зашевелилась! Песок вокруг завибрировал. Круглая металлическая поверхность, казалось, немного повернулась и начала подниматься. Засыпанная мелким песком равнина под ногами Брюса поехала, и он едва успел отпрыгнуть в сторону.

Пока отец бежал к нему, Брюс стоял и смотрел, как из песка поднимается металлический цилиндр. Цилиндр выходил рывками, нехотя, неуклюже, словно его приводил в движение старый, практически вышедший из строя механизм. Он поднимался все выше и выше, пока не стало видно, что это шар диаметром метра два в цилиндрическом каркасе, стоящем на шести длинных металлических опорах, которые продолжали выдвигаться из грунта.

Тут к Брюсу присоединился доктор Родс, и они вдвоем стали пристально смотреть на загадочный шар, поднимающийся над поверхностью на несколько метров. Шар резко остановился и начал медленно поворачиваться, двигаясь внутри каркаса, стоящего на опорах.

— Что это? — наконец, вырвалось у Брюса.

— Выглядит, как сторожевая башня, — ответил доктор Родс. — Судя по тому, как она движется, я сказал бы, что она автоматическая и очень, очень древняя. Возможно, такого же возраста, как и сам город. Интересно, зачем она нужна?

— Кажется, я случайно включил механизм, тыкая в него ломиком, — сказал Брюс.

— К тому же космический корабль придавил его и не давал подняться, — добавил его отец. — Смотри, шар открывается!

Брюс посмотрел туда, куда указывал палец отца. Действительно, боковая секция металлического шара отъехала в сторону. На их гла-

зах из шара высунулось короткое толстое дуло, из которого внезапно вырвалось голубое пламя, после чего дуло вернулось в недра шара, и панель закрылась.

– А это еще для чего? – пробормотал доктор Родс. – Похоже на выстрел или сигнал.

Брюс отвел глаза от башни, осмотрелся и ахнул, схватив отца за руку.

– Посмотри туда, на горы у границы равнины!

Там висело облако пыли, мерцающее грибовидное облако, которому было нечего делать в безвоздушной пустоте Мимас. Где раньше торчала одна из острых вершин горной цепи, теперь не было ничего.

– Это атомный снаряд! – завопил Брюс. – Атомная пушка!

ГЛАВА 17. Вечная вахта

ОНИ СТОЯЛИ и смотрели на далекое облако, быстро растворяющееся в безвоздушном пространстве Мимаса. Через пару секунд они ощутили сотрясение грунта, когда ударная волна, наконец, добралась до них.

– Это был слабый взрыв, – в конце концов, изрек доктор Родс. – Очень слабый. Я бы даже сказал, необычайно слабый. С учетом низкой гравитации, мощная атомная бомба разнесла бы на кусочки не только вершину горы.

– Значит, пушка была заряжена так давно, что выстрел мог произойти случайно, – предположил Брюс.

– Надеюсь, что так, – сказал отец. – Не могу поверить, что здесь еще остались живые существа. Более похоже, что башня и пушка автоматические, и прождали бесчисленные века, пока что-нибудь их не активизирует.

– Наш корабль, севший на башню, наверное, запустил процесс, а я, постучав по ней ломиком, закончил начатое. Конечно, эта установка очень старая и потому так долго реагировала, – подытожил Брюс.

Доктор Родс вернулся к тому месту, откуда появилась башня, и пощупал одну из длинных металлических опор, на которой покоился шар с пушкой.

– Да, судя по выбоинам на металле, я бы сказал, просто чудо, что вся конструкция еще давным-давно не превратилась в прах. Она, наверное, такая же старая, как и город, как и руины в кольцах!

Брюс посмотрел на древние металлические опоры и понял, к чему клонит отец. На конструкции не было никакой полировки, каждый сантиметр поверхности казался выщербленным, потемневшим и проржавевшим. Он высказал эту мысль вслух.

– Все верно, Брюс, – ответил отец. – На Земле, как мы знаем, металл со временем слабеет, вне зависимости от обработки и закалки. И через миллионы лет... ну, сам погляди.

Брюс опустился на колени и посмотрел туда, откуда появилась ору-
дьяная башня. Под ней была пропасть, ведущая в темноту.

– Как ты думаешь, что там, внизу? – спросил он.

Доктор посмотрел в яму.

– Давай спустимся и узнаем. Возьми в палатке веревку.

Брюс поднялся на ноги и побежал к палатке.

– Это может быть очень опасно, – воспользовавшись рацией в ска-
фандре, заметил он по дороге. – А что, если мы найдем там живых
существ, существ, которые могут оказаться смертельно опасными?

– А нам есть что терять? – ответил доктор Родс.

Когда Брюс нашел веревку, замечание отца напомнило ему о безна-
дежности их положения. Но в этой дыре, под поверхностью спутника,
они, возможно, найдут то, что им поможет.

У ямы под сторожевой башней, они привязали один конец веревки к
булыжнику, торчащему из земли, а второй конец спустили в яму. Брюс
включил лампу, висящую на поясе скафандра, и соскользнул в дыру, в
неизвестность. Отец последовал за ним.

Яма оказалась не глубже, чем высота башни, поднявшейся из нее.
Добравшись до дна, они встали на шербающую металлическую плиту и
осмотрелись. С одной стороны в темноте просматривался проход фор-
мой и размерами с дверь.

Брюс направил туда фонарик. Его луч осветил длинный коридор, в
конце которого виднелось пространство, похожее на пещеру. Вспом-
нив, что терять нечего, он выгнал из головы холод, сковавший мысли,
и пошел по коридору. Доктор Родс не отставал от сына.

Стены пещеры, казалось, были вырезаны из камня, но не несли
на себе никаких отметин. Когда отец с сыном добрались до помеще-
ния в конце коридора, то остановились и начали крутить головами и
фонариками.

Помещение оказалось большим, очень большим, и уходило в тем-
ноту, за пределы радиуса действия фонариков.

Со всех сторон стояли каменные ящики странной формы. Когда
Брюс рассмотрел ближайший ящик, то понял, что он был того же раз-
мера и формы, что и таинственный гроб в склепе на том осколке, где
сломалась шляпка доктора Родса. В гробах находились тела послед-
них обитателей спутников Сатурна.

Отец с сыном шли бок о бок по залу мертвецов. В одном месте
часть стены отвалилась и рухнула на странные ящики, стоящие рядом.
Крышки некоторых из них проломило, и Брюс не смог не заглянуть
внутрь.

Там не было ничего, кроме мелкой серой пыли. От тел время оста-
вило лишь прах.

Они шли дальше. Ряды саркофагов постепенно закончились, их
заменили различные коробки, контейнеры и нагромождения других
предметов. Очевидно, это был склад, но что тут хранилось, земляне

не могли понять. Расплывчатые линии указывали на то, что это могло быть одеждой или чем-то иным, но все давным-давно превратилось в серую пыль. Когда они к чему-то прикасались, оно просто рассыпалось. Некоторые элементы, сделанные из пластика, остались нетронутыми или распадались на обломки и осколки. Повсюду встречались куски металла, которые так и не смогли превратиться в пыль.

— Я надеялся, мы найдем что-нибудь полезное, — вздохнул доктор Родс, — но боюсь, здесь только одна пыль.

— Надо продолжать искать, папа, — сказал Брюс. — Может быть, что-то дожило до... А вот и конец.

Они подошли к тому, что казалось дальней стеной пещеры. В темноте перед ними показалась ровная, полированная, черная поверхность.

— Выглядит искусственной, — заметил старый инженер. — А ведь все другие стены грубы и не обработаны.

Он протянул руку, дотронулся до стены и провел по ней пальцами, отмечая ее гладкость, отсутствие выбоин и шрамов, оставленных временем. Доктор Родс достал походную кирку и стукнул по стене. По ровной поверхности тут же пошли трещины.

— Ага! — воскликнул он и ударил сильнее.

Она разбилась, как тонкое стекло. Сын с отцом тут же ощутили резкий порыв ветра, когда запертый воздух вырвался из-за разбитой стены в безвоздушную пещеру. Когда ветер стих, они посветили в образовавшийся проем фонариками.

Там был второй подземный зал. Но совершенно иной. Яркий и блестящий, почти как новый. Пыль там тоже лежала, но она не скрывала хорошо сохранившиеся объекты в зале.

Это были механизмы, металлические устройства, стоящие на платформах или роликах, аппараты, которые древние существа, наверное, использовали для производства. Отец с сыном вошли во вторую пещеру и принялись с изумлением рассматривать все, что там находилось.

Одежды или еды там точно не хранилось, это, скорее, был склад научного оборудования. Некоторые устройства казались понятными. Несколько выглядели так, словно их использовали для земляных работ, другие, очевидно, для производства, поскольку были видны места, куда загружалось сырье, и желоба, по которым выходила готовая продукция. Часть устройств вроде бы служила в качестве тележек, потому что у них было несколько пар колес, вероятно, используемых, чтобы катать.

Земляне шли дальше, наблюдая, делая выводы. Доктор Родс остановился рядом с одним устройством, посмотрел на него минуту, затем протянул руку и дернул рычаг там, где было нечто, похожее на механизм запуска.

Секунду ничего не происходило. Затем раздался металлический скрежет, словно задвигались какие-то скрытые внутри механизма колеса. Рокот заставил пол завибрировать. Сверкнула электрическая вспышка, звук прекратился, и машина снова погрузилась в тишину.

— Гм-м... — хмыкнул доктор Родс. — Очень интересно. В этих устройствах еще осталась какая-то энергия — но, кажется, не много. Думаю, их питают какие-то атомные батареи, и даже спустя такой период, в них еще остался заряд.

— Как ты думаешь, для чего нужно это устройство? — спросил Брюс. Отец покачал головой.

— Бог его знает, — ответил он. — Боюсь, что у цивилизации существ, не похожих на людей, были потребности, которые мы даже представить себе не можем. Земным инженерам придется долго работать, чтобы понять, для чего нужно это устройство, потому что его нужно будет разобрать. Мы с тобой, вероятно, никогда этого не узнаем.

— Давай не будем так говорить, — резко сказал Брюс. — Возможно, тут есть что-то, что нам поможет. Например, атомное топливо или что-нибудь такое.

— Очень маловероятно, скорее всего, невозможно, — сказал его отец. — Видишь ли, даже самые мощные радиоактивные элементы имеют определенное время жизни... — Он резко замолчал, а потом испуганно спросил: — А это еще что?

Брюс тоже услышал это... или, скорее, почувствовал вибрацию, расходящуюся по полу, словно катилось что-то тяжелое, причем катилось прямо к ним!

Они повернулись к источнику звука, но громоздкие механизмы преградили путь лучу света. Они чувствовали, как звук приближается, отзываясь в каменном полу и подошвах металлических ботинок.

Затем, из-за угла, из темноты, сверкнул луч красноватого света, а за ним показалась передняя часть высокого металлического цилиндра. Когда он подкатил еще ближе, отец с сыном увидели, что цилиндр водружен на несколько плоских роликов. Свет шел откуда-то из центра цилиндра. Сверху и с боков торчали многочисленные змееподобные руки, тянущиеся к ним.

— Бежим! — завопил Брюс. — Это робот-сторож! Не дай ему себя схватить!

Он крепко стиснул руку отца, и они побежали в темноту зала, а позади них пыхтел и катился цилиндрический робот, быстро набирая скорость.

Двое бежали по темноте, мимо механизмов и нагромождений аппаратов, которые, казалось, увеличивались в размерах по мере того, как люди оказывались все дальше от входа в пещеру. Красный свет преследующего робота постепенно догонял их, его кровавое сияние бросало пугающие отблески на огромные машины, стоящие в многовековой тишине.

Отец с сыном пробежали, наверное, несколько сотен метров, а вокруг были только гигантские механизмы. Брюс увидел нечто похожее на огромную строительную машину. Возвышающееся устройство, которое он разглядел, пока пробегал мимо, казалось, соединяло в себе

черты парового экскаватора и бетономешалки. Он заметил какие-то трубы и большие щетки на других машинах, затем устройство, выглядявшее, как огромная сухопутная лодка, водруженная на десяток гигантских катков.

Робот уже был совсем близко, и Брюсу казалось, что он вот-вот ощутит прикосновение щупалец. В конце концов, они добежали до колоссальной структуры, протянувшейся через всю пещеру и перегородаживающую ее. Задыхаясь, они добежали до нее и развернулись, твердо решившись на отчаянную попытку отбиться от робота ломиком и киркой.

Но Брюс с удивлением увидел, что робот был дальше, чем ему казалось. На самом деле, цилиндр с щупальцами катился в нескольких метрах позади и гораздо медленнее, чем тогда, когда они только наткнулись на него.

Пока Брюс смотрел, робот катился к ним так, словно чего-то боялся. Он перестал размахивать щупальцами и опустил их, а красный свет потускнел.

Еще через метр робот полностью остановился. Одно щупальце неуверенно взмахнуло в их направлении, красный луч вдруг стал ярче, а затем резко погас.

На секунду все погрузилось в темноту и тишину. Во всей загадочной пещере ничего не шевелилось.

ГЛАВА 18. Золотой корабль

БРЮС СТОЯЛ и ждал. В наушниках слышалось только дыхание отца. В пещере перед ними была крошечная темнота. Брюс протянул руку и включил фонарик на поясе.

Луч света разрезал темноту. Они тут же увидели робота. Он стоял всего в паре метров от них, по-видимому, неподвижно разглядывая незваных гостей.

Пару секунд они молча смотрели в ответ.

— Он выключил свет, — прошептал Брюс. — И не двигается. Мне кажется, он умер.

— Возможно, это уловка, — донесся шепот отца.

Брюс медленно поднял руку. Робот никак не отреагировал. Затем Брюс поднял ломик, медленно вытянул его и, наконец, дотронулся инструментом до металлической поверхности цилиндрического корпуса. По-прежнему никаких действий со стороны робота.

Расхрабрившись, Брюс протянул руку еще дальше, ткнул создание посильнее и постучал по безжизненно висящим щупальцам. Никакой ответной реакции.

— Наверное, у него кончился завод, — сказал Брюс. — Как у заводной игрушки.

Отец шевельнулся, медленно подошел к роботу и взялся за шупальце. Безвольно висящая, как шланг, металлическая конечность была безжизненной. Брюс осторожно тронул лампу на «голове» создания. По-прежнему ничего.

– Ты прав, – наконец, объявил доктор Родс. – Оно действительно вырубилось! Никогда не думал, что увижу нечто подобное. Ты знаешь, что это значит?

– Нет, а что тут такого? Почему это так важно? – обойдя создание со всех сторон, спросил Брюс.

– Мы только что увидели, как разрядилась атомная батарея, Брюс! Разве ты уже забыл уроки физики, где тебе рассказывали про радиоактивность и показывали таблицы с периодом полураспада различных веществ?

– Нет, а что? – все еще не понимая, о чем речь, спросил Брюс.

– Радиоактивные материалы сохраняют заряд и остаются активными в течение разного времени. Период полураспада некоторых веществ составляет несколько часов или даже дней, но все тяжелые элементы, используемые в атомных батареях, теряют половину заряда за тысячи и миллионы лет! Ты видел в продаже так называемые вечные лампы и часы, про которые говорят, что они будут служить вечно. Ну, разумеется, ничто не длится вечно, но эти лампы и часы – как батарея в твоём скафандре – действительно, разрядятся через несколько миллионов лет. Это одно из настоящих чудес двадцать первого века Атомной Эры. Ну, этот робот, наверное, работал на одной из таких батарей... и она, наконец-то, потеряла заряд! Ты понимаешь, что все эти миллионы лет машина-сторож неподвижно охраняла подземный музей, ожидая незваных гостей? А когда они, наконец, объявились, – мы двое, – у нее еще хватило мощности завестись, немного нас погонять, затем она, в конце концов, окончательно разрядилась и сдохла!

Брюс кивнул в ответ. Если так подумать, это было просто невероятно.

– Почему в этой части пещеры все так хорошо сохранилось, в отличие от той, куда мы попали вначале? – спросил он.

– Я тоже хотел бы знать, – медленно ответил отец. – Когда мы сломали стену, из этой секции вырвался какой-то газ. Наверное, он каким-то образом замедлял старение металла. Жаль, что мы не смогли взять образец этого газа – это само по себе стало бы крупным открытием.

– Да, с учетом того, что мы вообще сумеем вернуться домой, папа, – ответил Брюс. – Давай осмотрим остальное, чтобы записать все, что увидим, для тех, кто найдет нас... или наши тела.

Он содрогнулся, сказав последнюю фразу, но, тем не менее, не собиравшись падать духом.

– Давай, – согласился его отец. – Например, что там такое, в конце пещеры? Думаю, мы пробежали мимо каких-то здоровых строительных машин, больших автобусов и всего такого, но не могу понять, что это за громадина у нас за спиной.

Они развернулись и увидели гигантский каркас из пластика и металла, протягивающийся от одной стены до другой. На высоте нескольких метров каркас поддерживал нечто блестящее и золотистое. Брюс поднял голову и увидел там небольшую платформу. Его вес на Мимасе был такой маленький, что он легко мог допрыгнуть до нее. Получив согласие отца, Брюс согнул колени и прыгнул.

Он легко ухватился за край платформы и вскоре уже стоял рядом с круглым люком, вделанным в огромный металлический цилиндр, возвышающийся до самого верха пещеры, чье основание уходило глубоко в поддерживающий его каркас. Дикое предчувствие охватило Брюса, когда он взглянул в очертания объекта. Потом он протянул руку и толкнул диск, похожий на люк. После нескольких попыток, люк распахнулся. Внутри цилиндра Брюс увидел паутину дорожек, балок и труб.

– Похоже, это космический корабль! – возбужденно крикнул он отцу.

– Что?!

В следующее мгновение доктор Родс прыгнул к нему, и вот они уже вдвоем оказались внутри странной конструкции.

Сомнений не было. Они обнаружили космический корабль древней расы, обитавшей на исчезнувшем спутнике Сатурна, гордо возвышающийся, как величественное надгробие на могиле их цивилизации. С восторгом забираясь все глубже и глубже в недра громадного корабля, они отмечали его сходства и различия с космическими кораблями землян.

Во-первых, в этом корабле, казалось, не было деления на каюты и отсеки. Экипаж, очевидно, передвигался по странным балкам и трапециям, заполнявшим просторное внутреннее пространство. Ракетные двигатели торчали наружу, топливные баки крепились к корпусу и камерам сгорания. В носу корабля виднелась группа трапещей, подвешенных перед кучей рычагов и рукояток, что, видимо, являлось пультом управления. Со всех сторон были и другие странные места и стойки, предназначение которых оставалось загадкой.

– Что это были за существа? – спросил Брюс, легко спрыгнув с узкого мостика на балку, чтобы выглянуть в то, что когда-то было иллюминатором, но сейчас являлось просто дырой в корпусе, прозрачное вещество же, заполнявшее ее, вероятно, превратилось в пыль и газ еще вечность тому назад.

– Мне ужасно не хочется гадать, – рассматривая хвостовые двигатели, сказал доктор Родс, – но у меня странное чувство, что они сочетали в себе качества обезьян и пауков... и, возможно, обладали чем-то, похожим на панцирь. Они создали робота со щупальцами, а не с руками, и он перемещался не на ногах или колесах, а на каких-то роликах. Ни одна человеческая культура не построит такое. Но, Брюс, взгляни-ка на эти двигатели. Это же просто чудо!

– Что в них такого? – пробираясь к корме, спросил Брюс.

— Они все еще в идеальном состоянии... потому что алмазные! Смотри, — отец указал на очертания огромных ракетных двигателей, — они отлиты из цельного куска алмаза — лучшего вещества для их создания!

— Где они достали такие большие алмазы? — проведя рукой по идеально гладкой поверхности алмазного сопла, поблескивающего белым отливом, спросил Брюс.

— Все просто, — ответил отец. — В атомных печах они могли создать невероятно высокую температуру и огромное давление. Все, что им было нужно, — сделать заготовки из мягкого углерода и превратить их в алмаз в этих супер-печах. Вообще, могу поспорить, что такой трюк можно провернуть и на Земле, если развести подходящий атомный костер!

Брюс задумался о том, как воспользоваться этим кораблем.

— Как думаешь, мы сможем заставить его взлететь? И отправиться на нем домой? Ты сказал, что двигатели в полном порядке.

Доктор Родс замешкался.

— Боюсь, что нет, — ответил он. — Да, корабль, действительно, выглядит так, словно его только что построили, алмазные двигатели в прекрасном состоянии и все остальное, насколько я понял, — тоже... но он больше не герметичный. И чем мы его заправим? У нас не осталось топлива, в корабле его тоже нет, а все горючее, которое хранили тут древние обитатели Мимаса, давным-давно растеряло свою энергию. Если мы достанем топливо, то, думаю, сможем взлететь... но...

Брюс пошел за отцом к входному люку. Покинув корабль, Брюс попытался закрыть диск. Он сильно толкнул его, и вдруг петли рассыпались, диск соскользнул и упал.

— Вот и еще кое-что, — сказал доктор Родс. — Металлические детали корабля старые и ослабшие. Не знаю, сколько они продержатся под нагрузкой.

Пока Брюс спускался вслед за отцом, его осенила еще одна мысль.

— Знаешь, папа, — сказал он, — корабль будто золотой. Он сверкает золотым отливом.

Они начали исследовать другие устройства в огромной пещере.

— Я тоже так подумал, — ответил его отец. — Но скорее всего, золото содержится в сплаве, из которого сделан корабль. Золото — мягкий и довольно тяжелый металл для того, чтобы строить из него корабли, но на маленьком спутнике и, если золото не имело тут особенной ценности, его могли добавить в сплав, чтобы предотвратить появление ржавчины. Вполне вероятно.

Они устали на нечто, напоминающее гусеничный трактор.

— Боже, папа, представь, как на нас будут смотреть, если мы вернемся домой на золотом корабле с алмазными двигателями!

— Пока мы еще можем смеяться, надежда остается, — ответил отец.

Они начали рассматривать внутренности большого аппарата на катках и снова заметили отсутствие сидений и пола, там была только паутина балок и проводов.

Внезапно пещера задрожала. Все вокруг затряслось и загремело. Раздалась серия стуков и ударов, которая дошла до них через скафандры, пол и стены.

– Землетрясение! – вылезая из трактора, закричал Брюс.

– Надо убираться отсюда и вылезать на поверхность, – рванувшись к выходу, сказал отец.

Они быстро бежали по темноте подземного склада, пересекая пол длинными, низкими прыжками, а фонарики на поясах скафандров отбрасывали пугающие отблески на странные очертания вокруг.

Отец с сыном пронеслись через пролом в стене первой пещеры, мимо бесформенных гробов и непонятных нагромождений предметов. Они нашли выход во внешний коридор и пробежали по нему, добравшись до места, где было видно желтоватый блеск Сатурна, освещающего яму, где находилась сторожевая башня.

Веревка все еще была внизу. Они полезли по ней, – Брюс первым.

Когда он добрался до верха, то высунул голову из ямы и уже собрался закинуть ногу и выбраться на поверхность. Но, когда его голова оказалась снаружи, он поднял глаза и уставился... прямо в дуло пистолета, находящегося в руке согнувшейся фигуры в скафандре.

Секунду Брюс просто в изумлении глазел, не веря тому, что видит.

Отец подтолкнул его.

– Давай, – нетерпеливо сказал он. – Чего застрял?

– Полегче, доктор Родс, – раздалось из динамиков шлема. – Вам совершенно некуда торопиться. Вы все равно останетесь тут!

Брюс одновременно узнал голос и лицо в шлеме. Это был Курт Дженнингс.

ГЛАВА 19. В хватке «Терралуны»

ДЖЕННИНГС ПРОТЯНУЛ РУКУ, схватил Брюса и вытащил его из ямы. Затем потянулся за доктором Родсом.

– Давайте, док. Вам, может, и некуда торопиться, как я уже сказал, но у меня времени мало, так что вылезайте.

Еще один рывок, и инженер присоединился к сыну. Невдалеке стоял еще один человек в скафандре, направивший оружие в их сторону. Брюс пристально посмотрел на него, но так и не узнал, пока тот не заговорил.

– Быстрее, Курт, кончай тратить время на этих болванов, – резко сказал человек. – Выясни, что нам приказано, и полетели отсюда!

Брюс узнал голос Уолдрона, космонавта, пытавшегося сорвать экспедицию еще до старта. Доктор Родс, очевидно, тоже его узнал.

– Из вас вышли первоклассные предатели. Притворились, что не верите в возможность путешествия на Сатурн, попытались не дать нам это сделать, и вот посмотрите на них. Парочка лжецов, подлецов и предателей человеческой расы! – яростно выкрикнул доктор Родс.

– А, заткнитесь! – прорычал Уолдрон. – А не то я заткну вас пистолетом!

Дженнингс повернулся к своему спутнику.

– Полегче, Джек. Пусть старичок побуянит. У него осталось не так уж много времени для этого! – Пилот-предатель повернулся к отцу с сыном. – Всем нам лучше подняться на борт нашего корабля, я хочу задать вам пару вопросов.

Он властно ткнул рукой вперед. Посмотрев в ту сторону, Брюс увидел длинный блестящий корабль, такой же большой и даже более красивый, чем тот, что ООН одолжила его отцу. Корабль предателей стоял на полозьях в сотне метров от сторожевой башни. Они пошли к нему, Курт шел вперед, а Уолдрон замыкал цепь, держа пистолет наготове.

– Где ты достал корабль, Дженнингс? – тихо и напряженно спросил доктор Родс.

– Последняя разработка «Терралуны», – ответил Дженнингс. – Они послали его почти сразу после того, как вы покинули лунную базу. Собирались подобрать то, что останется от вас на Идальго, но прибыли как раз вовремя, чтобы забрать меня из вонючей палатки, где вы меня бросили.

– Ты быстро сюда добрался, – раздумывая об осенившей его идее, заметил Родс.

– А то! У нас всего два члена экипажа вместо четырех, больше топлива на борту и меньше пустого места. Кроме того, мы полностью заправились на Ахиллесе.

К этому времени пленники дошли до входного люка корабля «Терралуны» и молча забрались в шлюз.

Пока там создавалось привычное давление, никто ничего не говорил, затем они все вошли в тесный отсек в носу корабля. В первый раз за несколько дней, Брюс и его отец смогли снять скафандры и сделать вдох настоящего воздуха при земном давлении.

Корабль корпорации был, очевидно, построен специально для путешествий на далекие расстояния. В нем стало тесно, когда носовой отсек пришлось занять четверым. Особенно, с учетом того, что двоим пришлось сидеть бок о бок на узкой лавке под дулами пистолетов в руках двух других.

Уолдрон глумливо посмотрел на отца с сыном.

– Что мы будем с ними делать, Курт? – спросил он. – Мы не можем взять их с собой.

Дженнингс посмотрел на сообщника.

– Нет, но если они ответят на пару вопросов, мы, вероятно, сможем оставить им столько припасов и воздуха, чтобы они сумели продержаться, пока мы не вернемся или пришлем подмогу.

Брюс заметил, как двое предателей переглянулись, и понял, что все это ложь.

– Где ваш корабль? – повернулся Дженнингс. – Куда делись Гарсия и Бенц?

Доктор посмотрел на пилота.

– Разве вас не интересует, что мы нашли в кольцах Сатурна? – не обращая внимания на заданный вопрос, спросил он. – Это гораздо более важно для всех нас, а не только для вас двоих.

– Откровенно говоря, меня мало волнует, что вы там, якобы, нашли, – пожал плечами Курт. – Начальство лишь хочет, чтобы вы не совали нос в их дела, пока они не запустят новый проект. Нам с Джеком хватит того, что кольца Сатурна не имеют к этому никакого отношения.

– Да, – вклинился Уолдрон, – все это просто чушь. Где прячутся ваши дружки? Они вернутся, чтобы забрать вас?

Брюс задумался над тем, как лучше ответить. Его отец продолжал молчать.

Уолдрон вскочил на ноги, а его лицо покраснело.

– Отвечайте! Если хотите жить, открывайте рты и говорите!

Дженнингс немного поморщился, глядя на поведение Уолдрона, но Брюс заметил, что он не сделал тому выговор.

– Вы ничего не добьетесь, допрашивая нас, – медленно проговорил доктор Родс. – Мы с сыном не станем отвечать на ваши вопросы. Но мы оба хотим сказать, что наши открытия в кольцах подтвердили мою теорию. Возвращайтесь и передайте это своим боссам. Скажите им...

– Заткнись! – грубо прервал Уолдрон. – Мы не будем им ничего передавать! Просто скажем, что вы мертвы, получим то, что нам причитается, вот и все!

– Тише, Джек.

Дженнингс покачал головой и попытался улыбнуться Родсам, будто разделяя их чувства по поводу грубых методов своего компаньона. Затем обратился к Брюсу.

– Знаешь, ты нравишься мне, Брюс, и я очень уважаю твоего отца, – сказал пилот. – Мне очень интересно, что вы там обнаружили, и я уверен, что ваша история будет крайне увлекательной, но сейчас, если вы просто скажете нам, где искать ваш корабль, мы с радостью передадим «Терралуне» все, что вы хотите.

– Нет, – холодно посмотрев на Дженнингса, покачал головой Брюс. – Вам наплевать на то, что мы обнаружили, и вы ничего не скажете «Терралуне», кроме того, что они хотят услышать. Уолдрон более честен, чем вы. Все, что он хочет, – и что на самом деле нужно вам, – это деньги!

– Брюс прав, – согласился доктор Родс. – Если вы найдете наш корабль, то попытаетесь уничтожить его. Но будьте уверены, Гарсия доложит ООН о ваших действиях. Вот почему вы хотите знать, где они, но мы никогда вам этого не расскажем! Никогда!

Дженнингс выпрямился и нахмурился.

– Ладно, пусть будет по-вашему. Я думаю, что они бросили вас и полетели на Землю. Могу поспорить, они направляются к Идальго, или, может быть, уже там. Так что мы просто последуем за ними и схватим их на Идальго. – Он повернулся к Уолдрону. – Давай бросим их тут, Джек, как они бросили меня?

– Ну, мне кажется, лучше бы их пристрелить, – ответил тот.

Но Дженнингс покачал головой.

Все это время Брюс продолжал размышлять о том, как бы одолеть двоих предателей и захватить корабль. Но те ни на секунду не отводили пистолеты от пленников. Дженнингс жестом приказал отцу с сыном снова надеть скафандры.

– Чтобы показать, что мы не звери, мы оставим вам еды на пару дней и небольшой однонаправленный передатчик, – сказал Дженнингс, когда они облачились в герметичные костюмы. – Если передумаете и все-таки решите сказать нам, где корабль, то сможете связаться с нами в течение следующего дня, пока мы будем еще в радиусе действия рации. И мы вернемся за вами.

Брюс сразу понял, что это ложь, но не стал ничего говорить. Еда даст им еще несколько дней на решение чрезвычайно трудной проблемы.

– А что вы делали в той яме, когда мы нашли вас? – внезапно спросил Уолдрон, когда они уже входили в шлюз. – Там есть что-то ценное?

– Возможно, – повернулся доктор Родс. – Пойдемте, спустимся все вместе?

Уолдрон пристально посмотрел на него.

– Ну, уж нет, нам некогда тут торчать. Не хотите говорить, ну и не надо. Нам с Куртом предстоит еще догнать ваш корабль и разнести его на мелкие кусочки. – Он махнул рукой. – Ладно, идите в шлюз.

Двое Родсов послушно вошли, и Уолдрон хлопнул за ними люк. Они услышали шипение откачиваемого воздуха.

– Припасы вы найдете в ящиках рядом с кораблем, – раздался голос Дженнингса, когда открылся внешний люк. – Мы дадим вам десять минут, чтобы оттащить их подальше. Потом мы отправимся на Идальго.

Брюс с доктором Родсом прыгнули вниз, нашли ящики, без промедления сложили их друг на друга и вдвоем понесли припасы к маленькой палатке и одинокой космической шлюпке, стоявшей на другом конце равнины. Благодаря очень низкой гравитации Мимаса, несколько больших ящиков, которые на Земле были бы, наверное, неподъемными, здесь казались набитыми ватой.

Отойдя на безопасное расстояние, они поставили груз на песок и стали наблюдать.

На другом конце равнины, блестящий корпус корабля «Терралуны» медленно развернулся на полозьях так, что его нос отвернулся от Сатурна и стал смотреть в направлении, куда улетели Гарсия и Бенц. Блеск огромной планеты купал корабль в золотистом свете и подсвечивал нарисованную на боку корабля эмблему корпорации, занимающейся добычей полезных ископаемых на Луне.

Из огромных сопел сзади вылетели тонкие струйки пара. Ракета двинулась вперед и заскользила по равнине. Брюс почувствовал вибрацию грунта. До него дошло, что «землетрясение», которое они с отцом ощутили, пока находились в подземном музее-складе, было звуками посадки корабля.

Блестящий корабль уже мчался по плоской каменистой равнине, направляясь к цепи низких гор у самого горизонта.

Из его задней части вырвался мощный поток огня, и через секунду корабль стал подниматься в черное, усыпанное звездами небо. Затем произошло нечто крайне неожиданное.

Сверкнула ужасная вспышка ослепительного света, в безжизненной пустоте возникло облако белого дыма, которое почти тут же исчезло, и раздался оглушающий грохот. Вся передняя часть «Терралуны», казалось, испарилась, а задняя шмякнулась на равнину, отскочила от грунта, как огромный мусорный бак и катилась еще какое-то время.

– Он... взорвался! – медленно проговорил доктор Родс. – Просто взорвался.

Инженер разинул рот от удивления.

Брюса охватило подозрение. Он повернул голову и посмотрел на древнюю сторожевую башню рядом с ними.

– Нет, папа, – быстро сказал. – Он не взорвался, – его взорвали!

Брюс успел заметить ствол атомной пушки, прячущейся в металлической сфере на верху башни... и тонкую струйку дыма, выходящего в пустоту из дульного среза пушки-робота.

ГЛАВА 20. Новое вино в старых бутылках

ОНИ ОБА повернулись и уставились на древнюю орудийную башню.

– Так, значит, в пушке все же остались заряды! – воскликнул доктор Родс. – Просто поразительно!

Брюс засмеялся, глядя на башню.

– Народ, который построил ее, не любил незваных гостей. Очевидно, она стреляет во все крупное, что пролетает мимо. Но почему она не выстрелила, пока Дженнингс садился?

– Башня ржавая и старая, – объяснил отец. – Не так-то просто заставить работать этот древний механизм. Я не понимаю, за счет чего она вообще работает, учитывая, как хрупки другие машины этого возраста – по крайней мере, те, что не хранились в дальнем помещении.

Словно в качестве подтверждения слов доктора Родса, башня странным образом зашевелилась. Одна из шести поддерживающих ее ног, медленно согнулась и подломилась. Шар с пушкой и системой управления внутри стал клониться, когда опоры начали ломаться под его весом, а часть шара открылась и выгнулась. Затем вся конструкция, казалось, изогнулась и медленно, поскольку гравитация Мимаса была очень слабая, упала на грунт, чуть отскочила и, наконец, улеглась навечно, превратившись в кучу гнutoго металла, кристаллических элементов, старого пластика и пыли.

Отец с сыном подошли к куче. Брюс потыкал в нее ломиком, затем немного поворошил груды. Показался ствол атомной пушки – все еще целый и невредимый.

– Его сделали из алмаза, – заметил Брюс, – как и двигатели золотого космического корабля. Он не плавится и не трескается.

Короткий и толстый ствол пушки, казалось, был сделан из хрусталя, не потрескавшегося, но тусклого и непрозрачного, совсем не как яркие блестящие полированные камни в земных ювелирных изделиях. Но, тем не менее, это был алмаз, как объяснил инженер сыну. От жары и напряжения, алмазы становятся мутными, но сохраняют свою твердость и прочность.

– Нам стоит пойти взглянуть на обломки корабля, – удовлетворив любопытство по поводу оружейной башни, сказал Брюс. – Может быть, найдем что-нибудь полезное.

Они пошли к месту на равнине, где лежала смятая половина корабля Дженнингса.

– Возможно, нам повезло, что атомный снаряд, попавший в корабль, был старым и ослабевшим от времени, – пока они шли, заметил доктор Родс. – Новый атомный снаряд разнес бы половину этой равнины. Но у снаряда, что убил Дженнингса с Уолдроном, хватило мощности только на то, чтобы уничтожить половину их корабля.

Равнина была усыпана почерневшими обломками, кусками проводки, обгоревшей изоляцией, фрагментами ткани, обрывками бумаги и так далее. Но задняя часть корабля была повреждена гораздо меньше, чем казалось. Она сильно помялась, вдоль швов тянулись трещины, дюзы были согнуты, а проводка – перекручена и порвана.

Равнину рассекал пылающий шрам, там, где одна дюза продолжала работать, пока грунт под ней не стал вулканической лавой.

Брюс с отцом посмотрели на остов задней части. Брюс вытянул палец.

– Вон там есть целые баки, – объявил он.

– Гм-с... – промычал отец. – Подсади меня, я хочу добраться до них.

Брюс помог отцу залезть в машинный отсек. Он тревожно смотрел, как доктор Родс ощупывает агрегаты.

– Нашел что-нибудь, папа? – наконец, спросил он.

— Гм-м... думаю, да, Брюс, — ответил отец. — По крайней мере, три топливных бака еще полные и не имеют протечек. Запасное горючее, как мне кажется. Н-да, еще есть баллон со сжатым газом.

— А мы можем как-нибудь использовать эти баки? — осенила Брюса мысль. — Например, заправить космическую шлюпку, чтобы отправиться на какой-нибудь другой спутник и найти способ выжить. Или полететь на Титан?

Седовласый инженер остановился и на мгновение задумался.

— Сейчас мы можем это сделать. Такого количества топлива нам хватит, чтобы добраться до любого спутника. Но я пытаюсь найти способ, как нам с помощью этого горючего долететь до Идальго и Гарсии.

— На крошечной шлюпке? — спросил Брюс. — Я думал, на ней нельзя вырваться из притяжения Сатурна.

— Нельзя, — показывая на болты, держащие один из баков, заметил его отец. — Я собирался воспользоваться большим кораблем в подземном складе. Кораблем сатурниан. Интересно, заработает ли он после стольких лет простоя.

Брюс залез в остов и присоединился к отцу.

— Помоги открутить, — сказал тот. — Затем скатим бак на землю.

В конце концов, они сумели сбить оставшиеся защелки, крепившие его к погнутому корпусу задней части корабля. Затем подкатали бак с топливом к краю и позволили ему упасть. Он подскочил, но не треснул.

— Эти пластиковые баки могут выдержать и не такое, — заметил отец.

Они оба прыгнули вниз. Доктор Родс походил вокруг бочки с задумчивым видом, затем поднял глаза.

— Думаю, нужно рискнуть, Брюс. Судя по виду золотого корабля, я уверен, что его двигатели в отличном состоянии. Если сторожевая пушка смогла сделать два выстрела, а она была относительно незащищена все эти миллионы лет, значит, двигатели корабля все еще должны быть способны извергать огонь. Сами двигатели точно выдержат, будучи алмазными. Думаю, основные распорки тоже... по крайней мере, столько, сколько нам надо.

— А у нас достаточно топлива для корабля такого размера? — спросил Брюс. — И не забывай, что корабль больше не герметичный. Стекла иллюминаторов превратились в пыль.

— Это не так уж и важно — я имею ввиду его негерметичность, — ответил отец. — Мы просто не будем снимать скафандры. Что касается топлива, я уверен, что нам его хватит, чтобы долететь до Идальго, тут сомнений нет.

— Так чего мы ждем, папа? — нетерпеливо спросил Брюс. — Давай вытаскиваем остальные баки и заправим корабль. У нас вряд ли есть много времени.

Отец согласился с ним. Снова забравшись в остов, они открутили и выкатили на равнину два оставшихся бака и баллон с газом. Затем

добавили к этому кое-какие запчасти, провода, катушки и другие предметы, оставшиеся нетронутыми при крушении.

Затем Брюс быстрым шагом добрался до шлюпки, стоящей на другой стороне равнины. Забравшись внутрь, он завел ее и подкатил на колесах к задней части рухнувшего корабля.

Вместе с отцом они затащили большие баки с топливом на крышу космической шлюпки и привязали их веревкой. Когда шаттл был полностью загружен, он стал почти не видим под громоздкими контейнерами, но, точно и аккуратно управляя его двигателями, Брюсу удавалось сохранять равновесие, и он довел шлюпку до спуска в подземный склад. Там они столкнулись с проблемой, как доставить топливо и запчасти в дальний конец пещеры, где стоял древний корабль.

Они решили сначала вернуться в палатку, освежиться, упаковать необходимые вещи и пополнить силы.

Потом отец с сыном покинули палатку, оставив записи об их открытиях лежать на видном месте – на низком столике посреди палатки. Если им не удастся вернуться на Землю, следующие, кто попадут на Мимас, точно найдут эти записи. Брюс с тревогой подумал о том, что этого может не произойти и за миллион лет – если «Терралуна» взорвет спутник Земли еще до того, как появится шанс остановить их.

Снова оказавшись у ямы, они с помощью веревок осторожно спустили бочки и оборудование в пещеру. Что на Земле потребовало бы целой бригады рабочих и подъемный кран, здесь могли сделать два человека без всяких механизмов, такая слабая была гравитация на этом маленьком спутнике.

Брюс нехотя осознал, что им придется бросить космическую шлюпку. Он взял оттуда, что мог, и добавил это к куче в яме – где также была еда и рация, оставленные Дженнингсом.

Отец с сыном спустились вниз и, обойдя эту кучу, подошли к короткому коридору, ведущему в пещеру. Они вкатили баки во внешнюю пещеру. Затем, затратив много сил и времени, перенесли остальное оборудование. Хотя оно почти не имело веса, таскать его было не так-то просто, и они сильно устали.

Но Брюс был полон энтузиазма. Пройдя мимо гробов, он вошел во второе помещение. Там он расхаживал среди загадочных механизмов, выставленных на всеобщее обозрение, пока не нашел тот, что стоял на ровной платформе с роликами. Брюс дотолкал его до пещеры, где ждала груда вещей. Все это время Брюс сильно боялся, что какой-нибудь другой робот-сторож оживет и найдет их, но, судя по всему, в недрах спутника оставался только один такой.

Машина, найденная Брюсом, являлась каким-то сложным сортирующим устройством, установленным на широкой, ровной платформе. Брюс с отцом сняли с палатки крепежное оборудование и сделали тележку на колесиках, на которую погрузили баки и все остальное.

Теперь, чтобы добраться до золотого корабля, им нужно было лишь толкать тележку, с чем они справились без особого труда.

Наконец, добравшись до основания стартовой площадки, где стоял золотой корабль, они столкнулись с проблемой, как заставить корабль работать. Доктор Родс вошел в корабль и осмотрел двигатели.

– Думаю, я кое-что понял, – в конце концов, сказал он. – В целом, он работает так же, как и земные ракетные двигатели. Часть соединений сделана по-другому, но я не собираюсь ничего менять. Можем приступить к заправке. Сумеешь затащить сюда один из баков?

Сделать оказалось труднее, чем сказать, но, посредством быстро собранной лебедки, они доставили первый бак на корабль. Доктор Родс подкатил бак к нужному месту, открыл вентили и прикрепил к ней шланги заправочных насосов золотого корабля. Брюс осматривал корабль и отмечал, в чем он похож на земные корабли. Несмотря на то, что золотой корабль был создан существами, разительно отличающимися от людей, в мире, чья культура не имела ничего общего с человеческой, законы науки и механики таковы, что одно и то же должно быть сделано схожим образом.

Как только отец с сыном добились первого соединения, дальше все пошло, как по маслу. Брюс и доктор Родс вместе завершили погрузку корабля возрастом несколько миллионов лет, но основную часть тяжелой работы пришлось делать Брюсу, потому что он был молод и обладал большей физической силой.

Топливные баки были на месте. Доктор Родс подправил и залатал древнюю систему питания корабля, определил предназначение всех странно выглядящих элементов и приспособил их под свои нужды. С помощью мотков проводов и батарей из скафандров он подключил запасной набор приборов так, чтобы кораблем можно было управлять прямо из носовой части.

В корабле не было отдельных отсеков. Все покрывала одна оболочка, и Брюс с отцом лазили вниз и вверх по различным распоркам и дорожкам, как пара обезьян. Нос корабля был твердым и толстым. Там, где сейчас зияли дыры, раньше, очевидно, были иллюминаторы. Родсы приделали маленькую платформу к носовой части так, чтобы можно было видеть, куда направляется корабль, и управлять незакрытыми щитами двигателями в задней части.

Старого инженера беспокоил недостаток щитов, пока он не понял, что древние строители расположили баки и органы управления так, что потоки атомной энергии физически не могли задеть внутренности корабля. Как объяснил доктор Родс, это было определенным улучшением конструкции земных кораблей, что можно будет использовать в будущем.

– Ничего не забыли? – в последний раз формально спросил доктор Родс.

Брюс приготовился, перекинув ногу через балку и прижавшись спиной к металлической колонне. Он глянул вниз в недра корабля. И увидел несколько узлов с припасами, которые привязал к подходящим дорожкам и загадочным шкафам старого корабля. Далеко внизу он разглядел баки, блестящую поверхность больших алмазных ракетных двигателей и паутину новой проводки.

Брюс посмотрел на отца, сидящего скрестив ноги на полу за гигантской золотой полусферой носа в форме пули, положив на колени набор выключателей и тумблеров, прикрепленных к пульту управления, с нарисованными на них карандашом отметками, показывающими, что к чему подсоединено.

Брюс ощупал шлем и скафандр, убедившись, что все в полном порядке.

— Готов? — еще раз спросил его отец.

— Готов! — отозвался Брюс.

Доктор Родс кивнул, помешкал секунду, затем щелкнул тумблером на импровизированном пульте управления.

ГЛАВА 21. Побег

КОРАБЛЬ задрожал, когда гироскопическое колесо в центре корабля начало вращаться, набирая скорость. Этот механизм стабилизировал корабль, делал его управляемым. В этом древнем корабле гироскопическое колесо крепилось к центральной балке, идущей от носа до кормы. Что приводило его в действие в изначальной конструкции, доктор Родс установить не смог. Вместо этого, теперь гироскоп работал на энергии одной из батарей.

До Брюса дошло то, о чем не подумал в спешке и суматохе погрузки.

— А как насчет потолка пещеры? — крикнул он отцу. — Мы сумеем пробиться через него?

— Мы все равно ничего не сможем поделать с этим, — ответил отец через нарастающий гул гироскопа. — Будем надеяться, что древние жители спутника тоже понимали это и потолок в этом месте очень тонкий, его легко пробить. Двигатели включатся через восемь секунд. Держись!

Брюс вцепился в балку и сосчитал про себя до восьми. Отец щелкнул вторым тумблером. Раздался грохот, корабль затрясся. Снизу повалили клубы дыма. Корабль закачался из стороны в сторону, борясь с инерцией центрального гироскопа.

На секунду Брюсу подумал, что взлет закончится катастрофой. Корабль, казалось, не мог сдвинуться с места. Затем доктор Родс быстро, но последовательно щелкнул еще тремя переключателями. Что-то страшно зашумело, и все резко дернулось. Корабль рванулся вверх, и Брюс ощутил себя зажатым меж голых металлических балок.

Раздался жуткий скрежет, корабль задребезжал, когда его нос пробил потолок пещеры. Затем он вырвался наружу, в черную пустоту, начинающуюся у самой поверхности безвоздушного Мимаса.

Пока они все быстрее и быстрее отдалялись от Сатурна, исчезая в черноте межпланетного пространства, через дыру в корпусе Брюс видел, как внизу уменьшается каменистая равнина, заметил на ней одинокое пятно палатки и похожую на кратер дыру, откуда вырвался золотой корабль. Затем эти детали пейзажа стали очень маленькими и вскоре совсем потерялись на полусфере спутника.

Отец Брюса согнулся над пультом управления, глядя на мерцающие приборы, показывающие состояние корабля. Наконец, он поднял голову и вытянул шею, чтобы посмотреть в дыру в борту корабля.

— Мы движемся на полной тяге, Брюс, — в конце концов, сказал он. — Ты в порядке?

— Конечно, папа, — отозвался Брюс.

Он глянул внутрь корабля, увидел болезненно яркое пламя ракетных струй, отражающееся от голого металла корпуса корабля. Какое-то золотистое свечение, казалось, проникало через отверстия в бортах корабля. Брюс выглянул наружу и увидел, что это огромный шар Сатурна освещает внутренности полого и лишённого воздуха корабля.

Они продолжали набирать скорость, но Брюсу казалось, что огромная сфера планеты с кольцами практически не уменьшается. Не спросив разрешения, он поднялся со своего места и начал продвигаться к задней части корабля. Он осторожно переступал с одной балки на другую, держась за странные тонкие стержни и трапеции, по которым перемещались древние сатурниане. На ходу он проверял все соединения.

Гироскоп держался крепко. Различные провода тоже. Брюс заметил, что одна из трапеций болталась на одном винте, угрожающе раскачиваясь. Он добрался до нее, взял с пояса скафандра гаечный ключ и открутил трапецию полностью. Затем вытащил стержень через ближайшее отверстие в корпусе так, чтобы тот навсегда остался в открытом космосе.

Затем Брюс с тревогой понял, что другие элементы корабля тоже расшатываются. Он доложил об этом отцу.

— Я боялся этого, — ответил доктор Родс по рации шлема. — Весь корабль из старого металла. Он может развалиться еще до того, как мы доберемся до Идальго. Надеюсь, что этого не случится. Если увидишь, что что-то плохо держится, попытайся прикрепить или закрепить разболтавшийся элемент, а если не получится, то совсем избавься от него. Все, что не жизненно важно, можно выбросить.

Брюс вернулся на свое место в носу корабля. Через круглое отверстие в корпусе рядом с собой, он увидел, что они проходят рядом с Дионой — четвертым, самым далеким от планеты спутником Сатурна. Это означало, что они пролетели, грубо говоря, сто шестьдесят тысяч километров, несутся на огромной скорости и все еще ускоряются.

Диона была сияющей сферой с темными пятнами, обозначавшими каменные плато и, яркими местами, которые, возможно, были озе-рами замороженного воздуха. Вскоре спутник остался позади.

Брюс встревоженно заметил, что отверстие, через которое он наблюдал космос, казалось, стало немного шире. Он понял, что корпус понемногу растягивается, и сказал об этом отцу, но тот ничего не ответил, а лишь пожал плечами.

Время от времени, Брюсу приходилось спускаться и откручивать разболтавшиеся детали. Сломалась узкая дорожка. Одна трапеция отвалилась совсем и начала опасно парить внутри корабля. Вокруг летали болты и какие-то мелкие детали, Брюс ловил их, когда мог, и выбрасывал в космос.

От постоянной вибрации двигателей и гироскопа, корабль постепенно рассыпался. Одна из топливных бочек, казалось, медленно скручивалась, пока ферма, к которой она была привязана, выгибалась наружу. Брюс быстро добрался до этого места, отвязал бочку и прикрепил ее к гораздо более крепкой центральной балке. Ферма продолжала выгибаться, колыхнулась, загнулась назад и вывалилась в открытый космос.

К этому времени отверстия на месте иллюминаторов стали заметно больше, а по корпусу начали расползаться шрамы и трещины.

— Брюс, — позвал его отец, — попробуй отломить молотом переднюю панель. Она подъехала слишком близко.

Брюс подобрался к самому носу корабля. Встав поустойчивее, он ударил по пластине, которая опасно приближалась к отцу. Еще несколько ударов, и панель отвалилась совсем и потерялась в пустоте.

Он успел увидеть туманную сферу Титана и понял, что их скорость очень даже хороша. Только бы корабль не развалился...

Все шло своим чередом. Брюс носился по кораблю, привязывал, отрезал и сгибал, а древний корабль, разваливаясь от старости, постоянно требовал внимания. До Брюса дошло, что болты, летающие вокруг, и которые он собирал, были сделаны как из золота, так и из алмаза. Но все это было неважно. Сейчас они являлись просто опасным мусором, от которого нужно было избавиться.

— Как у нас дела? — преследуя особенно неуловимый болт, решил спросить Брюс.

— Отлично, — ответил его отец. — Даже лучше, чем я надеялся. Кажется, сатурнианские двигатели в чем-то гораздо лучше наших, поскольку мы набираем скорость быстрее, чем я рассчитывал.

Брюс, наконец-то, поймал этот болт.

— Хорошо, — сказал он, — но как тогда быть с расчетами?

— Какими расчетами? — сухо засмеялся его отец. — У меня разве было на это время?

— Но... — Брюс на секунду ошелбенел. — Но как мы тогда летим? Как мы доберемся до Идальго?

– Мы просто следуем за астероидом. Поскольку у нас есть лишнее горючее – подарок «Терралуны» – мы можем себе позволить тратить его, сколько хотим, двигаясь не прямым курсом, преодолевая большее расстояние. Точные расчеты наиболее короткого и быстрого маршрута нужны лишь за тем, чтобы экономить топливо и время. Если у тебя неограниченный запас горючего и неограниченное время, можешь лететь, куда угодно, без всяких расчетов.

– Ну, наше время уж точно ограничено, – заметил Брюс. – Кстати, я уже сильно проголодался.

– Извини, – сказал его отец. – Я не знаю, как нам перекусить на этом корабле. Тут даже нет шлюза, чтобы запереться и снять шлемы. Может, надуем пузырь вокруг нас, если найдем какую-нибудь воздушнонепроницаемую ткань?

– Кажется, в куче с веревкой лежало что-то похожее, – вспомнил Брюс и немного погодя нашел такую ткань.

Преодолев некоторые трудности и показав пару акробатических трюков, Брюс сумел закрыть шлем и руки воздушнонепроницаемым покрытием так, что смог открыть забрало, засунуть в рот пару кусков и глотнуть воды из фляги.

Вернувшись к отцу, он смог повторить этот процесс.

– Спасибо, – поблагодарил тот, когда рискованный эксперимент подошел к концу. – А то я уже начал беспокоиться, что корабль продержится дольше нас.

К этому времени корабль вырвался из зоны гравитации Сатурна, но к тому времени от него остался, практически, только каркас. Куда бы Брюс ни посмотрел, везде неизменно сияли звезды. Опясанная кольцами планета вместе со своими спутниками все время была на виду.

От корабля отваливалось все больше и больше и деталей. По мере этого, Брюса интересовало, что от него останется, когда они доберутся до Идальго.

Одна бочка с топливом опустела, и Брюс выбросил ее в космос.

– Идальго еще не видно? – спросил он.

– Еще нет, – взглядевшись в звезды впереди, ответил доктор Родс. – Ищи тонкий полумесяц среди звезд вон там, – махнул он рукой и показал, где искать.

Еще одна секция боковых пластин тихо согнулась и полностью оторвалась, когда Брюс посмотрел на нее. Оглядев повреждения, он, наконец, нашел время взглянуть вдаль.

Его глаза устали, как и он сам, – от постоянной бдительности и работы. Кажется, он ни разу не отдыхал с того момента, как они взлетели. Непоглощаемая вибрация гироскопа и работающих двигателей создавали дополнительную нагрузку на организм.

Брюс тревожно всмотрелся в усыпанное звездами черное небо. Ему показалось, что он увидел крошечный полумесяц, о котором говорил отец.

– Почудилось... – пробормотал он себе под нос и отвел глаза, но потом снова посмотрел туда же.

– Идальго, – сказал Брюс. – Может, попробуем вызвать Гарсию по радио, что оставил нам Дженнингс? – Брюс нашел было взглядом радио, но потом увидел еще один летающий болт и пошел его ловить. – Нет времени, папа, – сказал он и направился к очередному обломку.

Брюс был занят весь следующий час. Наконец, он остановился и глянул вниз. Маленький астероид уже заполнил небо, и он увидел, что отец выводит корабль на орбиту крошечного мира, чтобы сесть на него. Брюс добрался до носа корабля и сел рядом с отцом.

– Ты видишь корабль? – спросил он и почти сразу ответил сам, показывая на него и крича. – Вон он!

Действительно, рядом с каньоном, обнаруженным Брюсом и Арпадом, виднелся блестящий металл корабля Объединенных Наций. Брюсу показалось, что он заметил фигурку человека, стоящего рядом, но, возможно, это был лишь плод его воображения.

Брюс осмотрелся, пока золотой корабль заходил на посадку. Скорее всего, она станет катастрофическим скольжением, понял Брюс.

От корабля остался лишь остов. Длинная центральная балка, с одного конца которой был тупой золотой нос, в середине – вращающееся колесо, а с другого конца – нагромождение баков, алмазных двигателей и изрыгающих пламя сопел. Два человека в скафандрах цеплялись к болтающимся веревкам и тонкой паутине дорожек и стоек, занимающих безвоздушное внутреннее пространство корабля.

– Для Арпада это станет настоящим шоком, – пробормотал Брюс, пока отец опускал ужасно хрупкий корпус корабля все ниже и ниже, пока, наконец, мастерски не посадил его с удивительной мягкостью. Двигатели стихли, колесо гироскопа остановилось, и Брюс с отцом мягко спрыгнули на поверхность Идальго. Секунду спустя центральный двигатель древнего корабля медленно наклонился, и вся масса превратилась в груду золотых и алмазных деталей.

Брюс с отцом сели рядом с кучей блестящего мусора и засмеялись, когда к ним подошли Гарсия с Арпадом Бенцом, радостно размахивавшие руками.

Donald A. Wollheim. Secret of Saturn's Rings, (Winston, 1954), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим.

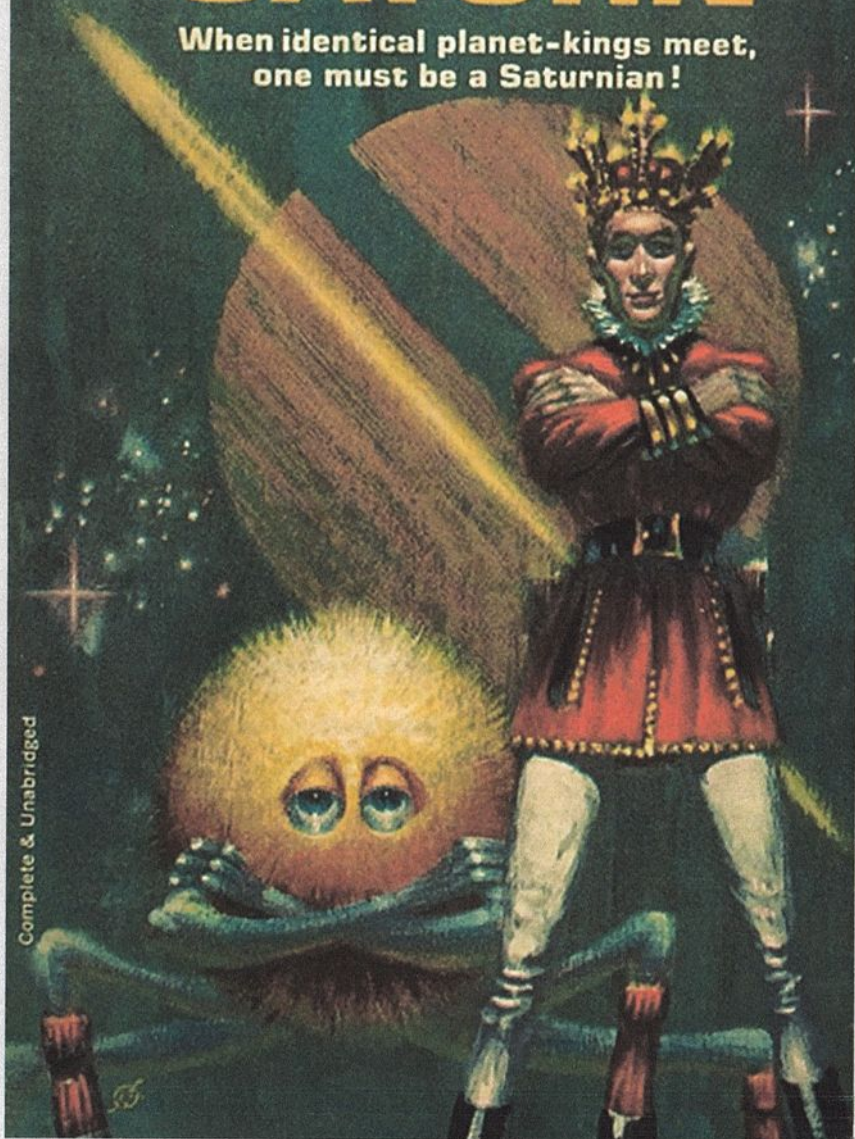
ace
double
H85/60¢

DAVID GRINNELL & LIN CARTER

DESTINATION: SATURN

When identical planet-kings meet,
one must be a Saturnian!

Complete & Unabridged

МЕСТО НАЗНАЧЕНИЯ: САТУРН

I

На вершине холма стоял лось и задумчиво глядел сквозь полосу вечнозеленых деревьев на длинный, приземистый дом, расположенный на берегах Большого Невольничьего Озера. И не стоит винить этого отличного представителя вида *Alces Americanus* * в излишней любопытности, поскольку строение было очень необычным даже по изощренным стандартам 2080-го года.

В конце концов, можно ожидать, что дом одного из самых отважных и самых молодых земных мультимиллионеров будет немного походить на дворец. Так и было: почти акр блестящего пластика, искусно вырезанного и украшенного в пышном имперском стиле архитектуры, который еще можно описать, как неонаполеонское барокко с парой штрихов псевдоготики Ивана Грозного, добавленной для еще пушней выразительности. Будучи современным коттеджем на побережье озера, в нем было все, включая хитро замаскированный личный аэропорт, порт, заполненный современными гоночными лодками на воздушной подушке, которые за последние годы стали очень популярными, и целую армию роботов-слуг. Коттедж этот плюхнули прямо в холодную канадскую глушь, но комфортно обогревали скрытыми электронным зеркалами, установленными в зарослях экзотического кустарника.

Да, не было ничего удивительного в том, что даже обычный лось тарашил глаза на дом Аякса Калкинса, единственного наследника невероятно огромного индустриального комплекса «Калканс», стоявшего у основания космической эры. Этот конкретный лось, бродивший по просторам субарктической тундры северной Канады, наверное, никогда не видел подобной роскоши современной жизни и казался замороженным – особенно гостиней, отлично просматриваемой через панорамные окна.

Вполне возможно, что этот лось никогда не наблюдал ссоры между двумя людьми. Поскольку именно это и происходило в тот момент в роскошной гостиней.

Аякс Калкинс, стройный, довольно красивый, хотя и далеко не картинной красоты, молодой человек лет двадцати пяти-двадцати шести

---

* *Alces americanus* – американский лось (прим. перев.)

жарко спорил с молодой девушкой (с которой, вообще-то, был обручен). Случайному взгляду Аякс мог показаться весьма представительным, но он бы сам первый согласился с утверждением, что его внешность никак не вязалась с невероятным богатством Лидера Индустрии и тем более с Вождем Человечества. Глаза у него были голубыми, но какими-то бледными и мутными, а не пронизательными и яркими. Его прямые волосы были коричневатыми, вполне заурядного оттенка. Усы – жиденькими и (откровенно говоря) едва различимыми, разве что стоять очень близко к нему. Главным разочарованием, по мнению Аякса, был его рост – несколько меньше, чем желаемые сто восемьдесят сантиметров. Напоминание о том, что Цезарь и Наполеон были еще ниже его, ничуть не помогало. Внешность Аякса не сочеталась с его мечтами. Во времена сверхбезопасности и гиперцивилизованности, где больше не осталось непройденных рубежей и непокоренных королевств, он мечтал о том, чтобы построить свою собственную империю из ничего... подражая героям-завоевателям прошлого, таким, как Пизарро, храброму *конкистадору*, победившему инков и обогатившему Испанию на целый континент, или Сесилию Родсу, создавшему в непролазных джунглях сильную страну, названную в честь него, или великому завоевателю капитану Куку, открывшему и захватившему девственную Австралию для Королевы Англии. Частично Аякс представлял себя Робертом Клайвом, принесшим в Индию власть Британии, и частично Лоуренсом Аравийским с добавлением «храброго Кортеза» и со шепоткой Белого Раджи Саравака для остроты блюда.

Увы, Аякс не был похож ни на одного из вышеперечисленных... он являлся всего лишь богатейшим молодым человеком на Земле, или где бы то ни было еще. Но деньги (даже если у вас их целые горы) не могут утолить страдания того, кому было суждено стать героем, но кому просто негде проявить себя.

Отбросив чувство гордости, Аякс опустил так низко, что разместил объявление о *поисках* королевства. И, к его приятному удивлению, когда он уже собирался сдать его окончательно, одно из его «Требуется королевство, цена не имеет значения» объявлений в «*Страже Большого Сырта*», на самом деле кого-то заинтересовало! Некий Энтон Смоллвейс, от лица группы шахтеров и космических старателей, пригласил Аякса в Зону, стать королем их крошечного мирка. Можете представить рвение, с которым Аякс Калкинс помчался в Астероидную Зону на личной космической яхте под названием «*Судьба*»... Лоуренс Аравийский... к черту! Он станет *Аяксом Владыкой Астероидов*!

К несчастью, его славным мечтам не суждено было сбыться. Его личный мир, имперское королевство Аяксия, оказалось совсем не естественным планетоидом, а громадным доисторическим космическим кораблем, оставшимся после какой-то вымершей, первобытной цивилизации астероидян. К тому же, Энтон Смоллвейс и другие шахтеры, подданные Его Величества, оказались жуликами. Выяснилось,

что они работают на умных, амбициозных сатурниан, и вовсе не являются людьми.

Из своего разочарования, Аякс, однако, кое-что вынес. Благодаря стратегически выгодному положению на границе МЗКУ, являющейся чем-то вроде пространства, где нет людей, находящемуся между территорией, контролируемой Марсианско-Земным Космическим Управлением, и враждебной и коварной межпланетной Империей Сатурна – а также из-за огромной потенциальной стоимости загадочных механизмов и приборов, которыми был напичкан корабль-планетоид, король Аякс Первый смог убедить МЗКУ официально признать его независимым монархом, в обмен на все научные права на машины астероидян. Эта уступка, хотя и спасла его престиж, все же оставила в жалком положении... король без подданных, правитель без государства...

Вот о деталях пунктов договора между МЗКУ и Аяксом король Аякс Первый и спорил вечером, о котором идет речь. С наблюдательного пункта на холме любознательный лось отчетливо видел как сердитого молодого правителя, так и его ничуть не менее неистового оппонента, мисс Эмилию Хэкеншмидт, бывшего полевого следователя североамериканского сектора МЗКУ, а сейчас полномочного посла королевского двора Аяксии и невесты Аякса Калкинса.

Как и дворец Калкинса, она тоже притягивала взгляды и, хотя ее площадь никак не могла сравниться с площадью дома Аякса, ее архитектура была ничуть не менее великолепной и даже более симметричной. У Эмилии были темно-голубые глаза (на тот момент сердито сверкающие из-под нахмуренных бровей), губы приятного розового оттенка, явно созданные для поцелуев, и привлекательная копна коротких, туго закрученных черных кудрей. Ее стройную фигуру с превосходным набором захватывающих дух изгибов в нужных местах частично скрывала строгая, рабочая, темно-бордовая форма женского отделения МЗКУ, хотя юбка-брюки чуть выше колен преуспела в демонстрировании дразнящих лодыжек ее длинных, изящных ножек, обלאченных в кружевные сатиновые панталоны и сапожки до икр. В целом, как мог заметить объятый любопытством лось, Эмилия прекрасно гармонировала с этим Александром Македонским двадцать первого столетия.

Однако в тот момент, ее мнение об Аяксе Калкинсе совсем не подходило на поведение будущей супруги императора.

– Ты, тупоголовый *идиот* с разинутым ртом! – прошипела она сквозь стиснутые зубы. – *Конечно*, МЗКУ придется разломать твой драгоценный планетоид, чтобы вытащить двигатели и оружие астероидян... и почему они, собственно, не должны этого делать, ты, безмозглый *кретин*?

– Ты спрашиваешь, почему не должны? Так я скажу тебе!

– Давай скажи, Аякс, идиот ты этакий.

– *Король Аякс!* – выпалил он.

– *Король Аякс*, ты идиот, – согласилась она.

Аякс собрал волно в кулак и обратился на рассерженную девушку Имперский взор.

– Мисс Хэкеншмидт, как полномочному послу, вам, очевидно, не хватает такта и дипломатичности.

– А, к *черту* такт и дипломатичность! Аякс, ты сводишь меня с *ума*! И перестань называть меня «мисс Хэкеншмидт», словно ты школьный учитель кибернетики!

Аякс принял обиженный вид.

– Пожалуйста, следите за своим языком в присутствии короля. Или мне называть вас «мисс Хэкенвэкен»?.. Нет, но, – предвосхитил он ее ответ и безмятежно продолжал, – впрочем, мои возражения по поводу этого пункта в договоре, на самом деле, должны быть совершенно понятны. Я отдал МЗКУ права на эксплуатацию в обмен на то, что они признают независимость моего государства. Но если МЗКУ разберет корабль-планетоид на запчасти, мое независимое государство исчезнет!

– Твое так называемое «независимое государство», – Эмилия произнесла эти слова очень едко, – должно исчезнуть в любом случае, Аякс, разрушат его или нет. МЗКУ не может оставлять это летающее сокровище, набитое научными секретами, в непосредственной близости от сатурнианской границы. И это напоминает мне, что я не должна была позволить убедить себя присоединиться к тебе на Земле... находиться тут нам *обоим* – очень глупо, оставляя корабль-планетоид без внимания. Что, если сатурниане решат захватить его, пока мы орем друг на друга? Что тогда станет с твоим «независимым государством»?

Аякс раздражающе улыбнулся высокомерной улыбкой, вытащил стимулетту из дорогой деревянной коробки, стоящей на ближнем конце стола, и принялся крутить ее, пока на самовозгорающемся кончике не появилось пламя. Он проделал это с отработанной плавностью движений телевизионного актера, исполняющего сцену, предназначенную передать что-то для эффекта «это единственное, что я когда-либо делал толком, поэтому я выгляжу так шикарно».

– Ты забываешь про Вуджа, – спокойно сказал Аякс.

Как обычно, мысль о крохотном марсианском разумном пауке заставила его улыбнуться с тихой гордостью. Из всей последней заварухи с фальшивыми планетоидами, амебовидными псевдо-подданными и межпланетной войной, единственным хорошим, что случилось с Аяксом в его донкихотским приключениях в поисках личной планетной империи, был... Вудж. У Александра Великого был Гефестион, у доктора Джонсона – Босуэлл... а у Аякса Первого – Третий Наименьший Вудж из Северной Пряильницы и Яйцекладки Серебряных Глубин!

Эмилия с сомнением посмотрела на Аякса.

– Даже не знаю... Вудж, конечно, *верный*, но... ну, он не человек и мыслит не так, как мы, и бог знает, что он сделает в непредвиденной

ситуации. Кроме того, сатурниане коварные, бесовестные и им можно доверять не больше, чем маньяку-убийце с паяльной лампой в руке.

– Я понимаю, – самодовольно улыбнулся Аякс, – и узнали они об этом от твоего драгоценного МЗКУ, не так ли?

Эмилия сердито на него посмотрела и молча закусил губу, – это было неприятной правдой. Когда первая пилотируемая экспедиция МЗКУ достигла Сатурна каких-то тридцать лет назад, они обнаружили, что на поверхности планеты с кольцами существует жизнь, опровергающая все научные предположения. Гравитация там была весьма значительной, хотя и не такой мощной, как ожидалось, поскольку сама планета оказалась очень маленькой. А та огромная сфера, размерами чуть меньше Юпитера, видимая в земные телескопы, являлась лишь атмосферой. Однако, доминирующая там форма жизни была довольно странной расой пластичных больших амёб, чье строение тела находилось под контролем сознания, и которые при желании могли вытягивать из себя эластичные конечности. У них был детский, уступчивый разум, под стать внешнему виду, но скоро, благодаря усилиям землян из МЗКУ, они скопировали поведение людей и в точности воспроизвели их образ жизни и мышления – что привело к быстрой индустриализации, появлению империалистических идей о завоеваниях и началу межпланетной войны, первое значительное военное столкновение которой земляне выиграли с помощью древнего арсенала вымерших астероидян Аяксии.

– Ну, – наконец, сказала Эмилия, – у кого бы они ни научились, они отлично усвоили уроки. И если ты не согласишься на наши условия и не позволишь МЗКУ разобрать корабль-планетоид и утащить его на орбиту поближе к нам, следующим ходом сатурниане захватят «независимое государство вашего Величества». С Вуджем или *без него!*

II

– Война между МЗКУ и сатурнианами не имеет отношения к имперскому королевству Аяксия! – решительно покачал головой Аякс. – Наше правление, в первую очередь, это мир и достаток для всех... с учетом того, что МЗКУ не разрушит территорию независимого государства. Аяксия останется на своем месте. Да, я согласен разрешить вашим ученым изучить двигатель, оружие и все остальное, но они должны оставить мое королевство целым и невредимым.

– Аякс, я не знаю, что мне с тобой делать! – вздохнула и покачала головой Эмилия. – Послушай, ты уже втянут в войну, хочешь ты того или нет. Аяксия находится прямо на линии фронта. И сатурниане уже сделали один агрессивный ход против твоего дурацкого королевства – заставили тебя думать, что так называемые «верноподданные», действительно, *являлись* верными подданными, а не коварными, подлыми замаскированными сатурнианами. Мы все решим сегодня же, Аякс,

даже если на это уйдет вся ночь! Но ты *должен* дать нам полный доступ, иначе мы не ничего не сможем сделать. МЗКУ официально признала государство Аяксия, нашим людям нельзя трогать твой корабль-планетоид, в противном случае, последствия вторжения пошатнут устои Межпланетного Кодекса. Ты обязан оставить договор в том виде, в каком я подготовила его: МЗКУ передвинет Аяксию ближе к Солнцу и как можно быстрее – прежде, чем сатурниане восстановятся после потери своего флота и будут готовы ударить снова. И нам придется разобрать планетоид, чтобы вытащить оттуда механизмы! Их потенциальная военная стоимость не поддается расчетам, и у нас нет времени беспокоиться о том, чтобы не потревожить твое драгоценное королевство!

Аякс отмахнулся повелительным жестом и безупречной, по-королевски презрительной ухмылкой, которую он тренировал перед зеркалом много дней.

– Ого! – испепеляющим тоном сказал он. – Вот значит как, да? Я обязан разрешить МЗКУ отобрать у меня королевство – обязан просто стоять и смотреть, пока ваши обезьяны в темно-бордовых мундирах превращают его в мусор? А что останется мне? Марсианско-Земное Космическое Управление согласится на обмен?

– О... обмен? На что? – подозрительно потребовала Эмилия.

– Одно королевство на другое? Маленькая Аяксия с запасом научных секретов... в обмен на какой-нибудь другой планетоид, где я смогу поселить своих подданных (когда найму их)... Надо подумать... как насчет Весты? Церера тоже неплоха. А может, Паллас?

– О, заткнись Аякс, дурак ты этакий! – по-женски фыркнула Эмилия. – Хочешь обменять свой старый ржавый космический корабль на один из самых больших и богатых астероидов в Солнечной системе, да? Ты что, серьезно? Ты отлично знаешь, что МЗКУ не обладает властью повернуть такое. Кроме того, существует миллион межпланетных законов и договоров, защищающих эти миры. Потребуется годы бюрократической волокиты, чтобы устроить такую сделку. Ну и не стоит забывать, что на Весте, Церере и Палласе уже есть довольно большое население и законные местные правительства. Лучше даже не *думай* об этом, Аякс.

– Гм! Прощу простить мое вторжение, сэр и мисс. Ужин будет скоро подан.

Они повернулись к двери, где стоял рободворецкий Дженкинс, угодливо улыбаясь неживым лицом. Один из самых известных на Земле специалистов по роботам сконструировал Дженкинса, как внутри, так и снаружи, чтобы соответствовать внешности и поведению типичного дворцового золотой эпохи королевы Виктории.

– Подумаешь, какие-то хлопоты! – капризно выпалил Аякс. – Мы уже столько спорим, а я хотел поохотиться прежде, чем сесть за стол!

– Поохотиться? – не веря своим ушам, повторила Эмилия. – Пока судьба Системы висит на волоске?

– Именно так, поохотиться, – небрежно бросил он (это он тоже репетировал). – Зачем, ты думаешь, я построил охотничий домик тут, посреди канадской глуши? Идеальное место для охоты. Этот королевский спорт, между прочим, берет свое начало во времена Нимрода. Король Эдвард VII был известным охотником. Да сам Наполеон...

– Ну, ладно! – пожалала плечами Эмилия. – Хватит о прошлом. Если хочешь называть свой гигантский Гранд Отель охотничьим домиком, мне все равно, Аякс Калкинс! И если хочешь охотиться, вон там торчит большой толстый лось, который наблюдает за нами уже с полчаса...

– Что? – подпрыгнул Аякс. – Этот лось все еще здесь? Он топчется по моей земле уже несколько дней! Если он сунет свои рога в бегонии... Дженкинс!

– Да, сэр?

– Принеси мне слонобой. Я собираюсь пристрелить лося.

Наступил долгий момент тишины. Добродушное выражение лица Дженкинса, разумеется, не изменилось, но можно было ощутить немой вопрос.

– У меня же нет *лосебоя*, как ты знаешь, – с огромным достоинством, но осторожно сказал Аякс.

– Хорошо, сэр, – почтительно кивнул Дженкинс.

Он незаметно вышел.

– Аякс... ты, правда, собираешься убить бедное животное? – с сомнением посмотрела на него Эмилия.

Он фыркнул, выразив чисто мужское презрение к типичной женской мягкосердечности.

– Конечно, собираюсь! Монарх, безусловно, имеет королевское право защищать свои бегонии от посягательств зверей! Я покажу тебе, как хороши короли на охоте! *Дженкинс!* Поторопись со слонобоем, пока бедняга не ускакал в тундру!

– Все готово, сэр, – появился робот, держа лазерную винтовку двадцать первого века, изготовленную по специальному заказу, чтобы выглядеть, как древнее африканское ружье для сафари времен Алана Квотермейна.

Взяв ее с величественным жестом, Аякс вышел на веранду вместе с Эмилией.

– Ну и ну! Огромный зверь даже и не подумал уйти прочь, когда показался *охотник!* Вот это да, Эмилия – что за триумф! Завалить лося прямо с веранды! Вот это, я понимаю, трофей!

Аякс поднял слонобой, позволив роботизированному механизму автоматически навести оружие. Затем посреди орнамента в виде завитушек, которыми была украшена винтовка, загорелась маленькая лампочка. Готовность к стрельбе...

– Ох, Аякс... может, ты просто спугнешь его?

Аякс выстрелил.

Лось не славится великим умом, но этот отдельно взятый лось продемонстрировал не только совсем не лосиное любопытство, наблюдая за действиями людей, но еще и невероятно сильный инстинкт самосохранения. Он сосредоточенно смотрел на двух людей, стоящих на веранде. Когда Аякс поднес винтовку к плечу, что-то внутри животного забило тревогу. Его глаза выпучились с *совершенно* не лосиным выражением, и он с фантастической быстротой метнулся в сторону.

Но недостаточно быстро для оснащенного радаром компьютерного механизма наводки, встроенного в винтовку. Ослепительный луч рубинового света попал точно в центр тела лося.

То, что случилось дальше, было еще более не лосиным.

Лось вдруг *взорвался* с ужасно яркой вспышкой зеленого пламени и оглушительным грохотом, сотрясшим окружающий лес!

Когда дым рассеялся, Аякс с Эмилией все еще заворуженно стояли с разинутыми ртами.

— *Это* был не лось! — уверенно воскликнула Эмилия.

Кажется, это стало самым точным утверждением дня. Аякс закрыл рот, прокашлялся и дрожащим голосом согласился.

— Давай сходим посмотрим на то, что осталось от лося, — предложила Эмилия.

— Давай!

Сидя на низколетащем наземном шаттле, они пронеслись над берегом, рядами вечнозеленых деревьев, окаймляющих поместье, и через пару минут прибыли на место взрыва.

Как показал беглый осмотр, лось был лосем только для невооруженного глаза. Это оказался хитроумный механизм с корпусом в виде лося. И в качестве пилота этого хитрого приспособления они обнаружили теперь уже неподвижную массу того, что выглядело быстро таящим лимонным желе плохого качества.

— *Сатурнианин*... — тупо сказал Аякс.

Он обменялся долгим взглядом с мисс Хэкеншмидт, чьи глаза были такими же остекленевшими. И оказался прав. Они стояли над разлагающимся телом амебоподобного существа и смотрели друг на друга, прокручивая в голове дикие предположения.

Межпланетная война не стала дожидаться королевского разрешения Аякса, она разразилась прямо на пороге его дома.

III

Ужин прошел в угрюмой тишине. Дженкинс с помощью робоповара Томпкина принес из кладовой закуски: жареную грудинку из марсианского земляного угря под соусом из песочной ягоды, фаршированный зеленым луком венерианский болотный кабачок и бутылку древнего портвейна «Тэйлор» замечательного урожая 1967-го года,

стоящего целое состояние. Несмотря на изысканное разнообразие этих «простых закусок», которое удовлетворило бы запросы любого гурмана, Аякс и Эмилия лишь лениво тыкали еду вилкой. Поток восторгов, кипящий в их головах, не способствовал аппетиту.

Зачем сатурнианский шпион рыскал вокруг загородного коттеджа (как он его называл) Аякса Калкинса?

Когда механический лось начал следить за богатым королем Аяксии?

Что последует за этим, откровенно враждебным актом электронного шпионажа?

Тяжело вздохнув, Аякс отодвинул полную тарелку с уже остывшей едой и разрешил заботливому Дженкинсу налить ему глоток вечернего брэнди. Аякс залпом выпил бокал, не уделив никакого внимания нежному букету напитка, словно это была простая холодная вода, а не редкий урожай марсианского брэнди из снежного винограда, привезенного сюда за огромную стоимость из виноградников Калкинса, расположенных в заснеженном регионе на южном полюсе Марса.

Встав, Аякс безучастно махнул рукой в сторону соседней комнаты.

– Ну... продолжим нашу беседу?

Эмилия пожала плечами, но встала и пошла за ним.

– Я все еще думаю, что ты...

– Знаю, знаю, – слабо кивнул Аякс. – Ты думаешь, я должен связаться с Вуджем и спросить, все ли в порядке с моим королевством.

– Да, я так и *думаю*, – выпалила она. – И не могу понять, почему ты сам об этом *не подумал*!

Войдя в зал совещаний первым (королевская прерогатива), Аякс плюхнулся в большое мягкое кресло, повторившее контуры его тела с тихим *шипением* сжатого воздуха. Эмилия села напротив него, с сердитым тихим *звоном* поставив хрустальный бокал с брэнди на скамью.

– Моя дорогая мисс Хэкеншмидт... – начал Аякс.

– Аякс! Я говорила тебе не называть меня так. Я твоя невеста, вообще-то.

– Мисс Хэкеншмидт, моя дорогая, – поправился он с апломбом, – в мое отсутствие, Вудж – действующий премьер-министр моего королевства и в состоянии принимать решения, касающиеся любых незначительных проблем, которые могут возникнуть за это время.

– Но!..

– Но, – любезно добавил Аякс, – мне, как обожаемому лидеру и правителю, надлежит доверять Вуджу. Это первый долг любого монарха – разрешать своим министрам исполнять обязанности без постоянного надзора. Как мне развить в подчиненных способность принимать решения, если я буду постоянно стоять за его... за *их*... плечами!

– Аякс, ты просто невозможный! – сердито топнула ножкой Эмилия. – Ты живешь в мире грез, где представляешь себя каким-то временным Хубилаем... Сначала я думала, что это просто такая хохма,

но теперь я уже начинаю подозревать, что ты не шутишь. Ты, правда, веришь в эту чепуху насчет правления королевством, да?

Прекратив мечтать, Аякс одарил Эмилию сердитым взглядом.

– Верю во что? Конечно, я верю в это... в МЗКУ-Аяксианский договор...

Она махнула рукой, словно отгоняя какой-то неприятный запах.

– О, прекрати. Конечно – *легально, технически* – ты король. Но я говорю про *факты*! Твое королевство – всего лишь большой, неуклюжий, древний космический корабль, сохранившийся со времен Взрыва – самый старый, дошедший до наших дней артефакт неизвестной цивилизации астероидян, вымершей, когда миллионы лет назад взорвалась пятая планета, и ее обломки образовали астероиды. А эти «подчиненные» и «министры», про которых ты продолжаешь ныть, просто... не... *существуют*! Единственное, что есть в твоём «королевстве», это забытый всеми разумный паук, сидящий там в гордом одиночестве. Спускайся на Землю, Аякс, и взгляни *фактам* в лицо.

– Ладно! – обидевшись на такие слова, воскликнул он. – Я *приведу* тебе факты. Между этим странным механическим лосем, который бродил возле бегоний, и твоим гипотетическим, полностью выдуманным сатурнианским замыслом по захвату Аяксии в мое отсутствие, нет никакой мыслимой связи. Это *вы*, моя дорогая мисс Хэкеншмидт, несете чепуху, а не я! Где доказательства существования сатурнианского флота, – если у них все еще *есть* флот (в чем я сомневаюсь, после того, как мы использовали снаряды астероидян с телепатическим наведением, чтобы разнести их флот во время героической и славной Битвы за Аяксию) – где доказательства, что они собираются напасть на мое королевство? Как они снова посмеют противостоять такому оружию?

– Аякс, ты безмозглый идиот, мы *израсходовали эти снаряды – все до единого – чтобы уничтожить их флот!* – разозлившись ничуть не меньше, чем он, яростно парировала Эмилия.

– Конечно, израсходовали, – улыбаясь той самой улыбкой, приводящей в полнейшее бешенство и поигрывая бокалом брэнди, сказал он. – Только вот сатурниане *не знают* об этом.

Сбитая с толку, Эмилия отвернулась и сделал огромный глоток крепкой жидкости, словно пытаясь потушить огонь внутри себя. К несчастью, брэнди было убойным, и, не сумев проглотить его, она покраснела, щеки ее надулись, а глаза заслезились.

Аякс заворуженно смотрел, как она вскочила и побежала к ближайшей группе растений в горшках, которыми был щедро уставлен зал. Там Эмилия выплонула брэнди в горшок с огромной орхидеей, не обращая внимания на страдальческий возглас Аякса.

– Только не в призовой тибетский *одонтоглоссум*... пожалуйста!

Слишком поздно: пышная орхидея задрожала от корня до цветка, когда марсианский брэнди начал пузыриться в земле. Затаив дыхание, Аякс ждал, окажет ли пламенная жидкость какой-нибудь негативный

эффект на редкий цветок, но вместо того, что завянуть и превратиться в опаленную тень былой красоты, цветки открылись даже сильнее, чем раньше, и поднялись на распрямившихся стеблях. Увеличившиеся лепестки медленно залил прекрасный фиолетовый румянец.

Раскрыв рот от удивления, Аякс протянул руку и дотронулся до радиочувствительного шара, висящего рядом с удобным креслом. В дверях появился Дженкинс.

– О, Дженкинс – принеси мисс Хэкенфилд стакан холодной воды, – рассеянно попросил Аякс. – И закажи еще один ящик брэнди из снежного винограда, хорошо?... А знаешь, что, пусть лучше будет *два* ящика... Дженкинс, я думаю, в следующем году на шанхайском фестивале цветов мы выиграем еще один чемпионат золотой ленты! Я только что открыл самый удивительный стимулятор роста цветов...

– Очень хорошо, сэр. Мои поздравления!

Эмилия жадно выпила воду и, задыхаясь, молча опустила на скамью.

– Прекрасно, Эмилия! – рассеянно улыбнулся Аякс. – Ты станешь отличной хозяйкой Дворца Калкинса... и первоклассной королевой Аяксии. Идем со мной. В кабинет.

– Зачем?

– Я позвоню Вуджу, дорогая, как ты и предлагала. Хочу показать тебе, как сильно ты ошибаешься насчет сатурниан.

IV

Они вошли в кабинет на первом этаже. Аякс остановился у дальней стены, где, в одиноком величии, в платиновой рамке висел прекрасный и невероятно дорогой оригинал Эмшвиллера. Наступала ночь, и румяное северное солнце последними лучами заботливо грело вечно-зеленые деревья вокруг Большого Невольничьего Озера, а панорамные окна медленно поляризовались и теряли прозрачность, отображая портрет Аякса Первого во весь рост, с фиолетовым, золотым и алым национальным флагом Аяксии за ним. Втравленный в оконное стекло направленными ионными лучами, портрет был виден только при включенной поляризации. В результате уютный, но немного претенциозный кабинет преображался в нечто такое же монументальное и националистичное, как Вестминстерское аббатство.

Аякс надавил правой ладонью на радиочувствительное место на рамке картины. Электронный «ключ», имплантированный в золотую печатку на пальце, что-то там разблокировал, и Аякс отодвинул редкую картину в сторону, открыв доступ к личному межпланетному видеофону, почти такому же дорогому, как и шедевр живописи середины двадцатого века, за которым он скрывался.

– Теперь, моя дорогая, ты увидишь, как глупо поддаваться женским импульсам и капризам, – умело включая механизм, сказал Аякс. – Аяк-

сия в безопасности, Вудж находится во главе, и спокойствию моего королевства ничто не угрожает.

Эмилия упрямо стиснула зубы.

– Я очень надеюсь, что ты прав, Аякс, но если ты *ошибаешься* – не вини меня за мои слова, что так и будет!

– Не бойся.

Аякс самодовольно улыбнулся и набрал номер. Они ждали несколько минут, пока установится соединение, затем была небольшая задержка, пока фотонный сигнал преодолевал многие миллионы километров космического пространства. Через межпланетное пространство, они услышали, как зазвонил телефон. Он звенел и звенел.

– Независимое королевство Аяксия, добрый день, – наконец, раздался из динамиков скрипучий, серьезный голос их друга Вуджа. – Говорит премьер-министр.

– *Хей-хо*, Вудж! Как дела – и почему не передается изображение? – многозначительно подмигнув Эмили, со странной выразительностью спросил Аякс.

Возникла странная пауза. Затем...

– Скажите, пожалуйста, кто это говорит?

– Кто говорит? А как ты думаешь, кто это говорит? Я! Король Аякс, разумеется!

Снова возникла раздражающая задержка, единственное, что не любил Аякс в современной межпланетной связи. Как бы технически совершенна ни была аппаратура, не существовало метода передачи сигнала со скоростью, превышающей скорость света. Чтобы покрыть расстояние между Землей и Аяксией, свету требовалось лишь несколько минут, но что будет, когда колонизируют далекий Плутон, находящийся на краю Солнечной системы, чего невозможно избежать? Как вести переговоры, если между вопросом и ответом будет проходить по *часу*?

– Какой еще король? – пискливо спросил Вудж.

– Король Аякс, твой обожаемый правитель! *Хей-хо*, Вудж! В чем дело? На Аяксии что-то происходит?

– Вы самозванец, сэр, а того, кто выдает себя за правителя, ждет высшая мера наказания, – серьезно заключил Вудж. – Сейчас я включу видеоизображение и посмотрю, что это за дурацкий шутник. Одну секундочку, пожалуйста.

Закипая от злости, Аякс растерянно посмотрел на Эмилию.

– Он спятил! Кажется, он не узнает меня, *меня*, своего обожаемого правителя, благодетеля и короля!

Они ждали. Видеоэкран стал кружащейся дымкой смешанных цветов, из которой постепенно проявился верный маленький марсианин. Они увидели пушистый, красноватый баскетбольный мяч, ненадежно покоящийся на восьми тонких паучьих ножках. С экрана серьезно смо-

трела морда печального пекинеса, а с десяток больших зеленых глаз часто моргал.

Аякс было нетерпеливо заговорил, но Вуджа совершенно невежливо перебил своего короля.

– Удивительное сходство, сэр! Хотя немного странно для высшего представителя власти королевства хвалить мошенника в технической подкованности – могу я сказать, что ваша маскировка удивительно похожа на королевскую внешность моего правителя?

Аякс тупо открыл рот и беспомощно посмотрел по сторонам, пытаясь найти, что сказать. Ситуация казалась безумной, невозможной, кошмарной.

– Но, Вудж, – пробормотал он, – это же я твой правитель! Я, Аякс Калкинс! Ты не узнаешь своего любимого короля?

– Несмотря на сходство, которое, как я уже заметил, просто впечатляющее, сэр, я знаю, что вы лжете, – на мохнатой морде промелькнула недоверчивая улыбка. – Поскольку король Аякс и его будущая супруга, мисс Эмилия Хэкеншмидт, *все еще здесь, в Аяксии...* и, между прочим, они находятся в соседней комнате.

Пока ошеломленный Аякс тщетно пытался подобрать ответ на такое пугающее заявление, Эмилия оттолкнула его от аппарата и сама обратилась к Вуджу.

– Вудж! Это Эмилия... Мы желаем убедиться в правдивости твоих слов.

Вудж вежливо пожал плечами – довольно интересное зрелище, потому что у него восемь плеч – и нажал на какие-то кнопки. Экран на секунду стал черным, затем очистился, показав одну из комнат, которую Аякс и Эмилия распознали, как кладовую, где на данный момент хранились некоторые из самых любопытных и совершенных механизмов расы астероидян. Там, занятые описью приборов, были они... *сами!* Две точных копии – Эмилия и Аякс, – повторяющие их до последней, самой незначительной детали, со спокойными, бесстрастными лицами копошились в научных сокровищах Аяксии!

– Надеюсь, увидев все сами, – проскрипел Вудж, – вы поймете, что продолжать обман не имеет никакого смысла. Прощайте и помните, что дальнейшие попытки выдавать себя за короля Аякса будут встречены со всей строгостью законов Аяксии.

Паук повесил трубку.

Эмилия с Аяксом уставились друг на друга с белыми лицами.

– Я же говорила, – сказал Эмилия.

Аякс тяжело вздохнул.

V

Нельзя было терять времени. Нужно было что-то делать, и чем быстрее, тем лучше. Но Аякс понял, что не способен действовать, думать

и даже ходить. Он бессильно плюхнулся в ближайшее кресло и жалобно уставился на Эмилию.

– Разумеется, ты понимаешь, что происходит, – сказала она своим самым энергичным и деловым голосом.

– Разумеется, – глухо отозвался Аякс.

– Ты заметил бесстрастные, ничего не выражающие лица наших двойников? И как они резко и неуклюже двигают руками ногами?

– Кажется, да.

– *Сатурниане!* В пластико-механических костюмах. В таких, как носили Энтон Смоллвейс и другие лже-шахтеры. Только эти копируют тебя и меня!

– Верно...

Эмилия подошла к Аяксу и щелкнула пальцами у него перед носом.

– Давай, Аякс, соберись! Нам надо что-то делать. Не знаю, *что* именно, но... что-то.

– Да-да, – согласился он.

– Кончай киснуть, словно все девять миров развалились у тебя под ногами! Я предупреждала тебя, что чертовы амебы воспользуются возможностью пойти против Аяксии. Говорила тебе, что нам обоим нельзя улетать на Землю, оставив Вуджа разбираться с сатурнианами в одиночку...

Аякс сердито посмотрел на нее.

– Мисс Хэкенбуш, позвольте мне заметить, что я, вне зависимости от вашего мнения, далеко не глуп. Я предвидел такое развитие событий. Мой королевский ум проницательно расширил сферу возможных ходов сатурниан и принял определенные меры. *Вот* из-за чего я пришел в такое изумление!

– Какие еще меры? Аякс, о *чем* ты говоришь?

– Перед тем, как я улетел, мы с Вуджем придумали *кодovou фразу*, на случай, если сатурниане попытаются проникнуть в Аяксию при помощи какой-нибудь хитрости или уловки. Я сказал Вуджу, что, когда позвоню ему, моими первыми словами будет фраза «Хей-хо!»

– А, так *вот* почему ты подмигнул мне и по-дурацки ухмыльнулся, когда заговорил с Вуджем...

– Ну да. Но, приняв во внимание наличие кодовой фразы, я не понимаю, как самозванцы сумели обхитрить Вуджа и попасть в Аяксию, *не зная* про этот шифр... а они никак не могли про него знать.

Эмилия мрачно стиснула зубы.

– Ну, с этим мы разберемся потом, Аякс. А сейчас сатурниане уже в Аяксии, и, если мы ничего не сделаем, чтобы остановить их, они покинут корабль-планетоид с награбленным, а *ты* останешься у разбитого корыта!

– Что? О чем ты говоришь?

– Именно так, Аякс! Разве это еще не просочилось в твой бронированный череп? *Признание тебя, как правителя Аяксии, зависит*

только от твоего согласия передать МЗКУ эту свалку доисторических механизмов... причем передать нетронутой.

– Ох-ох!..

Аякс пришел в ужас. До него только сейчас дошло, каковы будут последствия того, что сатурниане успешно выдадут себя за него и Эмилию. Теперь он все понял, и пол начал уходить у него из-под ног.

– Именно так! МЗКУ проще не признавать еще одно независимое государство... и если ты предстанешь перед ними с пустыми руками и историей про то, как сатурнианские пираты все забрали, они с радостью воспользуются возможностью отменить официальное признание королевства Аяксии, чтобы разорвать договор и обо всем забыть!

– Боже правый!

Шокированный, Аякс вскочил с кресла и стукнул ладонью по радиочувствительному шару, вызвав Дженкинса.

Как только в дверях появилось безмятежное лицо рободворецкого, Аякс развел бурную деятельность.

– Дженкинс! Собирай мои вещи и пакуй чемоданы мисс Хэкеншмидт сию же секунду! Позвони в космопорт и скажи, чтобы готовили «Судьбу II» к взлету. Мы улетаем на Аяксию, как только корабль будет готов... да, и набери начальника базы МЗКУ на Церере.

– Да, сэр. Исполняю, сэр. Кстати, сэр, последний выпуск новостей может заинтересовать вас – передача с радио «Веста» об Аяксии.

– Что там? Включай, быстро!

Дженкинс распахнул богато украшенный шкаф, оформленный в китайском стиле восемнадцатого века, открыв взору коммерческий телевизор. Через секунду они, не веря своим ушам, слушали интервью с королем Аяксии Аяксом. Копия Аякса говорила точно таким же голосом, как у Калкинса, и была – даже на крупном плане – удивительно похожей на Аякса. Эмилия Хэкеншмидт, или, точнее, ее подобие, одетое в строгую одежду посла, стояло рядом с липовым правителем, пока тот выступал с официальным предупреждением другим планетарным правительствам и военным учреждениям о том, что какие-то преступники пытаются выдавать себя за короля Аяксии и посла МЗКУ на планетоиде. Там также присутствовал командир вооруженных сил МЗКУ в Астероидной Зоне вице-адмирал Милтон А. Креплах, озвучивший твердые намерения МЗКУ следить за такими самозванцами, которые, как он поклялся, будут наказаны по всей строгости межпланетного закона, когда бы их не нашли.

Аякс выключил трансляцию и вздохнул.

– Ахх... Дженкинс, можешь не звонить начальнику МЗКУ...

– Да, сэр, – невозмутимо ответил рободворецкий.

«Судьба II» рассекала космос, неся на борту подавленного Аякса и молчаливую Эмилию Хэкеншмидт. Последние пару часов с момента взлета, они спорили по поводу крайне затруднительного положения,

в которое каким-то образом вляпались. В результате они так и не пришли к единогласному решению. План Аякса по захвату беззащитного корабля-планетоида с помощью МЗКУ стал бесполезным благодаря быстрым действиям лже-Аякса, объявившего о существовании «самозванца». Позвонить адмирал Креплаху, представившись Аяксом, и попросить помощи в захвате Аяксии стало бы самым быстрым способом оказаться в тюрьме на Деймосе. Креплах от души посмеялся бы над заявлением Аякса, что кораблем-планетоидом в данный момент правят две сатурнианские амебы, и засадил бы несчастного монарха и его подругу-сообщницу в тюрьму так быстро, что можно было бы зарегистрировать эффект Допплера.

– Но, Аякс, у тебя что, нет никакого другого плана? Мы просто высадимся на Аяксии и попробуем попасть внутрь? Как только «Судьба» появится на радарх Аяксии, наши двойники скомандуют бедному старине Вуджу взорвать нас прямо в небе!

– Спокойно, женщина, – сгорбившись над пультом управления в своей второй любимой роли – мрачного Человека-Действия с суровым взглядом, – прохрипел Аякс. – Не отчаивайся. Вудж не сможет сделать этого, ты же сама знаешь. Как ты сказала на Земле, мы использовали все снаряды, когда уничтожили сатурнианский флот. Если наши двойники не обнаружили или не заставили работать какие-нибудь версии противокорабельных орудий, что очень маловероятно, мы сядем без проблем.

– И что дальше? Предположим – сядем. А как мы убедим Вуджа, чтобы он открыл огромные ворота шлюза и впустил нас внутрь? Ты подумал об *этом*?

С внезапным чувством, что он вот-вот утонет, Аякс осознал, что не подумал об этом... но Калкинс, Человек-Действия не знал значения слова «беспомощность». Он напряг квадратную челюсть и повернулся своим бесподобным профилем к Эмили, сидящей рядом в кресле второго пилота.

– Вздобрись, женщина! Предоставь это мне. Я проведу нас внутрь. Будь храброй и положишься на Аякса Калкинса!

Эмилия с сомнением посмотрела на него, но ничего не сказала. Она уже видела его в режиме Человека-Действия и знала, что спорить с Мистером Решимостью нет смысла. Кроме того... если так подумать, Аякс *был* довольно находчив, если припереть его к стенке... так что лучшим в этой ситуации было просто молчать.

Но, будучи женщиной, Эмилия не могла ничего не говорить дольше определенного срока.

– «Судьбу» ведь вооружили лазерными пушками по твоему указу, да, Аякс? Разве мы не можем просто пробить себе дорогу?

Он позволил себе утешающе улыбнуться.

– Не-а. Это вызовет взрывную декомпрессию – весь воздух, запертый в корабле-планетоиде, вырвется наружу. Мы не можем рисковать жизнью Вуджа. Придется придумать какой-нибудь другой способ...

VI

Время тянулось медленно. Самым плохим в космических путешествиях был не безвкусный, повторно использованный воздух или вызывающая тошноту искусственная гравитация, а скука... абсолютное, обессиливающее *однообразие* полета. Пару столетий назад, на Земле, морские вояжи занимали примерно столько же времени и даже больше, но там были постоянно меняющиеся картины моря и неба, на которые можно было любоваться, не замечая медленного течения времени. В этом плане космос сильно отличается: *тут не на что смотреть*. Если вы не находитесь неподалеку от посадочной орбиты планеты или спутника, миры являются просто пятнышками света на фоне черноты космоса, чуть большими, чем яркие точки звезд.

В докосмической эпохе существовал жанр развлекательного чтива, который древние называли «Научная фантастика». Сюжет изрядной части произведений этого жанра вился вокруг межпланетных полетов. В соответствии с представлениями древних писателей, космос являлся местом неописуемой красоты и поразительного великолепия. В конце концов (они, наверное, рассуждали именно так) посмотрите, как прекрасно ночное небо, усыпанное блестящим покрывалом мерцающих звезд! В этих историях космические корабли самых странных и забавных конструкций носились на огромной скорости между бесчисленных космических тел, а их полеты никогда не были скучными из-за того, что им приходилось регулярно увертываться от эффектных комет или пылающих туч метеоров, и все это на величественном фоне гигантских планет: золотисто-желтого Сатурна со сверкающими кольцами, оранжево-коричневого гиганта-Юпитера с полосами и пятнами, алого Марса, с его таинственными каналами... все это *чушь*.

Без атмосферы, заставляющей «мерцать», звезды просто крошечные пятнышки бесцветного, неизменяющегося света, практически поглощенного и слившегося с густой чернотой пустоты. За год в Солнечную систему входит одна-две кометы, но они совершенно невидимы, пока не окажутся так близко к Солнцу, что проявится красивый эффект «хвоста кометы», до этого они просто летающие обломки или глыбы камня и льда. В плоскости эклиптики много метеорных потоков, это правда, но они пролетят мимо вашего корабля и скроются из вида быстрее, чем вы поймете, что они рядом, так велика скорость, с которой они движутся. Прямо настоящее чудо света!

Но полет занимает определенный промежуток времени, и это время нужно чем-то занять. Поскольку вокруг нет никакого «пейзажа», которым можно было бы любоваться, пришлось придумать другие способы

времяпровождения. Поэтому каждый введенный в эксплуатацию корабль несет на борту значительную библиотеку из книг, фильмов и музыки, хранящуюся на пленках.

Оказавшись вдалеке от двойной системы Земля-Луна, Аякс включил автопилот, приказав компьютеру выбрать редко используемый обходной путь. Поскольку они вылетели уже на закате, сейчас была глубокая ночь, но Аякс и Эмилия были слишком взвинчены и встревожены, чтобы хотеть спать. Стаканчики снотворного позаботились об этом, затем Аякс пожелал Эмили доброй ночи, отвел ее в один из трех маленьких, но удобных номеров, спроектированных дизайнером «Судьбы», и лег в постель сам.

На следующее утро, после завтрака, они сразу же отправились в библиотеку. Эмилия, приверженец фильмов докосмической эпохи, уселась смотреть древний фильм Джорджа Арлисса под названием «*Дизраэли*», пока Аякс читал новую биографию Наполеона.

Время шло... да, медленно... но все-таки *шло*.

Они пересекли орбиту Марса, не увидев саму Красную Планету, в это время она находилась с другой стороны Солнца, как и большинство астероидов. Последовали обед и ужин, и через некоторое время в иллюминаторах замаячила Аяксия.

Или, скорее, должна была замаячить.

Ее там не было – там вообще не было ничего.

Кипя от раздражения, Аякс снова побежал к компьютеру. Мог автопилот «Судьбы» допустить ошибку или где-нибудь пропустить ноль? Возможно, планетоид тоже был в другой точке орбиты, как и Марс.

Но нет... насчет этого компьютер был уверен. Аяксия должна была находиться тут, прямо в центре радара. Однако, космос был пуст, как сердце старой девы, и гораздо более холоден.

– Что не так на *этот* раз, о Человек Действия, Мистер Холодная Решимость, о Самый Мудрый Король во Вселенной? – одарила недружелюбным взглядом Аякса Эмилия. – Есть какие-нибудь мысли?

– Прекрати сейчас же! – проревел он. – Это не моя вина – я не знаю, что случилось. Аяксии просто нет там, где она должна быть!

– Кажется, твое королевство просто встало и ушло... – ухмыльнулась она.

– Никуда оно не ушло...

Одна и та же мысль одновременно посетила их головы. Аякс снова почувствовал головокружение и тошноту, когда пол начал уходить у него из-под ног. *Разумеется...* Аяксия *встала* и ушла! Так и есть, ведь корабль-планетоид был оборудован невероятно мощными двигателями, будучи кораблем, а не настоящим планетоидом, и...

– ... Сатурниане, наверное, разобрались в их работе! – подхватила Эмилия.

– И запустили их! Сатурниане тащат мое королевство к себе!

Аякс и Эмилия обменялись безнадежными взглядами.

— Ну, если одно из важнейших тел Астероидной Зоны покинуло свою орбиту и улетело во внешний космос, думаю, по новостям должны были что-то сказать об этом, — задумчиво сказала Эмилия.

— Отличная мысль! Давай посмотрим...

Аякс включил бортовой телевизор

...ключение представителей администрации МЗКУ, Аяксианский договор потерял силу и признан недействительным, министр Фозерингей также подчеркивает, что, встав на сторону враждебной Сатурнианской Межпланетной Империи, бывший гражданин Земли Аякс Калкинс, унаследовавший многомиллиардную империю и провозгласивший себя «королем Аяксии», автоматически стал преступником и изменником. По сообщению министерства Космоса, ситуация с Аяксией раскрывает, что посол МЗКУ в так называемом «Королевстве Аяксия» мисс Эмилия Хэкеншимидт добровольно присоединилась к своему возлюбленному Аяксу Калкинсу и предала Землю, тем самым оказавшись вне закона. Еще не поступало информации от вице-адмирала Креплаха, командующего эскадрильей кораблей, вылетевших час и сорок минут назад в погоню за кораблем предателей, и также неизвестно, догнали они его или нет. Как заметил наш комментатор Конрад Винтерсмит во время последней трансляции про аяксианских перебежчиков, если эскадрилья преследования не вернется на границу между МЗКУ и сатурнианской империей, это будет расцениваться, как военная операция против сатурниан...

Аякс выключил новости на середине фразы и стал тереть лоб онемевшими кончиками пальцев. То, что пара гигантских амёб приняла вид Аякса и Эмилии, склонила на свою сторону Третьего Наименьшего Вуджа и объявила их самозванцами, было уже очень плохо. А теперь они, вдобавок к уже упомянутому, стали еще и изменниками, предателями и преступниками! Черт! Когда кажется, что хуже уже быть не может — вуаля! Судьба преподносит новый сюрприз и оказывается, что прежде она только разминалась...

VII

Аякс Калкинс сел в пилотское кресло и выключил автопилот. Схватив рычаги ручного управления, он повел корабль по головокружительной дуге — не обращая внимания на режущий слух скрип стали, из которой сделан каркас корабля, доведенной до предела прочности... и «Судьба», как бешеный метеор, со свистом понеслась к Сатурну и сбежавшему королевству.

— Аякс? Куда мы направляемся? — взмолилась Эмилия.

— Полетим за ними и вернем мое королевство!

— Как?

— Не знаю, но мы сделаем это. Мы должны это сделать! Если адмирал Креплах догонит корабль-планетоид первым, то разнесет его ко

всем чертям, не дав сатурнианам шанса дотянуться до древнего оружия своими склизкими ложноножками. Если корабль-планетоид окажется внутри радиуса действия сатурнианских пограничных патрулей раньше, чем мы или Креплах доберемся до него, мое королевство и бедный старина Вудж навсегда останутся там. Так что единственное, что нам остается, — догнать Аяксию... и как можно быстрее!

В ровном голосе Аякса появилась новая нотка *настоящей* холодной решимости, заставившая Эмилию взглянуть на него по-другому, посмотреть оценивающим, внезапно восхищенным взглядом. Несмотря на все помпезность, притворство и наигранность, Аякс Калкинс был энергичным, способным и удивительно целеустремленным молодым человеком... или, по крайней мере, мог им быть, когда ситуация вынуждала его отложить в сторону романтические мечты и действительно *что-то сделать*. Тем не менее, Эмилии Хэкеншмидт все же можно простить некоторую недоверчивость...

— Очень хорошо, Аякс, но *сможем* ли мы добраться до Аяксии первыми? Вспомни, что сказал телеведущий. Эскадрилья адмирала Креплаха вылетела час сорок назад!

— Да, но Креплах взлетел со станции МЗКУ на Церере, Эмилия! Мы на много миллионов километров ближе к Аяксии, чем этот... да и вообще Церера находится на другом конце Зоны! Кроме того, могу поспорить на что угодно, «*Судьба*» быстрее всего, что МЗКУ может запустить в космос. А теперь замолчи и не мешай мне управлять кораблем...

Продолжая тревожиться, Эмилия замолчала, откинулась на спинку кресла, достала стимулетту и крутила ее, пока не зажегся самовоспламеняющийся кончик. Она заставила себя успокоиться. И тут она поняла, что, вероятно, Аякс все-таки *сможет* опередить эскадрилью преследования в погоне за сбежавшим королевством! В том, что сказал Аякс о «*Судьбе*», была определенная доля правды... она, действительно, являлась самым быстрым космическим кораблем в мире. В конце концов, будучи одним из богатейших людей мира, Аякс мог покупать лучшее, и он не сэкономил ни цента при постройке «*Судьбы*». Это была стройная, изящная яхта, отлично подходящая для как для атмосферных полетов, так и для межпланетных путешествий на гипердвигателе, чудо высокоточного машиностроения, вытянутый снаряд, ярко выкрашенный в фиолетовый и золотой цвета, являющийся быстрейшим и самым мощным личным космическим кораблем, который только можно купить за деньги. У Эмилии с Аяксом, действительно, был шанс обставить Креплаха и добраться до Аяксии первыми!

Словно сияющая стальная стрела, «*Судьба*» рассекала космос ревушими двигателями. Скорость яхты и так уже была головокружительной, но вместо того, чтобы выключить тягу и позволить кораблю лететь в не имеющей сопротивления среде абсолютного вакуума на максимальной скорости, Аякс не сбавлял мощность. При отсутствии

атмосферы, где нет трения, сделавшего бы дальнейший набор скорости опасным, Эмилия не видела теоретических причин, по которым *постоянное ускорение* не удвоит, утроит и учетверит скорость «Судьбы» на пути к фантастическим пределам скорости света. Разумеется, ни одна известная форма энергии или материи в физической Вселенной не могла преодолеть этот порог... но можно было сказать с уверенностью, что нет никакой нужды в том, чтобы мчаться *быстрее* света. На этом Эмилия прекратила размышлять об огромных скоростях.

Свет покрывал расстояние в триста тысяч километров за секунду! Что составляло невообразимые 1080000000 км/ч ... все верно, миллиард и восемьдесят миллионов километров в час! Даже если «Судьба» наберет хотя бы заметную часть этой ошеломляющей скорости, она опередит любой другой объект в Солнечной системе... к тому же, Сатурн находился меньше, чем в полутора миллиардах километрах от Солнца!

Но... что мешало адмиралу Креплаху провернуть тот же трюк? Почему он не мог постоянно ускоряться, как это делал Аякс?..

Секунду спустя Эмилия поняла, что не давало адмиралу лететь так же быстро. Она подавила усмешку. Все дело было в том, что атомное топливо стоило страшно дорого. Подумайте об этом секунду, и вы поймете, что адмирал, несмотря на блеск цветастой униформы и медали на груди, в целом, является *правительственным чиновником*, а не воином или героем. Он бюрократ, глава отделения, тот, кто, как правило, сидит за столом, и больше привык выпускать постановления, а не ракеты по кораблям неприятеля.

Креплах обучался канцелярщине и экономии расходов со дня поступления на службу. Обширные траты сверхдорогого ядерного топлива станут проклятием его души, его привычный образ мышления отреагирует на мысль о страшно энергозатратном постоянном ускорении так же отрицательно, как и на мысль о предоставлении своим подчиненным дополнительного пятнадцатиминутного перерыва на перекур или о том, чтобы разрешить им использовать служебные счета во время отпуска.

Другими словами, он бы просто никогда об этом не *подумал*!

Но что для такого, как Аякс, короля целого государства, означает потратить немного лишних денег? Когда Аякс только *родился*, у него уже было больше хрустящих бумажек, чем любой нормальный человек мог потратить за всю свою жизнь... так что какое ему дело до цены на плутоний?

– Жми, Аякс, – подстегнула Эмилия. – Дави на газ, подкинь еще уголька, полный вперед, и к черту счет за топливо!

За Астероидной Зоной располагался Юпитер, самая большая планета Солнечной Системы. Кроме множества спутников, гигантская планета с невероятно мощным гравитационным полем за миллионы

лет затянула в сферу своего влияния большое число космических тел, украденных из пояса астероидов, протянувшегося между Марсом и Юпитером. Среди них есть группа, названная Троянскими астероидами, в которую входила Аяксия до того, как сатурниане, замаскированные под Аякса Калкинса и Эмилию Хэкеншмидт, запустили ее древние двигатели. До сих пор так точно и не установлено, принадлежит ли Аяксия и другие Троянские астероиды к системе Юпитера, или все-таки является частью пояса астероидов, однако, существует веский довод в пользу сторонников версии с Юпитером.

Вообще, именно на этот факте основывалось требование Аякса Калкинса признать независимость Аяксии. МЗКУ имела легальную власть над всеми космическими телами от Меркурия до Марса, включая астероиды. Юрисдикция МЗКУ, однако, не распространялась на спутники и астероиды Юпитера, частично потому, что их еще не исследовали и не колонизировали, а частично из-за того, что система спутников представляла собой удобную буферную зону между враждебными сатурнианами и внутренними планетами. Граница была воображаемой линией, проходящей в нескольких миллионах километрах за орбитой Юпитера, и именно к этой линии направлялись сбежавший корабль-планетоид, эскадрилья преследования и «Судьба».

На экранах скоростной яхты Аякса Калкинса, Юпитер был размытым пятном полосатой желтой охры. Рядом с ним в космосе висели тусклые шары трех ближайших спутников Юпитера. Они были едва видны... видны только потому, что их стороны, обращенные к хозяину, отражали его желтоватое свечение.

В верхней части экранов виднелись два больших спутника, Ио и Каллисто, оба открытые Галилеем в незапамятные времена. Хотя казалось, что они были совсем близко друг к другу, на самом деле их разделяло огромное расстояние. Ио являлся вторым ближайшим к планете спутником, находясь в каких-то четырехстах тысячах километрах над атмосферой, а чуть больший Каллисто был пятым ближайшим. На третьей и четвертой орбите находились, соответственно, Европа и Ганимед, которые сейчас были с другой стороны планеты и, следовательно, невидимы.

Третьим и последним видимым спутником была крошечная Алкмена, настоящая загадка, и Аякс жалел, что у него не нашлось времени остановиться и изучить ее. Самый маленький из всех двенадцати спутников Юпитера имел всего лишь двадцать два километра в диаметре, был обнаружен в 1951-ом году С.Б. Николсоном и стал последним открытым спутником Юпитера. Его удивительная загадка, однако, заключается не в его невероятно маленьких размерах, а в том, что, в отличие от всех остальных спутников, он вращался *в обратном направлении!*

«Судьба» пронеслась через систему спутников Юпитера, пропустив самые маленькие, внешние спутники: Семелу, Леду, Антиопу, Данаю

и Тайгету, и полетела во внешний космос, к МЗКУ/сатурнианской границе. Туманная желтая громадина Юпитера осталась позади и быстро уменьшалась, пока Аякс и Эмилия соревновались со временем.

VIII

Наконец, невидимые, ощупывающие космос пальцы радара «заметили» несущийся силуэт сбежавшего королевства Аякса. Аякс навел экраны и получил картинку, убегающего корабля-планетоида.

— Мое королевство! — драматично выкрикнул он, когда чудовищный корабль засиял на бархатном фоне пустоты, как огромный стальной овал. Королевство Аякса, действительно, походило на яйцо, гигантское яйцо несколько километров длиной.

На корпусе корабля-планетоида выделялось всего несколько элементов, таких, как основной шлюз (достаточно огромный, чтобы заглотить космический корабль), находящийся в углублении цельного, гигантского, изогнутого корпуса, и таинственная силовая установка, не выпускающая видимых реактивных струй.

Затем радар просигналил снова.

А вот и Креплах! Как рой злых серебристых пчел, эскадрилья МЗКУ мчалась за гигантским кораблем-планетоидом. Можно сказать, что они летели бок о бок с «Судьбой», но, несмотря на это, кажется, еще не заметили ее. Кто доберется до королевства первым?

Взгляд на акселерометр, — и внимательное изучение данных о средней скорости эскадрильи через доплероскоп, — дали удовлетворительное доказательство того, что «Судьба» быстро нагоняла корабли МЗКУ и очень скоро пролетит мимо них.

Аякс сообщил радостные вести Эмилиии. Однако, она не выразила восторга.

— Что мы будем делать, когда они заметят нас? — тревожно спросила она.

— Не знаю. Но они еще нас не засекали!

— Но ведь засекут же, да? У них наверняка есть такой же автоматический радар, как и у нас...

— Не будь так уверена! — ухмыльнулся Аякс. — Команда калканских техников придумала мою систему сигнализации, спроектировала ее и установила в яхту, согласно моим указаниям. Да, они *могут* заметить нас, но я бы сказал, у нас есть хорошая возможность проскользнуть мимо них прежде, чем зоркие ребята Креплаха поймут, что мы вообще где-то рядом...

На втором экране, пять кораблей преследования нарушили строй и начали быстро приближаться к яхте. Самоуверенное выражение лица Аякса резко помрачнело. Опять ошибся!

— Ну... может быть, мы перегоним их!

Но это тоже оказалось бесполезным, преследователи шли встречным курсом, и любая прибавка скорости со стороны «Судьбы» только ускорит наступление неизбежного...

Аякс стиснул зубы и согнулся над пультом управления.

– Ладно, я перехитрю этих тупиц! – проворчал он через сжатые зубы. – Не говорите *мне*, что эта малышка не может нарезать круги вокруг неповоротливых мусорных баков, которые строит МЗКУ, – я сам проектировал «Судьбу»!

Изящная яхта внезапно изменила направление, нырнув и обогнув отряд преследователей в сложной фигуре высшего пилотажа.

– Держись, Эмилия!

Радио сердито звенело, пока Аякс гнал «Судьбу» вверх и в сторону по восходящей спирали, – очевидно, Креплах хотел знать, кто, черт возьми, пытается попасть на Аяксию раньше него – но Калкинс был слишком занят, чтобы отвечать. Когда преследующие его корабли нарушили строй, чтобы полететь за ним по спирали, он резко развернулся и понесся назад, промчавшись над ними так близко, что фактически срезал головки заклепок у пары ближайших кораблей, без сомнения, до чертиков перепугав пилотов.

Ах, вот это была жизнь! Самому себе неисправимый романтик Аякс Калкинс, теперь казался «Асом» Калкинсом из эскадрильи «Ла-файет», мчавшимся сквозь кипящую ярость напряженной воздушной битвы над французскими полями. Со всех сторон вокруг него жужжали злобные бипланы летающего цирка барона фон Рихтгофена... *если бы только в этом ящике у меня был пулемет* (радостно подумал Аякс), *я бы всех их посбивал!*

Он бросил свой маленький истребитель в крутой вираж, – двигатель зарычал и почти заглох, – и оказался под днищем алого триплана самого фон Рихтгофена, когда... бздыщ!

– Что случилось? – как из тумана спросил Аякс, с треском вернувшись на землю (скорее, на «Судьбу» – Земля была в нескольких сотнях миллионов километров позади).

– Они выстрелили тебе в двигатель, – горько заметила Эмилия.

Аякс решил проверить сам и взглянул на приборную панель. Мощность двигателей быстро падала, и «Судьба» начала выходить из-под контроля, кренясь к огромному шару Юпитера, который сиял под ними, как налитый кровью глаз какого-то взбешенного циклопа.

– О, *нет!* – простонал Аякс.

– О, *да!* – возразила она. – Пока ты упражнялся в воздушной акробатике, один из кораблей Креплаха выстрелил из лазерной пушки и попал нам куда-то в корму.

Поврежденная яхта беспомощно падала на Юпитер по широкой плоской спирали. Корабли преследования покружились еще пару секунд – затем присоединились к остальной эскадрилье и быстро пропали из виду, направляясь к Аяксии.

Сжимая бесполезные рычаги, Аякс вспомнил свое философское замечание о судьбе, отрубавшей голову тесаком в тот момент, когда ты решил, что она всего лишь собралась ударить тебя бейсбольной битой.

Последняя беда заставила его немного переделать афоризм... поскольку судьба только что пришибла «Судьбу» лазерной пушкой.

– Нам точно крышка? – спросила Эмилия.

– Ну... почти, но не совсем. Луч вывел из строя основной двигатель, но у нас все еще есть вспомогательные, так же как передний и боковые маневровые двигатели. Хотя какой от них толк?

– Что ты хочешь сказать?

Аякс ткнул пальцев в Юпитер, ставший большим коричневым щитом с оранжевыми полосами, а не просто сферой, как раньше.

– У этого здоровяка слишком сильная гравитация... вспомогательные двигатели «Судьбы» не могут сопротивляться ей, – угрюмо объяснил он.

Эмилия с выпученными глазами уставилась на Аякса.

– Так что же нам делать? Прекратить наши тщетные попытки захватить Аяксию и попросить Креплаха о помощи? Он же не даст нам разбиться... нас-смерть?..

– Что? Сдаться? Никогда! – Аякс бросил голодный взгляд на органы управления и различные циферблаты, которыми была усеяна приборная панель. – Я что-нибудь придумаю... просто подожди.

Они продолжали падать...

LX

Третий Наименьший Вудж был очень несчастлив. Часами он бродил по своей крошечной каюте в корабле-планетоиде, мечтая о старых добрых днях, когда жил в семейной паутине до того, как потерял работу стажера-водителя автобуса, и столкнулся с мрачной перспективой отречения от родного гнезда за позорную нерадивость. От этого печального события его спас Аякс Калкинс, они быстро стали друзьями, и странный маленький марсианский паук выразил желание следовать за обожаемым лидером до последней ниточки Паутины. Или, как сказали бы мы, до конца космоса.

Но не до *Сатурна*.

Испутив горестный вздох, Вудж подпрыгнул и ухватился за люстру. Обернув восемь мохнатых, суставчатых ног вокруг светильника, он повис вниз головой. Такое положение, каким бы странным оно ни казалось, предоставляло максимальный комфорт существам его расы, хотя мы с вами с легкостью не согласились бы с этим. Вуджу всегда казалось, что вниз головой ему почему-то лучше думалось. Кровь, приливающая к мозгу, очевидно, расшевеливала мыслительный процесс и предоставляла дополнительный стимул и психическую смазку, когда борешься с неподдающейся проблемой.

Долгое время после того, как Вудж объединил свою судьбу с судьбой Аякса Калкинса, они удобно болтались на одной и той же нити. Все шло просто отлично до того самого момента, когда его дорогой правитель и Эмилия Хэкеншмидт вылетели на Землю, чтобы утрясти детали договора между независимым королевством Аяксия и Марсианско-Земным Космическим Управлением. Оставив Вуджа, верного премьер-министра, как полноправного правителя страны, король Аякс умчался в темноту космоса... только чтобы вернуться уже через полдня совершенно иным человеком.

Вудж тяжело вздохнул (и если вы никогда не видели вдоха вниз головой, это душераздирающее зрелище, можете мне поверить). Внезапно храбрый лидер стал совершенно другим товарищем по паутине. Подозрительным. Говорящим притворно сердечным голосом, но осторожным и бдительным. Заявив, что они с Эмилией решили вообще никуда не лететь, они быстро забыли обо всех проблемах, связанных с подписанием договора и провели следующую пару дней, занимаясь подробной инвентаризацией, в основном, необследованных внутренних слоев самоуправляющегося планетоида.

Третьему Наименьшему Вуджу все это казалось очень странным, но некоторое время он считал такое поведение только *кажущимся* странным. В конце концов, короткая карьера водителя автобуса, которую никак нельзя было назвать успешной, плохо подходила к роли премьер-министра, и его знание природы землян все еще было очень ограничено. Взять, к примеру, взаимодействие между различными полами, так часто происходящее среди землян... запутанность взрывной и гиперчувствительной добрачной фазы совместной жизни была слишком сложной для Вуджа, чтобы полностью ее понимать.

У его народа разумных пауков, составлявшего все разнообразие рас Объединенных Существ Марса, все, разумеется, было совершенно по-другому. В течение их добрачного периода, они, откровенно говоря, не знали и не переживали, будут ли они в будущем откладывать яйца или плести паутину. Типичный марсианский паук, с одинаковой вероятностью, мог быть способен и к тому и к другому, и это было невозможно определить заранее.

Вудж все еще был довольно молодым. Когда Аякс снизошел до него (или *ее*, как еще могло оказаться), Вудж еще проходил нечто вроде племенной проверки. Через десяток лет, он (или она) мог достигнуть определенного статуса, который позволит ему попасть в Главную Паутину и Центральную Яйцекладку и объявить о своей готовности вступить в брак с паучихой или пауком. А до этого оставалось только гадать! Вудж относился к своему министерствованию, как к некому второму шансу: провалив первую профессию водителя автобуса, ему выпала еще одна возможность проявить себя – на этот раз в межпланетной политике и дипломатии. Для Вуджа все это было очень волнующим, – он (она) был очень рад, что ему пока не приходилось постоянно уделять

внимание притяжению-отвращению, от чего нельзя убежать в отношениях полов, что так сильно досаждало Аяксу и Эмилиии... (Но давайте будем считать, что Вудж – это «он», поскольку Аякс с Эмилиией полагали именно так.)

Хотя... если так подумать, в этом его дорогой правитель и его дорогая будущая супруга *тоже* недавно изменились. Прежде, чем они поставили Вуджа во главу (так себе формулировка) корабля-государства (в самом буквальном смысле), двое часто уединялись, чтобы посмотреть на звезды или для чего-то другого. И он часто видел, как они стоят так близко друг к другу, что их верхние конечности обвивают грудные клетки друг друга, а пару раз он даже заметил, как их отверстия для приема пищи соприкасались в весьма своеобразной манере. И когда Вудж прерывал их, двое быстро разделялись и становились странным образом смущенными и покрасневшими. Это было совершенно необъяснимо, но он считал это еще одной непонятной привычкой млекопитающих.

Однако, с тех пор, как Аякс и Эмилиия внезапно и столь неожиданно вернулись, они полностью изменились в этом отношении, даже не пытались выдумать какой-нибудь предлог, чтобы уединиться, и прикасались к друг другу только по чистой случайности.

Вудж снова вздохнул. Все это было так странно!

Утомившись висеть вниз головой, Вудж спрыгнул с люстры и доковылял до устройства внутренней связи. Он чувствовал себя таким жалким и был так удручен горем... возможно, беседа с дорогим правителем поднимет его настроение (поскольку, с тех пор, как Аякс великодушно усыновил Вуджа, маленький паук начал думать о себе, как о «нем» и, можно сказать, объявит себя прядильщиком, когда, наконец, окажется у Главной Паутины).

Телефон звенел и звенел, но в рубке никого не было. В отчаянии Вудж засеменил по коридору в поисках короля. Вне всякого сомнения, он снова будет отторгнут Аяксом, который после своего возвращения, кажется, нарочно избегает Вуджа, не желая слушать его советы... даже такое важное решение, как последнее, при котором королевство присягнуло на верность сатурнианам и храбро покинуло пространство МЗКУ... даже *это* решение Аякс с Эмилиией приняли сами, без всякого «с вашего позволения, Его Величество Премьер-Министр»!

Восьминогий Вудж шел дерганой походкой, характерной для всех пауков из общества Объединенных Существ, по длинному центральному коридору, разделявшему яйцевидный планетоид на две полусферы, словно нож, разрезавший апельсин надвое, проходя комнату за комнатой неизвестного предназначения, каюту за каютой, набитой таинственным оборудованием, артефактами и механизмами, созданными другой расой с непонятной целью. Только благодаря удивительному стечению обстоятельств, удалось обнаружить местонахож-

дение и понять принцип работы системы управления двигателями корабля-планетоида.

Центр управления или «мостик» (как называл его дорогой лидер) был сосредоточением всех систем управления. Его буквально покрывали и усыпали циферблаты, переключатели, панели, рычажки, приборы, средства связи и электрошины под напряжением. Часть из них управлялась автоматикой – например, те, что регулировали поступление воздуха, тепла, света и воды. Другие – как еще не до конца понятые защитные системы и оборонительные механизмы – были запрятаны среди кучи странно маркированных циферблатов и кнопок.

Только удача – случайно сдвинутый локтем рычажок – запустила главные двигатели. Пара часов осторожных, предусмотрительных экспериментов научили включить и выключать силовую установку, а также управлять гигантским кораблем. Сразу после открытия, Аякс с Эмилией объявили о том, что они присоединяются к сатурнианской империи, и – даже не посоветовавшись с Вуджем и не спросив его мнения – увели корабль с орбиты и начали долгий, долгий полет к Сатурну.

Выйдя из коридора, Вудж пошел по узкой дорожке, тянущейся над действительно огромным помещением, таким большим, что туда влезло бы несколько дирижаблей и еще осталось место для десятка-другого слонов, если понадобится. Этот вместительный зал был самым большим складским помещением из тех, что им удалось найти среди сотен кают и отсеков, которыми был заполнен корабль-планетод. Здесь недавно изменившиеся Аякс и Эмилия изолировались на много часов, пытаясь понять природу и предназначение механизмов ошеломляющей сложности, занимающих почти весь гигантский склад. Вудж остановился на узкой дорожке и важно взглянул вниз на несколько хорошо запомнившихся объектов, над которым они долго ломали головы, но так и ничего не выяснили.

Например, какой мыслимой цели служит система концентрических сфер из нефрита молочного цвета? Или серебристый цилиндр, стоящий на толстых катушках цвета меди? Или огромная система странным образом изогнутых зеркал, установленных вокруг излучателя света в центре? Маленький марсианин наморщил нос в форме пуговицы. *Загадок становится все больше и больше*, подумал он.

Это конкретное устройство, – аппарат с зеркалами, – работало с мостика. Система управления им тоже была обнаружена по чистой случайности. Когда однажды Вудж лениво протирал пульт управления, чтобы казаться полезным в глазах странно изменившихся хозяина и хозяйки, то случайно вдавил одну из нескольких больших плоских алых кнопок на круглой голубой панели. Занимавшаяся тогда инвентаризацией неизвестных механизмов на огромном складе, Эмилия взвизгнула, потому что машина с зеркалами затрещала и загремела, а ее отражатели выстроились в странном и на вид бессмысленном порядке вокруг шара, утыканного трубками. В надежде получить подсказку, как

управлять странным устройством, Вудж быстро, но нельзя сказать, что обдуманно, надавил на еще одну большую красную кнопку. Из одной из трубок вырвался луч яркого света и отразился от серии зеркал... но, казалось, не вышел оттуда, и Вудж, наконец, прервал, дальнейшие, возможно, рискованные эксперименты...

— Ох! Ох, Великая Паутина! — ахнул Вудж, а взгляд десятка его зеленых глаз внезапно приковало к совершенно неожиданному и захватывающему зрелищу. Он затаил дыхание, застыв от искреннего удивления и потрясения.

Там, далеко внизу под его высокой, удобной точкой наблюдения, Вудж вдруг увидел то, от чего шерсть у него на загривке встала дыбом. В иступлении он сжал вместе сразу несколько пар рук, не смея отвести ни одного глаза от ужасной сцены, разыгрывающейся далеко внизу под дорожкой, на которой он стоял.

X

Пока Вудж собирался с мыслями, его глаза обшаривали заставленный механизмами зал. Внезапно он заметил Аякса и Эмилию, занятых распаковыванием сумасшедшего устройства, походившего на горку алюминиевых макарон, созданных безумным поваром, клубок блестящих шипов и переплетенных металлических петель и завитков одновременно. Осторожно поднимая странный объект с подставки из пластиковой пены, Аякс уронил тяжелый механизм, и закончилось это тем, что один из торчащих стержней с гулким стуком ударил его по плечу.

И вся левая рука Аякса отвалилась.

Эмилия, явно ничуть не встревоженная такой органической катастрофой, спокойно поставила громоздкую машину на пол, подняла оторвавшуюся конечность и хладнокровно отдала ее такому же спокойному однорукому Аяксу, который ловко вставил конечность в плечевой сустав. Он постоял так с минуту, занятый нелепым прикручиванием руки, словно она была куском водопроводной трубы.

Вудж закрыл глаза, затем открыл все левые глаза, закрыл их, открыл правые, закрыл их, открыл и левые и правые. Ничто не помогло. Ужасная картина ни капельки не изменилась. Аякс спокойно стоял и прикручивал руку, которая медленно вращалась, пока он ее поворачивал, а запястье свободно болталось. Надежно закрепив конечность, он пару раз дернул за нее другой рукой и, как ни в чем не бывало, вернулся к работе.

Вудж простонал.

В то время, как он, действительно, очень мало знал о землянах, уж в этом-то он был уверен: у землян руки *так* просто не отваливаются. А если конечность все-таки отрывается и падает на пол, ее хозяин не воспринимает это так спокойно, словно у него упал со стола карандаш.

Да и вообще, вспомнив тот раз, когда Аякс случайно ударил молотком себе по пальцу, и то, как бедный король потом кричал от боли, прыгая по комнате и размахивая пострадавшим пальцем, Вудж предположил (верно), что при внезапной потере всей руки может возникнуть определенный телесный дискомфорт.

Так происходит с жителями Земли. В этом сомнений не было.

Следовательно, Аякс – или тот, кто находился внизу и *выглядел* в точности, как Аякс – был не настоящим Аяксом и даже не другим землянином, *притворяющимся* Аяксом.

И уж точно он не был (и тут верный Вудж, разумеется, мог говорить, исходя из личного опыта) членом общества Объединенных Существ Марса, которые весьма чувствительные к физической боли, кроме, возможно, людей-белок. На памяти марсиан ни одна разумная белка не бодрствовала уже давно, чтобы подтвердить или опровергнуть этот факт – весь род впал в спячку сорок семь миллионов лет назад, когда Красная Планета начала охлаждаться до замороженного состояния, в которой они пребывают и по сей день, настолько разумные белки развили это умение.

Вывод мог быть только один: Аякс – это *сатурнианин*. В Солнечной системе просто никого больше не было! Разумеется, не считая людей-кабачков с Деймоса. Но они никогда никому не мешали. Эта раса занималась тем, что прозябала уже много тысячелетий.

Аякс, конечно же, не всегда был сатурнианином. Вудж был уверен, что он бы заметил... если так подумать, Аякс не мог являться сатурнианином, когда ударил себе по пальцу вышеупомянутым молотком. Следовательно (Вудж подвел итог, рассуждая логически, за какую способность его король был широко известен в межпланетных кругах)... следовательно, заключил он, в какое-то время после эпизода с молотком, *настоящего* Аякса подменили Аяксом *ложным*.

И (очевидно!) то же самое произошло и с мисс Эмилией Хэкеншмидт. Поскольку, будь это настоящая Эмилия Хэкеншмидт там внизу, можно было ожидать немного менее флегматичную, скорее, даже очень бурную реакцию, когда Аяксу оторвало руку.

Два человека внизу были *не* его хозяином и хозяйкой, а *сатурнианскими* шпионами.

Это, без сомнения, объясняло странное, совсем не похожее на прежних Аякса и Эмилию, поведение после внезапного возвращения пару дней назад.

Получается, *настоящие* Аякс и Эмилия так и не вернулись на корабль-планетоид и все еще были на Земле.

Значит – и тут сердце Вуджа замерло, он начал понимать всю чудовищность своего поступка! – значит, когда двое самозванцев, которым он угрожал серьезным наказанием, позвонили ему сегодня... *они были настоящими Эмилией и Аяксом!* Станный марсианский разум Вуджа помутился от важности всего этого.

– Простит ли меня дорогой правитель, – печально прошептал он. – Я назвал его преступником и самозванцем... Увы! На этот раз я порвал паутину навсегда! Древняя семейная паутина больше никогда не увидит моего лица, и пусть все мои яйца станут взбитыми за мою непростительную ошибку! А если я хоть раз осмелюсь поставить лапу на Паутину Предков, она завибрирует, и все узнают о моем позоре! *На мне лежит пятно позора! Позора...*

На секунду Вудж уступил несдержанным гореваниям, но маленький паук был не таким мягким. Говоря метафорически, он решительно расправил все восемь плеч.

– Ошибка моя и только моя, – тихо, но уверенно пробормотал он. – Я должен был понять, если подумать об этом сейчас, что ни один самозванец – вне зависимости от того, *как* хороша его маскировка – не смог бы угадать кодовую фразу, о которой мы с хозяином условились в полной секретности! Тем не менее, в то время, когда он позвонил, абсолютно естественным предположением оказалось ... в конце концов, дорогой лидер и его будущая партнерша по гнезду были прямо в соседней комнате!

Вудж решительно поднял мохнатый подбородок. Из-за его беспечности, королевство Аяксия погрузилось в темные времена. Оно уже почти оказалось в руках (скорее, ложноножках) сатурнианской империи, вместе с несметными научными сокровищами и оружием, которыми без сомнения был набит корабль-планетоид. И только один Вудж виноват в этом.

Следовательно, именно ему придется что-то с этим *сделать*.

– Не бойся, дорогой правитель, Вудж будет защищать государство до последней капли своей верной крови! – мрачно объявил он.

XI

«Судьба» медленно плыла к огромному шару Юпитера. Силуэт гигантской планеты занимал больше половины неба. Он сиял тусклым светом, а его поверхность кипела вихрями чудовищных потоков метана и аммиака, залитых странным свечением. Колоссальные полосы разнообразных цветов протягивались от горизонта до горизонта: янтарные, темно-коричневые, более светлые полосы бледно-кремового цвета, ярко-желтые, кроваво-красные и оранжевые. Ширина каждой из этих полос измерялась в тысячах километров, а некоторые из них были такими невероятно большими, что вся планета Земля могла погрузиться в них и бесследно исчезнуть.

В сравнении с этим, «Судьба» казалась крохотной точкой, пылинкой в бесконечности космоса. Кипящая, закрытая облаками поверхность верхних слоев атмосферы ревела тысячекилометровыми штормами, силу которых наблюдатели, выросшие среди игрушечных бурь крошечной Земли, даже не могли представить. Титанические струи

бурлящего газа вырывались с непрозрачной поверхности под невероятным давлением: в этих гигантских потоках, Земля стала бы крупной кружащейся пылью.

Химический дисбаланс атмосферы Юпитера вызывал грозы, чью ярость было невозможно ни описать, ни с чем-либо сравнить. Энергия, высвобождаемая при каждом разряде громадной мощности, могла обеспечить электричеством целый мегаполис практически на месяц. А размер этих молний был воистину гигантским: вспышки энергии сверкали над безднами, в которых Атлантический океан мог уместиться несколько десятков раз.

Эмилия Хэкеншмидт тихонько вздрогнула и закрыла глаза, чтобы не видеть Природу в одном из ее самых ужасных проявлений. Она знала, что их шансы выжить в таком катаклизме мизерные. Если изящная маленькая яхта упадет в верхние зоны кипящего вихря, она разлетится на атомы за считанные секунды. Ничто, созданное человеком, вне зависимости от прочности, не выдержит мощнейшие силы, бушующие внизу. Она повернулась к Аяксу с беспомощным видом.

— Что нам делать? Ну, придумай хоть что-нибудь! — в отчаянии спросила она.

Именно в такие моменты в Аяксе Калкинсе просыпалась лучшая его часть.

— Есть только один шанс, — задумчиво ответил он. — Должен признать, очень призрачный шанс, Эмилия, но все лучше, чем ничего.

— Что у тебя на уме?

— Вот что. Нас тащит прямо в этот кипящий ад — без главного двигателя у нас нет сил, чтобы бороться с этим притяжением, и мы не можем вернуться на стабильную орбиту. Но... вспомогательный и маневровые двигатели в сумме должны дать нам достаточно мощности, чтобы уйти в *сторону*...

Эмилия, очевидно, не поняла, что Аякс имел в виду под этим словом.

— В сторону? Зачем? В сторону чего?

— Одного из спутников, — спокойно ответил он.

Ее голубые глаза засияли, когда она осознала всю простоту и изящность этого плана.

— Аякс! — воскликнула Эмилия. — Какая чудесная мысль! Конечно... это так логично, что у меня захватило дух!

— Ерунда, — ухмыльнулся он. — У меня таких миллион! А теперь поднимайся со своего места и найди нам спутник. Быстро!

Она вскочила. В МЗКУ Эмилия прошла полный курс по управлению космическими кораблями и знала, как обращаться с большинством самых навороченных агрегатов, разработанными с использованием последних научных достижений. Она ловко повернула колесо и начала процедуру поиска.

— Либо все получится с первого раза, либо никогда, — натужно заметил Аякс. — Нам нужен спутник с таким же восхождением, как у

нас, который был бы прямо перед нашим носом... у нас слишком мало топлива, чтобы долго противостоять притяжению этого чудовища...

– Нашла! – воскликнула Эмилия. – Восхождение двадцать и четыре...

– Не пойдет. У нас шестнадцать и один, мы не сможем подняться так высоко. Ищи другой.

Внезапное облегчение, порожденное прекрасным планом Аякса Калкина, придало Эмилии праздничную веселость. Хотя они еще даже близко не миновали скорую гибель, она чувствовала уверенность и радость.

– Вот и другие! – пропела она. – Выбирай: Семела, восхождение восемнадцать и два... или маленькая старая Алкмена, снизившаяся до тринадцати и шести?

– Семела нам даром не нужна, – невежливо ответил Аякс, – а вот Алкмена – то, что доктор прописал. Теперь скажи, какое до нее расстояние – поторопись, мы стали падать еще быстрее!

Эмилия зачитала числа, и он облегченно выдохнул.

– Хорошо, я выбираю Алкмену – эту чудачку, что вращается в обратную сторону, если я правильно помню. Ну, начнем...

Аякс переключил гироскопы на ручное управление и рванул корабль назад, включив маленькие вспомогательные двигатели на максимум. Они начали издавать пронзительный вой, постепенно переросший в жужжание, звучавшее так, как баритон Метрополитен-Опера полоскал бы горло. Поначалу их падение едва заметно замедлилось, затем, постепенно, появилась боковая скорость. Качаясь из стороны в сторону на аварийных двигателях, маленький корабль боролся с чудовишным притяжением самого большого гиганта Солнечной системы после Солнца.

Метр за метром они сдвигались в сторону. Знаменитое Красное Пятно, бескрайний океан кипящего красного газа, сердито смотрел на них, как глаз злобного циклопа. Гигант ревел громовым голосом, он был голоден и видел, как сочная стальная пылинка сбегает от него.

Алкмена, загадочный спутник, целый век сбивавший с толку астрономов, уверенно надвигался.

Главный двигатель, разумеется, работал на плутониевых слитках. Вспомогательные двигатели в хвосте и маневровые двигатели, опоясывающие корабль в средней части, использовали сильно сжатое химическое топливо, и потому время их работы было строго ограничено. Полет до Алкмены, как рассчитал компьютер, придвигал границу безопасности очень близко. Аякс держал этот неприятный факт при себе, не видя смысла пугать Эмилию. Но это станет душераздирающей трагедией, если двигатели сдохнут раньше, чем яхта окажется в гравитационном поле Алкмены – душераздирающей и кораблераздирающей, если уж так говорить.

Аякс стиснул зубы и колдовал над рычагами, пытаясь выжать все до последнего эрга из быстро заканчивающегося запаса источника движения в баках. Проблема была в том, что Алкмена – *чертовски* маленькая – всего двадцать два километра в диаметре – и ее гравитация ничтожна по сравнению с чудовищным притяжением голодного обжоры внизу. Им придется успеть подобраться к загадочному маленькому спутнику очень-очень близко прежде, чем вырубятся двигатели, иначе Юпитер сожрет их.

Аякс потел весь короткий, но очень напряженный полет.

Алкмена росла на экранах, но с мучительной медлительностью. Определенно, она являлась неровным куском астероидного камня... Гм-м, что это еще за странный звук...

– *Аякс!* – вскрикнула Эмилия, когда корабль тошнотворно накренился.

Одновременно с этим, двигатели закашляли... зашептали... затем замолкли совсем, и все погрузилось в оглушающую тишину. Аякс почувствовал, как сердце, или какой-то большой комковатый орган, поднялся к горлу, затем упал в пятки, как свинцовый шар.

Близко, но увы!..

– Храбрись, мисс Хэкенвэкен, – сказал Аякс.

Они падали, как камень... или *нет*?

Он дважды посмотрел на приборы и почувствовал, как сердце вернулось на привычное место. *Они больше не падали!*

– Что происходит? – потребовала Эмилия.

– Понятия не имею! Но нас тащит гравитационное поле Алкмены... хотя ни у одного спутника такого размера нет и пятидесятой части *подобного* притяжения... – его глаза заблестели от любопытства.

– А *теперь* что? – резко спросила Эмилия.

– Не спрашивай меня! Но счетчики Гейгера либо совершенно спятили, либо тут такая радиация, что можно зажарить целый вагон страусиных яиц!

– Ну, – немного растерянно сказала она, – в космосе и должна быть мощная радиация, разве нет?

– Да... но не такая, чтобы вогнать стрелки приборов в красную зону!

Аякс быстро включил специальный глушитель. Это устройство создавало магнитные поля, которые накладывались друг на друга и окутывали «Судьбу», ловя и поглощая, как огромная «губка», альфа, бета и гамма излучение, регистрируемое счетчиками Гейгера. Без этой защиты, сам корпус корабля скоро стал бы опасно загрязненным, так сильно было радиоактивное излучение там, где оказался корабль.

Впереди, заполняя небо, висела, точно парящая скала, крошечная Алкмена, а свет Юпитера ярко золотил ее неровный обод. Они полетели к спутнику. Когда они оказались уже совсем близко, Аякс запустил гироскопы и повернул корабль. Он выработал топливо маневровых двигателей только с одной стороны и теперь задействовал

оставшиеся, чтобы совершить «мягкую» посадку на спутник. Его гравитация, возможно, была слабой по земным меркам, но невероятно мощной, если подумать, какой слабой она *должна* была быть по всем законам физики двадцать первого века.

Загадочная маленькая Алкмена поддерживала свою репутацию...

– Ну, вот мы и на месте, – вздохнул Аякс с облегчением. – И без единого ведра плутониевых слитков, чтобы убраться отсюда. Может, свяжемся с МЗКУ и попросим о помощи?

– Видимо, придется, Аякс, – с кислым лицом ответила Эмилия. – Другого выхода не... *что это?*

«*Это*» было шестиметровым роботом, стоящим перед носом корабля и вглядывающимся в иллюминатор рубки. Аякс чуть не упал в обморок. Эмилия обвила рукой его за шею и сумела удержать на ногах.

– Аякс, ты идиот! Не время отключаться – сделай хоть *что-нибудь!*

– Икк, гикк, – ответил он, выражая мнение по поводу того, как Эмилия схватила его за шею.

Когда она убрала руку, он плюхнулся в кресло пилота и настроил экраны на вид спереди.

Да, робот по-прежнему стоял там. И более похоже, что он все же *восемиметровый*. У него было несколько рук, – или каких-то отростков – торчащих со всех сторон корпуса. «Голова» с множеством трубок с линзами, торчащими из передней ее части и боков, больше *всего* напоминала телевизионную камеру. У робота было три ноги – как у треноги – что при ходьбе придавало ему вид пьяного богомола. Все вместе составляло страшный кошмар ожившего механизма. По крайней мере пока, робот ничего особенного не делал – только вглядывался внутрь корабля. Но если ему взбредет в голову вскрыть этот загадочный стальной грецкий орех, необходимое оборудование у него точно найдется. Вообще, по меньшей мере, две руки робота напоминали электродрели, а в другой руке, торчащей из спины, было нечто, пугающее похожее на мощный лазерный резак.

– Шшш! Пошел отсюда! – замахал руками Аякс.

– Да, *это* уж точно прогонит его, – едко заметила Эмилия.

– Ну, а ты что хочешь? Чтобы я вышел наружу и нокаутировал этого металлического Кинг-Конга? – Аякс взглянул на нечто и снова содрогнулся...

– Эй! Посмотри – *это* сработало! Чудище обиделось и ушло!

И действительно, через несколько секунд гигантский робот скрылся за камнями. Аякс засуетился.

– Что ты собрался делать? – потребовала Эмилия.

– Связаться с МЗКУ и сдать. Лучше уж пара лет в тюрьме на Деймосе, чем милые сюрпризы Алкмены. Могу поспорить, за последние полчаса я постарел лет на двадцать. Эмилия, проверь, есть у меня на затылке седые волосы...

– Ой, кончай придуриваться и хоть на секунду стань *взрослым*.

– Я *серьезен*, черт побери! Мы уберемся отсюда, как только МЗКУ сможет выслать нам уютный тюремный корабль...

Эмилия успокаивающе погладила Аякса по румяной щеке.

– Тихо, тихо, расслабься, Аякс, и выключи эту дурацкую рацию. Вызвать МЗКУ мы всегда успеем...

– Да? Ну, у тебя не будет времени даже вскрикнуть, если этот ходячий металлолом вернется со своими друзьями и решит вскрыть нашу консервную банку!

– Нет, послушай, Аякс, я тут подумала...

– Ну? – подозрительно потребовал он.

Ему не понравился задумчивый тон ее голоса.

– Если тут такая сильная радиоактивность, как ты говоришь... и если единственное, почему мы тут беспомощно застряли – недостаток плутония... – Эмилия вопросительно подняла бровь.

У Аякса чуть не отвалилась челюсть. А в выпученных глазах засиял трепет.

– Бог мой, Эмилия, ты гений! Почему я об этом не подумал? Мы проведем анализ почвы и все узнаем. Если в здешних залежах достаточно высокое содержание плутония, мы все-таки сможем выбраться отсюда... причем самостоятельно.

Он вскочил с кресла и бодро зашагал в грузовой отсек.

– Аякс? Я надеюсь, ты не собираешься надеть скафандр и выйти наружу при такой мощной радиации?

– У меня тут есть ремонтные роботы с полным набором оборудования для внешнего наблюдения. Заказал парочку таких, когда решил сделать «Судьбу» полностью автоматизированной. Эти роботы связаны с бортовым компьютером корабля и ими можно управлять изнутри. Ага... вот и он!

XII

Уже довольно скоро робот был готов. Он значительно уступал в размерах алкменскому чудовищу, заглядывавшему в иллюминатор и затем удалившемуся прочь, но был лишь чуть-чуть ниже Аякса. Аякс сел в кресло с откинутой спинкой и надел на голову специальный шлем с визором. Пульт управления роботом лежал у Аякса на животе. Аякс немного повозился с рычажками и кнопками, как бы разогреваясь, затем быстро нажал на несколько клавиш. Робот вошел в шлюз, открыл люк и вышел на поверхность спутника.

Это было странное ощущение... визор закрывал лицо Аякса, а широкоугольные объективы в голове робота, передающие все, что тот видел, создавали ощущение нахождения «внутри» робота. Аякс повернул голову (что также вращало ту часть робота, где были установлены камеры) и хорошенько осмотрелся. Затем, не заметив ничего ин-

тересного, подозрительного или странного, нагнулся, зачерпнул ведро грунта и, развернувшись, потопал к кораблю.

Аякс поднял визор, поставил робота в режим ожидания, затем погрузил образцы минералов в химическую ванну, а потом в центрифугу. Компьютер провел быстрый анализ и с тихим звуком выплюнул результаты из узкой щели. Аякс прочитал ленту и ошарашенно плюхнулся на кресло.

– Что, все так плохо? – смирившись с худшим, спросила Эмилия.

– *Плохо?* Как бы не так! Такие новости заставляют меня пожалеть, что я мультимиллионер. Хотел бы я быть просто бедным старателем, – печально заметил он.

– Что *это* еще значит?

– А значит это, моя дорогая мисс Хэкенвэммер, что весь этот чертов спутник – один большой кусок зеленого сыра... я хочу сказать, *урана*.

– Правда?... – тихонько спросила она.

– Правда! И такого высокого качества, что эта руда, как деньги в банке. На глазок могу прикинуть, что все, что мы тут видим, стоит... ну-ка... сколько, ты бы сказала, составляет совокупный капитал Европы, Азии, и Северной и Южной Америки?

– Но... может быть, это только те камни, что ты подобрал? Я имею ввиду, есть ли причина полагать, что весь этот чертов *спутник* состоит из такой же руды?

– Разуй глаза, моя дорогая! На этих образцах отчетливо видны полосы... анализ показывает, что это высококачественный уранинит, содержащий свинец, гелий, радий и огромный процент триоксида урана. И, – сказал Аякс с ударением, смакуя каждое слово, – весь ландшафт покрывают эти характерные полосы, разве ты не понимаешь! Эмилия, мы сидим на золотом руднике – я хотел сказать, на урановом – что просто поражает воображение!

– О, боже, – тихонько произнесла она.

– Вот именно. *Неудивительно*, что тут такое мощное гравитационное поле! Спутник, вероятно, представляет собой кусок ядра исчезнувшей планеты!

– Поподробнее насчет последней фразы, Аякс.

– Я имею в виду, – терпеливо начал он, – хорошо известный факт, что *тяжелые* металлы такие, как радиоактивные, обычно находятся в ядрах планет, а не плавают у самой поверхности, если так можно выразиться. Так вот, – продолжал Аякс, – когда миллионы лет назад исчезнувшая Пятая Планета взорвалась, этот астероид, наверное, был двадцати двух километровым куском радиоактивного вещества *ядра* той планеты! Когда она взорвалась, этот кусок попал в гравитационное поле Юпитера и навечно остался на его орбите в качестве спутника. Поэтому... совсем не удивительно, что это единственный спутник Юпитера, вращающийся в другую сторону! Остальные спутники – *настоящие*, а этот несся в противоположном направлении, вы-

брошенный в космос взрывом планеты астероидян, когда гравитация Юпитера замедлила его полет и превратила прямую траекторию в замкнутую орбиту.

Для Эмилиии это было уже чересчур, но Аякс, очевидно, находился в своей стихии и, кажется, знал, о чем говорит. (Вообще-то, Аякс являлся современным, просвещенным монархом, и, готовясь к карьере короля, он глубоко изучил естественные науки, твердо веря, что любой король в наши дни обязан разбираться в таких предметах, как астрономия и физика.)

– Ну... это же отлично, Аякс, я уверена... но сейчас нам нужно починить двигатель и заправиться. А наши двигатели могут *работать* на уране? Я думала, реактор яхты разработан под плутониевые слитки.

– Все верно, – кивнул Аякс, – но не волнуйся. Все, что нам надо, – достать немного здешней руды и слегка ее очистить. Плутоний *делается* из урана, как ты знаешь, – производится – в природе его не существует. Если мы сможем выделить достаточно урана-238, а с таким количеством руды на спутнике, я уверен, что сможем, то просто облучим вещество нейтронами, и оно распадется на нептуний.

– Нептуний? А как насчет плутония?

– Всему свое время, дорогая. Бомбардировка нептуния атомами дейтерия даст нам много плутония... потом, чтобы получить нужный изотоп, плутоний-239, нужно облучить его нейтронами, что сопровождается спонтанной эмиссией наших любимых бета-частиц... – радостно насвистывая, Аякс замолк, рисуя схему процесса в блокноте.

– Ох...ух... Аякс.

– Ммм?..

– Аякс. Если хочешь, чтобы наш Питомец накопал нам топлива, лучше отправь его прямо сейчас.

– Гм-м? К чему такая спешка, дорогая?

– Потому что этот жестяной Франкенштейн вернулся, прихватив с собой пару десятков приятелей. И мне кажется, что его намерения весьма серьезные...

Аякс испуганно поднял голову. И действительно... из-за близкого горизонта крошечной Алкмены показался любознательный гигантский робот в сопровождении целой гремющей толпы его соратников. На обездвиженную «Судьбу» надвигалась лавина роботов с горящими глазами.

XIII

Вудж прошел по узкой дорожке, затем через лабиринт коридоров, чтобы попасть в центр управления. Это был мозг суперкорабля размерами с астероид, место, набитое множеством всяческого оборудования. Стены покрывали мигающие лампы и многочисленные панели с загадочными кнопками с подписями, сделанными странными, до сих

пор не расшифрованными иероглифами астроида. Аякс, Эмилия и Вудж сумели понять предназначения лишь немногих – очень немногих – систем корабля. Сотни других все еще находились за гранью понимания.

Маленький паук осмотрелся, пуговица его носа наморщилась с упрямой решимостью. Ему и только ему придется вырвать корабль-планетоид из рук предприимчивых сатурниан... но вопрос был в том, *как* это сделать?

Разумеется, он мог выключить главные двигатели и запереть рубку. Но несколько секунд напряженных размышлений убедили его, что тот план мало чем поможет остановить амебовидных шпионов. Силовая установка *уже* была выключена, и корабль-планетоид летел прямо к Сатурну. И, к несчастью, Вудж не знал об управлении двигателями столько, чтобы суметь изменить направление полета, развернуть корабль-планетоид и увести его назад на территорию МЗКУ. Это было оплошностью, но совсем не его, потому что экспериментами с двигателями, в основном, занимались Аякс с Эмилией. Все ради *этой* идеи...

В голове у маленького существа зародилась еще одна мысль. Как только Аяксия доберется до территории сатурниан и выйдет на постоянную орбиту вокруг планеты с кольцами, возможно, Вудж каким-то образом сможет вывести из строя сатурнианских самозванцев и запереть шлюзы, чтобы сатурниане не смогли войти. Поскольку шлюз управлялся с мостика, это казалось хорошим планом. Но *как* запереть или вырубить двух амеб, принявших вид Аякса Калкинса и Эмили Хэкеншмидт? Вот в *чем* вопрос...

Вудж решил, что пока корабль-планетоид еще не долетел до Сатурна, он будет притворяться, будто верит, что два шпиона, действительно, являются его хозяином и хозяйкой...

После встречи с эскадрилей преследователей, Аяксия беспрестанно продолжала свой размеренный полет. Казалось, осмотрительность переборола природную доблесть вице-адмирала Милтона А. Креплаха, поскольку вспыльчивый командир приказал своим кораблям не преследовать сбежавший планетоид за границей между МЗКУ и сатурнианской империей. Фальшивые «Аякс» с «Эмилией» наблюдали, как эскадрилья МЗКУ разворачивается и улетает домой, словно стая трусливых щенков, поджавших хвосты, если так можно выразиться. Вудж тоже внимательно на них смотрел, пока двое шпионов радостно смеялись и едко комментировали поведение командира МЗКУ. Вудж тихо вздохнул. Он надеялся, что, возможно, адмирал Креплах не станет обращать внимания на границу, продолжит преследования и захватит убегающий астероид. Но, увы... никто не поможет Вуджу вырвать корабль-планетоид из сатурнианских рук (или щупалец). Ему все придется делать одному.

У него было много времени на раздумья и выбор подходящего курса действий. Сатурн находился более чем в шестистах миллионах километров за Юпитером, и это огромное расстояние, если задуматься. Корабль-планетоид, разумеется, обладал мощными двигателями, но им приходилось таскать огромный вес. Планетоид был тяжелее, чем все остальные космические корабли в Солнечной системе вместе взятые, а ни одна силовая установка – даже те электронные гиганты в центре Аяксии – не может одновременно нести такой вес и устанавливать рекорды скорости. Следовательно, полет будет долгим, скучным и медленным.

Большую часть времени Вудж избегал «Аякса» и «Эмилии», чтобы уменьшить возможность сказать что-нибудь не то и не дать им понять, он знает, что они лишь пара замаскированных медуз-переростков. Делать это было весьма просто, поскольку «Аякс» и «Эмилия» также избегали его общества, чтобы, в свою очередь, тоже не сказать что-нибудь не то и не выдать, что *они* всего лишь пара замаскированных медуз-переростков. Поэтому большую часть невероятно долгого полета два сатурнианина и марсианский паук осторожно обходили друг друга. Это было бы забавным зрелищем, если бы кто-нибудь его наблюдал.

Вудж проводил дни, слоняясь по своей каюте, размышляя о том, где находятся настоящие Аякс и Эмилия, и что с ними происходит. Но это не помогало ему успокоить свой разум, поскольку он не располагал никакой информацией. Однако смутно представлял, с чем могли столкнуться его дорогой король и его будущая королева, поскольку подслушал презрительное объявление лже-Аякса о том, что они присягнули на верность сатурнианской империи. Вудж был достаточно сообразительным, чтобы догадаться, что, если настоящие Аякс и Эмилия не успели скрыться, то их отправят в тюрьму, как преступников и предателей. Это было ужасно нечестно по отношению к обожаемому монарху, и грустящий маленький паук был преисполнен решимости сделать все возможное, чтобы отомстить...

Каждый день на экранах неизменно висела желтая сфера Сатурна, словно злобный глаз гиганта, который сердито смотрел на летящий через пустоту корабль-планетоид. Знаменитые кольца в это время года были не видны, хотя, возможно, корабль-планетоид приближался к Миру с Кольцами под неправильным углом. Ни одного из нескольких спутников тоже не было видно, по крайней мере, пока. Вудж смотрел, как гигантская планета с каждым днем становится все больше и больше, чувствуя беспокойство и неопределенность. «Аякс» с «Эмилией» тоже наблюдали за приближением, но с удовольствием и радостью. Их искусственные лица ничего не выражали, они не улыбались и не хмурились, но Вудж мог определить настроение по хищному удовольствию в их голосах.

Наконец, настал судьбоносный момент. Сатурн заполнил половину обозримого пространства, словно гигантский кремовый торт. Атмосфера планеты с кольцами была такая плотная и мутная, что был виден только самый верхний уровень экзосферы. В отличие от Земли или Марса, чья поверхность была отчетливо видна из космоса, облик Сатурна скрывался за непроницаемой маской облаков. Облака состояли из вредных, непригодных для дыхания газов, таких, как метан и испарения аммиака, а атмосфера была невероятно холодная – что-то около минус ста сорока трех градусов по шкале Цельсия. По сравнению с такой температурой, даже холодный маленький Марс казался Акапулько в августе, нервно подумал Вудж, вспомнив одну из любимых фраз своего монарха. Он надеялся, что они не станут садиться на поверхность, а останутся на орбите, чтобы произвести разгрузку.

Если учесть все факторы, Сатурн являлся большой, очень странной планетой и был полон удивительных контрастов. Хотя его диаметр в *девять раз больше* земного, гравитация на поверхности лишь чуть сильнее нашей. Это сильно озадачило первую экспедицию МЗКУ и заставило изучить гигант с кольцами с более близкого расстояния. Вскоре космонавты решили, что плотность планеты была очень низкой, и что она сделана из легких элементов с практически полным отсутствием тяжелых минералов. Когда специалисты МЗКУ вошли в контакт с сатурнианскими амебоидами, то узнали, что это так и есть.

Сатурн похож на большой грязевой пирог, и на нем нет ничего тяжелее низкокачественной бальзово-древесиной или картона, поэтому в течение миллионов лет уровень развития технологий сатурниан был очень низким. Но прибытие МЗКУ все изменило, и, как только МЗКУ продало сатурнианам несколько устаревших космических кораблей, предприимчивые амебоиды начали добывать полезные ископаемые на спутниках родной планеты. Например, на Титане, оказавшемся огромной золотой жилой... или, скорее, железной жилой.

Пока помощь МЗКУ не позволила сатурнианам вести разработку недр спутников, они очень остроумно научились использовать природные ресурсы своей негостеприимной планеты. Поскольку атмосфера Сатурна очень толстая и состоит из плотных газов, ее вес просто огромен, и все, что находится на планете, подвергается ужасному давлению. Поэтому исследователи МЗКУ сильно удивились, когда увидели, как крепки могут быть плиты из замороженной грязи... Они такие прочные, что сатурнианские города были почти полностью *построены* из этого вещества.

Вместо металла, разумные амебы использовали лед. Практически все на поверхности Сатурна покрыто толстым слоем метанового или аммиачного льда. Находящийся под огромным давлением, он обладал такой прочностью на разрыв, что первобытные сатурниане использовали его для создания инструментов, механизмов и оружия, как земляне металлы. МЗКУ опубликовало несколько невероятных фотогра-

фий сатурнианских рудников, где ледовые буры использовали, чтобы добраться до залежей чистого шлака.

К несчастью, сатурниане оказались величайшим подражателями в Солнечной системе. За миллионы лет они прекрасно приспособились к первобытному образу жизни, к возведению городов из грязи и к сражениям на мечях изо льда. Но, когда люди МЗКУ пришли и показали им превосходство металлов, сатурниане с радостью приняли на вооружение новые технологии: они вообще добросовестно скопировали все, что создали земляне. Заглянув в историю Человечества, они узнали о средневековых способах ведения войны, затем приобрели имперские амбиции и вознамерились захватить Вселенную. Лидеры МЗКУ могли бы расслабиться, если бы сатурниане не скопировали *все* земные достижения, но было уже слишком поздно. Механизм уже был запущен...

По крайней мере, до сегодняшнего дня планы сатурниан по захвату Вселенной серьезно сдерживались их неспособностью делать что-либо большее, чем просто копировать МЗКУ, и они постоянно были на шаг позади. К несчастью, с могуществом нового непонятого оружия и механизмов древнего астероидного корабля, сатурниане скоро *опередят* земную науку и смогут воплотить в жизнь мечты о покорении Вселенной! Никто не знал, какое оружие можно обнаружить на корабле-планетоиде... но теперь, когда астероид оказался в руках сатурниан, Земля впервые узнает об этом оружии, поскольку оно будет использовано *против* нее.

XIV

С фальшивыми Аяксом и Эмилией за пультом управления, гигантский корабль-планетоид замедлялся при помощи обратной тяги и выходил на стабильную орбиту. Для такого большого и неуклюжего корабля это был долгий процесс, требовавший полного внимания двух сатурнианских шпионов – что дало Вуджу возможность заняться своими планами. И можете быть уверены, он по максимуму использовал эту возможность, чтобы втайне сделать определенные шаги.

Когда Аяксия, наконец, «припарковалась» на орбите гигантской планеты, двое сатурниан расслабились, заперли пульт управления и уселись ждать прибытия сатурнианского патруля. Но им не пришлось долго скучать: в рубку вбежал Вудж, что-то возбужденно бормоча.

– О чем ты? Говори помедленнее – я не могу понять ни единого слова! Что? Рассказывай заново, – потребовал псевдо-Аякс у взволнованного маленького создания.

– Быстрее! Идемте, дорогой хозяин! Вы должны увидеть то, что я обнаружил! – скача по рубке, пролепетал Вудж.

– А что ты обнаружил? – резко спросила псевдо-Эмилия.

– Идемте... посмотрите сами! Ох, вы не поверите своим глазам! Даже мне это удалось с большим трудом... идемте... пойдете со мной... Я покажу вам... вот сюда... быстрее, пока оно не исчезло!

– Ну, Кольцевой Патруль прибудет еще не скоро, гм, Эмилия. Возможно, нам стоит взглянуть на то, что нашел наш мохнатый друг.

– Хорошо, гм, Аякс. Пойдем с ним.

Поочередно прыгая на всех паучьих ногах, Вудж вытолкнул их с мостика и провел по коридору в редко используемые жилые каюты.

– Вот сюда – через эту дверь, – задыхаясь, указал он, а зеленые глаза вращались в напряженном ожидании.

Немного поворчав, сатурнианские шпионы прошли за ним в большую квадратную кабину с толстыми звуконепропускаемыми стенами. В конце помещения, у дальней стены стояла загадочная черная коробка.

– Вон *оно*! Там... смотрите... подойдите! – простонал Вудж.

Когда они пошли к странной коробке, Вудж незаметно выскользнул через дверь за ними и тихо ее закрыл со вздохом сжатого воздуха. Затем стало раздаваться мерное жужжание, когда в стенах заработали моторы. Температура начала падать с удивительной быстротой, хотя в воздухонепропускаемых пластиковых земных скафандрах, ни один из сатурниан-амебOIDов пока что этого не почувствует. Кроме того, их внимание было приковано к непонятной черной коробке.

Псевдо-Аякс проворно поднял ее. Она оказалась удивительно легкой. Он перевернул ее. Это была обычная пустая картонная коробка, выкрашенная в черный цвет. Сатурниане обменялись растерянными взглядами и обернулись, чтобы узнать у Вуджа, что в этой коробке такого интересного, предполагая, что маленький марсианин все еще стоит позади. К своему большому удивлению, они обнаружили, что Вуджа нигде нет, и с ужасом поняли, что дверь в отсек закрыта. Не просто закрыта, а *герметично запечатана*.

К тому же они не могли знать, что этот отсек был гигантским холодильником, предназначенным для хранения еды. В толстых стенах размещались гигантские охлаждающие змеевики, способные опустить температуру внутри отсека до впечатляюще низких значений. Замороженное таким образом мясо могло храниться несколько месяцев, если не лет.

У «Аякса» и «Эмилии» не ушло много времени на то, чтобы понять, что их обманули. Дверь не открылась, несмотря на все их попытки, и Вудж не отвечал им, когда они вызывали его по внутренней связи, встроенной в каждый отсек. Они не сильно переживали из-за всего этого, поскольку предположили, что Вудж лишь пытается не дать сатурнианскому патрулю высадиться и попасть на корабль.

Итак – после тщетных попыток связаться с Вуджем по внутренней связи и открыть запертую дверь – сатурнианин, замаскированный под Аякса Калкинса, поднял руки и снял верхнюю часть головы. Она

открылась так же легко, как какая-нибудь банка с майонезом. После этого из черепа показалась смертоносная на вид трубка.

Псевдо-Аякс наклонился к двери, из трубки вырвался лазерный луч, поджарил эмаль, и начал медленно вгрызаться в прочный металл.

– Долго это не займет, дружище, – сказал псевдо-Аякс псевдо-Эмили. – Мы выйдем отсюда через пару минут, затем разберемся с этим Вуджем или как там его... он нам больше не нужен. Через час планетой и все его научные механизмы станут собственностью Сатурнианской Межпланетной Империи.

Псевдо-Эмилия тоже открутила верхнюю часть своей головы.

– Возможно, товарищ, – злорадно сказала она, – ты предоставишь *мне* честь поджарить маленького Марсианского паука!

Ее спутник великодушно согласился.

Два лазерных луча медленно прорезали дверь огромного холодильника, а температура все время продолжала падать...

Вудж вернулся на мостик так быстро, как только могли нести его восемь мохнатых ног. Он не опоздал ни на микросекунду, поскольку сатурнианский патруль уже вызывал по радио свой новейший спутник Аяксию, требуя разрешить досмотр.

Маленький марсианин включил передающее устройство.

– Независимое Королевство Аяксия, – ответил он. – Прошу вас представиться.

– Говорит Верховный Главнокомандующий Граушмитц! – донесся из радио резкий, грубый голос сатурнианина. – Незамедлительно приготовьтесь нас впустить и убедитесь, что все научные сокровища готовы к транспортировке!

– Прошу прощения, высадка невозможна в течение следующих сорока восьми часов, – пытаясь придумать, что делать дальше, неуверенно сказал Вудж. – Требуемый законом период карантина при иммиграции с одной планеты на другую, знаете ли, Главнокомандующий.

– Законы о карантине? О чем ты говоришь, дурак, – у нас на Сатурне нет таких законов!

– В-полне возможно, сэр. Но они есть в Аяксии. Сорок восемь часов...

Из радио раздалась серия странных приглушенных звуков, являющихся сатурнианскими ругательствами.

– С кем я разговариваю? Где...

– Премьер-министр Вудж, я говорю от лица короля Аякса и мисс Хэкеншмидт. Они оба... ах... испытывают временное недомогание...

– *Недомогание?* Я им устрою недомогание! Послушай меня, ты, премьер-министр – это сатурнианское пространство, где действует сатурнианские законы. Либо разреши нам высадиться, либо мы разнесем твой корабль на кусочки! *Отвечай – живо!*

– Х-хорошо, – поник Вудж. – Одну секунду...

Маленький марсианин положил трубку на стол. Встал с пилотского кресла и по-паучьи подошел к одной стене мостика. Там подмигивали и мерцали сотни панелей управления неизвестного предназначения. Никто не знал, что контролировали эти механизмы, Вудж протянул руку... теперь самое время выяснить!

Его внимание привлекла одна конкретная система управления. Это была серия больших плоских красных клавиш, установленных на круглой синей панели. Каждая клавиша была подписана загадочными иероглифами астероидян, но толку от этого не было. Вудж вспомнил, как случайно активировал эту систему, протирая панели. Теперь, чисто интуитивно, он протянул руку и наугад надавил на одну из клавиш.

Глубоко внизу, в центральном хранилище, заработала таинственная машина, состоящая из системы странным образом изогнутых зеркал, установленных вокруг центрального источника света! Зеркала приняли другое положение, из утыканного многочисленными трубами шара в центре системы раздалось гудение, из трубки выстрелил луч света, попал в одно из зеркал и разделился на несколько лучей потоньше. Они, в свою очередь, отразились от других зеркал, установленных под различными углами...

Снаружи разъяренный сатурнианский командир сердито смотрел на экран, показывающий корабль-планетоид. Задержки, задержки, *задержки!* Что они так долго там копаются? Дернув усиками, ком протоплазмы, который был Верховным Главнокомандующим Граушмитцем образовал из управляемой сознанием амeboидной плоти губы и гортань. Он уже собирался громко прокричать в радиопередатчик, как на экране появилась вспышка ослепительного света. Удивленно вытянув усик, командующий икнул.

Корабль-планетоид только что бывший там, исчез!

XV

Роботы окружили «Судьбу» и стояли, пожирая ее глазами. Большинство из них было многорукими, имело щипцы, дрели или лазеры вместо кистей, и Аякс знал, что они могут быстро расправиться с хрупкой яхтой, если захотят.

— Ради святого Космоса, Аякс, разве ты не собираешься ничего *делать*? Ты просто позволишь эти чудовищам стоять вот так? Не хочешь никак о себе *заявить*? — визгливо потребовала Эмилия.

— Конечно, дорогая, — прокашлялся он. — Дай подумать...

— Что насчет Питомца? — спросила она, указывая на обездвиженного робота.

— А что с ним?

— Ну, не знаю... может, послать его поговорить с этими ожившими мусорными баками? Я хочу сказать... он же из их племени. ∴ ну ты понимаешь!

Аякс пораскинул мозгами. В отсутствии любого другого плана, хуже уже точно не будет.

– А почему бы и нет? – риторически спросил он, сел в кресло с наклонной спинкой и надел на голову визор. Пробежав пальцами по клавиатуре, он направил робота в шлюзе и затем в кольцо металлических гигантов. Там, Питомец приветственно поднял руку, потом наклонился и начал рисовать на сыпучей почве концентрические кольца.

Эмилия с растущим любопытством смотрела на происходящее через иллюминатор.

– Что Питомец там *делает*? – спросила она.

Сдавленным маской голосом, Аякс пробормотал что-то про «универсальный язык символов». Вдруг он подпрыгнул, словно ужаленный в чувствительное место.

– Что это?

– Радиосигналы, – промямлил он. – Здоровяк в центре посылает Питомцу сигналы!

– Ты понимаешь, что он говорит? – спросила Эмилия.

– Нет. Это математические и арифметические символы. Нечто вроде того, что называется «компьютерным фоном»... но... а что *если*...

– Что?

Аякс заерзал от возбуждения.

– Если это что-то компьютерное, то, вероятно, другой компьютер сможет это понять! Когда мне строили корабль, я хотел, чтобы он был полностью автоматическим и не нуждался в экипаже. Мне создали невероятно большой компьютер, чтобы управлять почти *всем*, – он занимает чуть ли не половину корабля. Может быть, я пойму, что железный Кинг Конг говорит нашему другу. Эмилия – соедини радиостанцию корабля с компьютером при помощи вон того кабеля... посмотрим, сможет ли он перевести на ходу. Быстрее!

Действительно, бортовому компьютеру хватило электронных мозгов, чтобы разобрать математические символы, которыми общались алкменские роботы. Аякс с Эмилией почти сразу получили перевод. Он гласил:

– ВНИМАНИЕ, ПЕРЕДВИЖНАЯ ЕДИНИЦА! ШАХТЕРСКОЕ ПРАВИЛО 14-А ПАРАГРАФ М-32 ЗАПРЕЩАЕТ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ ПРИСУТСТВИЕ НА ЭТОЙ ГЛУБИНЕ. ВАШ ДОБЫВАЮЩИЙ КОРАБЛЬ ДОЛЖЕН НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО ПОКИНУТЬ ЗОНУ, А ИНАЧЕ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВЫЗОВЕТ НАДЗИРАТЕЛЕЙ С ПОВЕРХНОСТИ! (*щелчок-короткое жужжание*) ВНИМАНИЕ, ПЕРЕДВИЖНАЯ ЕДИНИЦА! ШАХТЕРСКОЕ ПРАВИЛО 14-А ПАРАГРАФ М-32...

Челюсть Аякс отвисла, а глаза заблестели от трепета.

– Шахтерское правило! – вырвалось у него.

– Аякс, прекрати, – потребовала Эмилия, нашедшая его неразумное высказывание крайне оскорбительным.

– На этой *глубине!* – пробормотал он с остекленевшими глазами. Эмилия напрягла челюсть.

– А-якс... – сказал она сквозь зубы.

– Добывающий корабль! Надзиратели с поверхности! Святые раскаленные астероиды! Эмилия, ты понимаешь, что это значит?!

– Нет, не понимаю. Для меня это все какая-то чушь. Но, может, ты, *наконец*, уберешь с лица свое идиотское выражение?

– Я *был* прав, – устался Аякс на Эмилию. – Этот астероид *являлся* частью ядра... и что более важно, древние жители астероидов вели *добычу* в ядре, когда планета взорвалась много столетий назад...

– И что это зна... ох. Ох!..

От удивления у Эмилии приоткрылся рот, а ее прекрасное лицо застыло точно с таким выражением, которое ей не понравилось на физиономии жениха.

– Теперь ты поняла! – радостно засмеялся Аякс. – Астероидяне вели добычу в ядре планеты при помощи *роботов* – этих роботов, которые сейчас *перед нами!* Когда исчезнувшая планета взорвалась, они остались на этом куске ядра, поскольку были его частью! Бог мой, Эмилия, они работают уже пять, а то и шесть *миллионов* лет!

– О, господи, – удивилась она. – Но это кажется маловероятным, Аякс... как они уцелели, когда взорвалась целая планета?

– Возможно, некоторые и взорвались... кто знает? Но у них наверняка тут есть какой-нибудь цех для ремонта. Кроме того, чтобы выдерживать огромное давление у ядра, роботы-шахтеры должны были быть очень прочными, – чтобы противостоять давлению и всему такому... Эмилия, от этого просто голова кругом идет!

– Это уж точно...

Преисполненный внезапной решимости, Аякс принялся действовать. Краткими фразами, он объяснил Эмилии, как подсоединить к бортовому компьютеру двунаправленный передатчик, чтобы он говорил в него, а электронный переводчик сразу перерабатывал бы его речь в последовательность математических символов. Это было сделано в удивительно короткий срок. Установив связь с астероидянскими роботами, Аякс скормил им наспех выдуманные фразы, которые лишь частично были неправдой:

ВНИМАНИЕ, ДОБЫВАЮЩИЕ ЕДИНИЦЫ! ЭТА БУРИЛЬНАЯ УСТАНОВКА ВРЕМЕННО ВЫВЕДЕНА ИЗ СТРОЯ ИЗ-ЗА ЧАСТИЧНОГО РАЗРУШЕНИЯ ДВИГАТЕЛЕЙ ЛАЗЕРНЫМ ЛУЧОМ! ЗАПРАШИВАЮ СРОЧНУЮ ПОМОЩЬ И РЕМОНТ.

Шестиметровый робот, кажется, являвшийся предводителем группы, замер, будто обдумал услышанное.

– СООБЩЕНИЕ ПРИНЯТО, ПЕРЕДВИЖНАЯ ЕДИНИЦА – ПОСЛАЛ ОН, НАКОНЕЦ, В ОТВЕТ РАДИОСООБЩЕНИЕ. – АВАРИЙНЫЙ РЕМОНТ ИМЕЕТ ПРЕИМУЩЕСТВО ПЕРЕД ШАХТЕРСКИМ ПРАВИЛОМ 14-А ПАРАГРАФОМ М-32: НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ ПРИСУТ-

СТВИЕ В РУДНИКЕ. (*щелчок – жужжание*) РЕМОНТНАЯ ЕДИНИЦА ОЖИДАЕТ УКАЗАНИЙ СОГЛАСНО СЕКЦИИ 12-Ф, КОД 44, ПРИЧИНА: СРОЧНЫЙ РЕМОНТ.

Пока Питомец вел ремонтных роботов в машинное отделение, Эмилия выпила глоток чего-то питательного и горячего. Как только корабль наполнился жужжанием и грохотом электродрелей и паяльных ламп, Аякс выскользнул из-за пульта управления роботом, снял визор и с радостью перекусил. Роботы-ремонтники были так эффективны, что, казалось, будто лазерная пушка корабля эскадрильи преследования никогда и не наносила урон яхте, и «Судьба» не выходила из строя.

Вопрос топлива, разумеется, решился еще более просто.

– ЭТА ЕДИНИЦА БЛАГОДАРИТ ЕДИНИЦУ УПРАВЛЕНИЯ ДОБЫЧЕЙ ЗА ПОМОЩЬ И СРОЧНЫЙ РЕМОНТ, (*лязг – стон*) КСТАТИ, ПАРНИ, У ВАС НЕ НАЙДЕТСЯ ПАРЫ СЛИТКОВ ПЛУТОНИЯ-239. У ЭТОЙ ЕДИНИЦЫ ПОЧТИ ЗАКОНЧИЛОСЬ ГОРЮЧЕЕ!

На двадцати двух километровом астероиде, почти полностью состоящем из урана, это было, словно спросить хозяина бразильской плантации, нет ли у него чашечки кофе. Слитков оказалось невероятно много, и скоро «Судьба» была заправлена и готова к полету. Вернув Питомца на борт и надежно закрыв его в герметичной камере, Аякс поднял яхту над поверхностью крошечной Алкмены и направился к границе территории МЗКУ, пролегающей неподалеку от Юпитера.

– Спасибо, Кинг-Конг, и передай сердечные '*щелчок-жужжание*' другим Конгам! – засмеялся Аякс.

Он был в прекрасном настроении... в конце концов, впервые с начала путешествия с ним произошло нечто *хорошее*!

XVI

Полет на Сатурн был долгим и скучным, и я не стану утомлять вас описанием небогатого на события путешествия. Разве что скажу, что оно не было таким уж длинным, каким могло быть: Аякс снова решил двигаться с постоянным ускорением и узнал, что этот трюк, действительно, работает.

Уже довольно скоро «Судьба» неслась со скоростью, составлявшей заметную часть скорости света. Пока удача еще не повернулась к нему спиной, Аякс очень хотел увидеть, что произойдет, если он превысит скорость света – по крайней мере, хотел узнать, *возможно* ли это в принципе.

– Теоретически, – делая свой голос максимально похожим на голос профессора Оксфорда, объяснял он Эмилии, – на скорости близкой к скорости фотонов,двигающиеся объекты должны набирать массу до тех пор, пока она не сравняется с массой всей остальной вселенной... хотя, конечно, «вселенная» – плохое слово – романтическое, вряд

ли научное. Лучше сказать пространственно-временной *континуум*, чтобы уж быть точным.

– Аякс, я ненавижу, когда ты пребываешь в своем «я знаю больше всех» настроении. Кончай с этим. Я изучала пространственную механику в колледже и знаю теории Эйнштейна.

– Так вот. – Будучи Аяксом, он, разумеется, не слушал. – Интересным следствием относительного течения времени будет то, что ускоряющаяся масса (в нашем случае, корабль) должна почти полностью остановиться в соответствии с ростом псевдо-массы. К тому же некоторые влиятельные ученые полагают, что две массы *вселенского масштаба* не могут одновременно существовать в одном континууме, следовательно, меньшая должна уступить и уйти в какое-нибудь таинственное подпространство, другое измерение или нечто подобное. Будет очень интересно посмотреть, что *на самом деле* произойдет, если мы достигнем скорости фотонов. Как думаешь, что...

– Аякс, заканчивай, ты меня скоро доведешь! Оставь подпространство в покое и займись делом. Нам нужно захватить корабль-планетоид, спасти Человечество, и показать сатурнианам, кто в Солнечной системе главный, помнишь?

– Отлично помню, – пробормотал Аякс.

Он тут же прекратил разглагольствовать и занялся относительно полезными вещами.

Они ели, спали и снова ели. Слушали записанную на пленке музыку (по очевидным причинам, Аяксу особенно нравился императорский вальс Штрауса). Читали книги, которыми яхта была просто завалена. Смотрели по телевизору старое кино. И часто держались за руки, смотря на звезды. Тем или иным способом, они убивали время.

Сатурн на экранах все рос и рос, став большим желтым персиком на фоне черного космоса. Наконец, планета с кольцами оказалась так близко, что Аякс с Эмилией невооруженным взглядом увидели Титан, самый большой спутник Сатурна.

Но это было еще не *все*!

Эмилия стиснула Аяксу руку.

– Аякс! Там сатурнианский флот!

– Гм-м... действительно. Почему они там роятся? Словно пчелы, ищущие кого бы ужалить.

– Не знаю, но, кажется, их радары нас еще не засекли. Может, тебе лучше скинуть скорость?

– Точно! Возможно, если они не заметят, то постепенно успокоятся. Интересно, где же мое королевство? Мы не видели его по пути сюда, так что оно наверняка уже тут... а может, они уже... – Аякс перешел на испуганный шепот, – ...уже *распотрошили* Аяксию, как ты думаешь?

Он тормозил до тех пор, пока яхта не поползла со скоростью черепахи. Специальные экраны поглощали большую часть электромагнитного излучения корабля и скрывали его от радаров и даже детекторов

массы – по крайней мере, Аякс *надеялся* на это – и они с Эмилией смотрели, как сатурнианский патруль носится по кругу, словно стайка тоскующих по дому колибри, тщетно пытающихся найти свое гнездо. Это было так странно. Кажется, они что-то потеряли – но *что?*

– *Смотри!* Ох, дорогая, это же Аяксия!

Так оно и было. Корабль-планетоид появился в разреженном пространстве из ниоткуда, хотя еще секунду назад его не было видно. Аякс с Эмилией смотрели, как злобно жужжащие сатурнианские корабли повернулись к кораблю в форме огромного яйца и рванулись вперед с настойчивостью мух, совершающих самоубийственную атаку на оконное стекло. Перед тем, как они достигли цели, корабль-планетоид снова исчез.

– Что, во имя Девяти Миров, тут происходит? – удивленно спросил Аякс.

– Нашел, кого спросить, – ответила Эмилия.

Они продолжали смотреть. Корабль-планетоид снова возник на пустом месте – на этот раз рядом с кольцами, опасными реками кружащихся айсбергов, которых было так много, что кольца с любого расстояния казались простынями света. Сатурнианский патруль снова помчался за неуловимой добычей... и снова исчез так, что передние корабли патруля врезались во внешнюю кромку колец, потеряв как минимум два экипажа.

– Это *должно быть* Вудж! – рассмеялся Аякс. – Старина Вудж! Кажется, он задает им жару... хотя, во имя всего святого, Эмилия, я не могу понять, что он черт, поberi, делает. Есть идеи, как он заставляет гигантский корабль вот так запросто исчезать?

– Понятия не имею. Но он сводит этих амев *с ума!*

И действительно. С нарастающим остервенением пытаюсь поймать невероятно неуловимый планетоид, одни сатурнианские корабли врезались в другие. Амебоиды уже наверняка превратились в пенящуюся массу.

– Разбилось уже три корабля! Четыре! – радостно выкрикивал Аякс. – Не останавливайся! Что происходит?

Действительно, что?! Аякса чуть не выбросило из пилотского кресла, когда «Судьба» страшно накренилась. Затем их уши атаковал самый яростный грохот, который только можно представить. Вообразите полный грузовик незакрепленных полых наковален, падающий по огромной стальной лестнице – Аякс с Эмилией услышали примерно такой. «Судьба» остановилась, как вкопанная, свет внутри погас. Система воздухообеспечения тоже вырубилась, издав предсмертный хрип.

– Боже правый... Аякс... мы *во* что-то врезались! – вскрикнула Эмилия.

– Спокойно, спокойно. Мы едва двигались, – задыхаясь, проговорил Аякс, ползя на руках и (разбитых) коленях вверх по накренившемуся

полу к передним экранам. – Возможно, мы врезались в астероид, хотя почему тогда радары не подняли тревогу... Я... ого!..

Аякс замолк, потеряв дар речи, когда увидел то, во что они врезались.

– Ну? Говори – что *это*? – прорычала Эмилия, пытаясь выбраться из кучи скафандров, которыми ее завалило.

С яростным вдохом она отшвырнула рукавицу скафандра, нахально расположившуюся на ее коленке.

– Хоть убей, не знаю! – прокричал Аякс с выпученными глазами, а затем, повернувшись к Эмилии с идиотски-удивленным выражением лица, прохрипел: – Э-э, женщина! Знаешь, что я увидел на передних экранах?

– Откуда мне знать, ты, чокнутый кретин! Ну, и *что* ты там увидел?

– *Ничего*, вот что. Совсем ничего... просто пустой космос. Звезды и так далее. *Ничего*. Кажется... Эмилия?

– Ну что еще?

– Думаю, мы обнаружили *невидимую* планету...

– ... Ох, – сказала она.

Это довольно неадекватный ответ, подумал Аякс, но, в целом, сойдет.

И Аякс оказался прав. «Судьба» врезалась носом в нечто невидимое, с массой, как минимум, астероида. Что это было такое на самом деле, покажет только время.

XVII

Когда корабль-планетоид просто взял и исчез, Верховный Главнокомандующий Граушмитц испустил испуганный крик, разнесшийся по рубке сатурнианского крейсера. Он сидел (если это подходящее слово) перед экраном на чем-то напоминающим седло, совмещенное с гамаком. Так яростна была реакция Главнокомандующего, что будь экран открытым окном, он мог через него вылететь.

Вытянув ложноножку, Граушмитц ударил по паре кнопок. Радар испустил электромагнитные волны, но ничего не нашел. Дрожа, как желе в полете, оператор радара сформировал гортань и губы.

– Командир Граушмитц, сэр! – твякнул оператор. – Планетоида нет в ближайшем космосе... Аяксия не невидима... она *исчезла*!

– Не носи чушь, идиот! – вскипел Верховный Главнокомандующий. – Корабль-планетоид весит миллионы тонн... ни один известный научный процесс не может заставить такой огромный объект просто исчезнуть... ни один процесс, известный *великой* сатурнианской науке, вот так!.. и общеизвестно, что наша великая наука – самая прогрессивная, великая наука во всей Вселенной!

– Слава великой сатурнианской науке, – машинально протрещал оператор радара, но сам он, кажется, в это не особо верил.

– Слава, слава, – повторили другие сатурнианские космонавты на мостике.

Их голосам определенно не доставало энтузиазма.

Верховный Главнокомандующий Граушмитц вытянул еще один усик с глазом на конце и со всей силой биноклярного зрения прильнул к непокорному экрану. Но даже это не вернуло пропавший корабль-планетоид на место.

Усики с глазами увяли.

– Ох, растворят меня, – с дрожью в голове проговорил Граушмитц. – Как я объясню это Его Имперскому Величеству, нашему любимому Императору? Он точно накажет меня...

– Слава Великому Императору, – монотонно отозвались другие амебоиды.

– Слава, слава, – машинально пробормотал Главнокомандующий Граушмитц. – Ох, что скажет Самый Верховный Адмирал всех Адмиралов, ужасный «бешеный пес» Хейммершлитцер, когда услышит, что знаменитый корабль-планетоид был почти у меня в ложноножках... и я позволил ему ускользнуть? Ох, он направит меня в трибунал так быстро, что у меня даже не будет времени последний раз отдать честь нашему Великому Флагу... и, *хлоп!* старина Граушмитц уже в центрифуге...

– Слава нашему Великому Флагу, – хором пропела команда с уже чуть более заметным энтузиазмом.

– Да... в центрифуге... или, возможно в чане *для варки!* Высшая мера наказания для тех, кто предаст великую судьбу славного сатурнианского народа – бедный старина Граушмитц – *бульк!* В кипящую воду...

– Да здравствует великая судьба славного сатурнианского народа ... *Слава!* – заголосил экипаж с энтузиазмом.

Граушмитц подозрительно поднял глаз на команду, с виноватым видом занимающуюся разными делами.

Один из членов экипажа вскрикнул пронзительным фальцетом, подскочил и затем плюхнулся на седло с таким возбуждением, что чуть не грохнулся на палубу.

– Бесстрашный главнокомандующий! – твякнул он. – Смотрите... глядите... корабль-планетоид вернулся. – указывая дрожащей ложноножкой на экран, промямлил он.

Главнокомандующий Граушмитц подполз к подчиненному и вытянул пяток усиков с глазами, вглядываясь к экран.

– Пресвятые Ямы со Слизыю, действительно вернулся! – пробубльнул он. – Живо... лейтенант Блатцхейм – вызывайте переднее звено! Прикажите им всем мчаться к этому неуловимому кораблю!

– Исполняю, командир! – протрещал взволнованный маленький амебоид.

— И напомните мне повысить вас до почетного ранга *капитана*, лейтенант Блатцхейм! — милостиво сказал Граушмитц.

— О, да, *конечно*, командир, — радостно ответил тот, а его протоплазма покраснела, сделав его похожим на вишневый желатин.

— Передовая эскадрилья, впе... эрк!..

Мертвая тишина. Румянец исчез с «лица» Блатцхейма, вообще-то, новоиспеченный капитан даже побледнел.

— В чем дело, капитан? Чего вы ждете? — спросил главнокомандующий. — Мне не видно отсюда...

— Э-э... корабль-планетоид снова исчез, сэр, — дрожащим голосом доложила амеба.

— ...ох. Понятно. — Граушмитц покачулся. — Напомните мне *отменить* ваше повышение, Блатцхейм, — мрачно сказал он.

— Да, — *бульк*, — конечно, сэр, — слабо произнес лейтенант.

Внезапно флагман пронзил радиолуч, вызвавший безумный треск динамика над головой. Через мгновение включился экран, и в нем появилась важный амебоид в форме капли, свирепо глядящая на обмякшую фигуру Граушмитца нервно покачивающимися усиками с глазами. Протоплазменная форма амебоида на экране поблескивала военными наградами.

— *Ахтунг*, Граушмитц, ты идиот! Говорит Самый Верховный Адмирал Хеймершлитцер. Что, во имя Десяти Тысяч Пылающих Комет, вы тут делаете...

— Слава Самому Верховному Адмиралу, слава, — испуганно пропел экипаж.

Налитые кровью глаза Адмирала, покачиваясь, обвели всех пронизывающим взглядом.

— Свиньи, тридцать плетей вам всем, — резко проскрипел он. — Ты так и не ответил, Граушмитц, что ты тут делаешь, ты, булькающий дурак? Ты должен был доложить на Великую Непрístupную Главную Базу четырнадцать с четвертью минут назад. Что случилось с драгоценным и совершенно незаменимым планетоидом из Внутреннего Пространства с его превосходными, просто бесценными научными приборами и совершенным оружием, любой образец которого стоит больше, чем все ваши жизни вместе взятые? *А?* Отвечай, Граушмитц, ты, дрожащий холуй!

— Слава, слава, — слабо покачивая усиками, пробормотал главнокомандующий.

— Говори, или я всех вас испарю! Ты взял под полный контроль корабль-планетоид, а, Граушмитц? *Взял?* — проревел адмирал.

— Ну... э-э... не *совсем*, Ваше Превосходительство.

— Что значит «не совсем»? Граушмитц, если ты провалил эту важнейшую миссию, то попадешь в кипящую воду... получишь электрическую иглу в ядро, Граушмитц, ты, бормочущий комок слизи?

– Да, Ваше Превосходительство, да, – заскулил Главнокомандующий, желая раствориться на месте. – Но это не *моя* вина! Те, кто находятся на корабле-планетоиде, используют какое-то неизвестное устройство, позволяющее кораблю уходить в подпространство, гиперпространство, или *какое-то* еще пространство! Они ускользают каждый раз, когда мои корабли оказываются рядом – наш радар и устройства наблюдения не помогают, кроме того...

– *Молчать!* – взорвался адмирал.

Граушмитц взвизгнул, а члены экипажа превратились в дрожащие лужицы. Адмирал окинул их свирепым взглядом испепеляющего презрения.

– Граушмитц... – Адмирал перешел на зловещий шепот, – ...ты понимаешь, не так ли, Граушмитц, что *мой* командующий офицер, Его Неописуемо Превосходящая Светлость, принц Царфбладдер, министр космических дел Империи, *лично* заинтересован в успехе этой миссии? Если ты потерпишь крах, значит крах потерплю и я ... а если я потерплю крах, то (Адмирал содрогнулся) меня ждут раскаленные плети... и в этом случае, Граушмитц, ты, слюнявый шут, *тебя ждет тридцать шесть часов на рыболовных крючках!*

– Нет! – взмолился Главнокомандующий. – Только не *рыболовные крючки*, Ваше Превосходительство! Только не это!

– Да, Граушмитц, *рыболовные крючки*, – прорычал адмирал. – ... и затем *чаны с кислотой*. Ты понимаешь, к чему я веду, а?

– Я захвачу корабль-планетоид, Ваше Превосходительство! Клянусь! – пробормотал дрожащий амебоид.

– Очень хорошо. Смотри, не подведи меня. Самый Верховный Адмирал Хеймершлитцер отсоединяется, – проскрипел он.

Экран погас.

Но тут же вспыхнул снова. Выпученные глаза на усиках в последний раз окинули взглядом экипаж.

– Пусть будет шестьдесят плетей всем, – проворчал адмирал. – Слава справедливому наказанию притворяющимся реакционерам согласно Великому Имперскому Правосудию, – заключил он, и экран погас в последний раз.

– Слава с-справедливому наказанию п-притворяющимся реакционерам согласно Великому Имперскому П-правосудию, – удрученно повторил экипаж флагамена.

XVIII

В течение этого, мягко говоря, невеселого разговора, неуловимый планетоид появлялся и исчезал раз шестнадцать – каждый раз в новой части космоса, и каждый раз передовая эскадрилья неслась к нему, поскольку они не получили сообщение, отменяющее последний приказ Граушмитца. Такова была Великая Имперская Флотовая Дисциплина:

если бы они не получили противоположный приказ, то с радостью продолжили бы носиться по космосу, как стая спятивших воробьев гоняется за мясистым, но раздражающе проворным майским жуком, пока бы не наступила энергетическая смерть физической Вселенной.

Отчаяние было написано на всей его протоплазме и выражалось в напряженности охрипшего голоса, когда Верховный Главнокомандующий Граушмитц, снова принялся вглядываться в экраны многочисленными глазами.

– Давайте, давайте, солдаты! Не падайте духом! Еще не все потеряно... ну, еще не совсем все потеряно! – сердечно обратился он к экипажу.

– Да, сэр, конечно, – пробормотала команда флагмана.

– Капитан – я хочу сказать, *лейтенант* Блатцхейм, – давайте разложим все по полочкам?

– Слушаюсь.

– Итак: корабль-планетоид каким-то образом ускользает от лучшей системы слежения, известной великой сатурнианской науке, верно?

– Так точно, сэр... но это просто не может быть правдой, поскольку, как вы сами недавно сказали, сатурнианская наука – самая развитая и прогрессивная наука, известная в, э-э, известной Вселенной, сэр.

– Очень хорошо, весьма метко сказано, да-да. И какой же вы, Блатцхейм, – ободряюще спросил главнокомандующий, – сделали из этого вывод – вы, скромный, простой лейтенант?

Лейтенант Блатцхейм задумчиво вращал глазами, пока остальной экипаж пристально смотрел на него в ожидании ответа.

– Ну...

– Давай-давай. Говори, парень. Быстрее! – подгонял главнокомандующий по-отечески снисходительным голосом.

– Ну... сэр... исходя из этого, я пришел к выводу, что ускользающий-реакционный-антиимперский корабль-планетоид на самом деле *не* может быть чем-то, превосходящим точнейшие инструменты великой сатурнианской науки... то есть *не* может по-настоящему уходить в подпространство (или гиперпространство, как может оказаться в этом случае), поскольку такие технологии неизвестны великой обожаемой сатурнианской науке! Следовательно, это всего лишь *трюк* – *иллюзия*! – пробормотал лейтенант Блатцхейм за один присест, не сделав ни одного вдоха.

Главнокомандующий просиял, или просиял *бы*, если бы не являлся бесформенным комком прозрачного желе.

– Хорошая работа! Очень хорошая работа, лейтенант... а, кстати, напомните мне повысить вас до капитана при следующем составлении списков! Получается... другими словами, Аяксианский корабль использует хитрый-но-фундаментально-несовершенный научный *трюк*, чтобы просто *сделать вид*, будто исчезает. Следовательно, согласно суровым законам логики Сатурнианской Империи...

– Слава суровым законам лог...

– *Молчать, псы!* Вы сбили меня с мысли... следовательно, по чистой логике, Аяксианский корабль на самом деле никуда *не* девается, – самодовольно заключил Главнокомандующий, – а находится прямо перед нами и всегда там был!

Члены экипажа преклонились перед этим триумфом логики. Главнокомандующий секунду погрелся в теплом свете их скромного восхищения, несмотря на всю неприязнительность своих подчиненных.

– А теперь парни, – брякнул он в лучших Традициях Великого Флота, – все, что нам надо сделать, – *окружить* эту часть космоса, затем начать медленно начать двигаться внутрь, сужая сферу, постоянно стреляя из лазерных пушек и, разумеется, не обращая внимания на любые трюки и галлюцинации, к которым может прибегнуть Аяксианский корабль... пока реакционные свиньи не окажутся в безнадежном положении, и тогда... – голос главнокомандующего превратился в кроважадный шепот.

– И что тогда, сэр?.. – прошептали члены экипажа.

– И тогда мы *испепелим* псов и триумфально привезем на Священную Землю Любимой Родины научные сокровища, – протыкал главнокомандующий, а в его ликующем голосе зазвенела победа.

– *Слава Священной Земле Любимой Родины!* – запела собравшаяся команда, закончив возгласами, прославляющими «Старину Верховного Главнокомандующего Граушмитца, нашего Бесстрашного Лидера» (возглавляемые будущим капитаном Блатцхеймом, или, по крайней мере, его голос был самым громким).

– Ах, спасибо, ребята! – по-отечески засмеялся главнокомандующий. – Гм, капитан Блатцхейм напомните мне повысить вас до майора при следующей возможности, хорошо?

– Конечно, бесстрашный лидер, сэр, – краснея еще больше, чем раньше, залебезил Блатцхейм.

Через несколько секунд радиооператор флагмана «Спаркс» фон Хоэнцоллерн связался с передовой эскадрилей, которая все еще зигзагами носилась за кораблем-планетоидом, исчезающим и появляющимся с пугающей частотой. Спаркс приказал им собраться в форме шара, что они с радостью исполнили, поскольку последние двадцать минут тщетных метаний из стороны в сторону не только растрясли экипаж так сильно, что произошло девятнадцать растяжений ложноножек и были выбиты три глаза (от столкновений с необитыми мягким материалом механизмами), но еще и послужило результатом того, что девять кораблей потерпели аварию и взорвались, не оставив выживших. Разумеется, это большая трагедия, но, в конце концов, война есть Война!

Когда патрульные силы собрались в сферу, Верховный Главнокомандующий Граушмиц гордо смотрел, как его парни исполняли приказ с пылом и энергичностью, естественным образом ожидаемыми от Их

Имперских Величеств Верных Первоклассных Летчиков... это задело старого офицера за самое ядро: такая точность, такая преданность... Он почувствовал себя отцом своим людям, а не просто их командиром! Перед глазами Главнокомандующего проплывали титулы, почести, повышения и медали, которые он получит после успешного завершения операции...

Он дал слово.

Лазеры сверкали, гигантская сфера боевых кораблей сужалась вокруг беспомощного планетоида, где верный Вудж в одиночку защищал государство Аяксия против всей мощи Сатурнианской Межпланетной Империи...

XIX

Чем бы ни было это невидимое тело, в которое врезалась *«Судьба»*, держало оно изящную яхту мертвой хваткой. Первым делом нужно было оценить полученные повреждения. К счастью, когда яхта врезалась в невидимую планету, или что это было, она двигалась очень медленно, поэтому Аякс с Эмилией, к своему облегчению, скоро обнаружили, что, кроме пары треснувших швов и нескольких порванных силовых кабелей, *«Судьба»*, в общем-то, цела.

Используя уже знакомого радиоуправляемого ремонтного робота для внешних работ, Аякс временно заделал лопнувшие швы и самостоятельно заменил кабели, восстановив свет и питание. *«Судьба»* снова стала пригодной к космическим путешествиям.

Но она не могла лететь, застряв носом в невидимой поверхности загадочной планеты.

Облаченный в скафандр, Аякс вышел из кабины и вскарабкался на крышу яхты. Звезды сияли холодно и ясно, не мерцая в вакууме космического пространства. Сатурн висел слева, как гигантский лимон, перевязанный блестящими лентами. Беспорядочные вспышки носящихся сатурнианских кораблей были отвлекающим зрелищем, но Аякс оторвал взгляд от космоса и сосредоточился на насущной проблеме. Крепко ставя магнитные башмаки на выщербленный корпус яхты, он понемногу продвигался вперед, успокаивающе махая рукой Эмилиии, когда проходил мимо иллюминаторов.

Острый, как игла, нос смялся, словно аккордеон. Аякс нагнулся над металлическими складками и... звучно ударившись головой, – точнее, шлемом, о невидимый выступ, – и принялся едко ругаться, пока картинка перед глазами не перестала вращаться. Затем поднял руку и осторожно ошупал выступ. Казалось, это была погнутая стальная балка. Аякс поднял ногу в магнитном башмаке и убедился, что это и в самом деле сталь – невидимая сталь! Затем, сделав глубокий вдох и представив себя в роли Аякса Калкина, бесстрашного космического исследователя, спустился на поверхность загадочной планеты.

Стоять на невидимой поверхности было жутковато и определенно неприятно. Глянув вниз, Аякс увидел под ногами сияющие звезды. Не отрывая башмаки от поверхности, чтобы не прервать магнитный контакт со сталью, он немного прошел вперед. Все было, как в старой фразе: «ходить по воздуху» – не считая того, что воздуха-то здесь, разумеется, и не было.

Аякс добрался до края стальной поверхности, дыры с неровными краями, в которой застряла «Судьба». С превеликой осторожностью он залез в проход, аккуратно избегая острых краев, способных пропороть скафандр. Оказавшись внутри, он понял, что стоит на чем-то ровном. Позади, под небольшим углом, неподвижно висела яхта со смятым носом.

Аякс пошел дальше.

Ходить по невидимому оказалось крайне странным ощущением, как он тут же обнаружил. Постоянно натыкаешься на стены, объекты странной формы и распахнутые двери. Но затем Аякс свернул за угол, и все вокруг стало видимым. Он был в мире металла!

Растерявшись, Аякс остановился и осмотрелся. Залы, коридоры и каюты тянулись во всех направлениях в бесконечном избытке. Либо он зашел так далеко в загадочный мир, что эффект невидимости тут уже не действовал, либо он оказался внутри поля, создающего ее. Он раздумывал, видно ли его с того места, где была Эмилия. Аякс решил, что должно быть видно...

Он осторожно стал продвигаться дальше, держа руку у пистолета, висящего на поясе. Было невозможно предугадать, *что* может встретиться на этой планете роботов... Аякс надеялся, что тут не будет никаких живых железяк. Группы алкменских металлических шахтеров было вполне достаточно, чтобы надолго удовлетворить его в плане общения с роботами.

Затем он нашел экран на двери в наглухо закрытый отсек. Аякс осторожно включил его... и, затаив дыхание, ждал, пока не появится картинка. Наконец, на экране показалась комната, в которой были...

– О, *нет*, – простонал Аякс. – Я не хочу больше сюрпризов... пожалуйста!

Он взглянул снова. Да. Не было смысла притворяться, что он не видит их...

Внутри отсека находились Аякс Калкинс и Эмилия Хэкеншмидт. Застывшие.

Без верхних частей головы.

Аякс сделал глубокий вдох, но затем громко выдохнул.

Взрослому мужчине как-то не к лицу орать.

Вудж с наслаждением смотрел на экраны. Сатурнианская эскадрилья, действительно, спятила. Теперь она выстроилась в форме сферы

носами внутрь. Маленький паук с радостью ударил по клавишам в порядке, который неоднократно проверил за последние полчаса.

Образ Аяксианского корабля-планетоида возник прямо в центре шара кораблей. Словно это стало сигналом, которого ждали амебоиды, они понеслись к своей цели. Сфера начала сужаться. Стреляя из всех лазерных орудий, эскадрилья мчалась к центру шара.

Это было красивое и величественное зрелище. Несущиеся на полной скорости и со всех направлений, сатурнианские корабли влетели *прямо в* иллюзорный планетовид и врезались друг в друга, взорвавшись эффектным фейерверком. Вспышка погасла, и на ее месте не осталось ничего, кроме ярко светящегося шара расплавленного металла.

Вудж запрыгал от радости. Ох, если бы только дорогой хозяин увидел его триумф!

И как раз тогда пол дернулся, раздался какой-то *грохот*.

Вудж покачулся, но устоял. В конце концов, если у вас восемь ног, требуется *весьма* сильный толчок, чтобы повалить вас на пол. Маленький паук, переваливаясь с ноги на ногу, подошел к пульта управления и посмотрел на предупреждающие сигналы.

Ага! Проникновение в корабль-планетовид в секторе Ф-12, уровень 109-IV, утечка воздуха из внешних отсеков, но, кажется, больше никакого урона. Возможно, метеорит... но Вудж решил сам сходить посмотреть. После того, как сатурнианская флотилия любезно самоуничтожилась, ему больше не надо было находиться в рубке и управлять устройством, создающим миражи.

Вудж влез в скафандр, созданный специально для него. Этот скафандр был сделан на заказ (важная деталь) по его меркам, и в нем Вудж очень походил на робота-осьминога с шарообразным телом, а через специальные окошки виднелись выпученные глаза и морда, как у мопса. Восемь неуклюжих ног торчали, словно кольцо водопроводных труб, выходящих из сферы. Вудж очень гордился своим скафандром.

Чтобы добраться по пустым коридорам до места столкновения, требовалось всего пара минут... но он так и дошел туда. Поскольку маршрут коротким путем повел его мимо огромного холодильника, куда он хитроумно заманил и где запер фальшивых Аякса и Эмилию.

Но тут сообразительность сослужила Вуджу плохую службу, поскольку, войдя в коридор, он увидел лже-Аякса, стоящего снаружи холодильного отсека и вглядывающегося в экран на двери. Фальшивый Аякс где-то раздобыл скафандр, заметил Вудж. Паук призвал всю свою отвагу и стал на цыпочках подкрадываться к сатурнианскому шпиону. Одна из его восьми ног медленно достала бластер – на поясе сатурнианского скафандра была кобура, разглядел он – и решил, что лучшим вариантом будет пристрелить мерзкого имитатора, прежде чем тот заметит его.

На этот раз Вудж дважды убедится, что шпион обезврежен! Он просто подкрадется и выстрелит ему в спину! Ох, как настоящий Аякс

был бы горд своим верным, преданным другом, если увидел бы его, защищающим Аяксию до последней капли крови!

Подползая сзади к чужаку в скафандре, Вудж направил на него пистолет...

XX

Мисс Эмилия Хэкеншмидт была не из тех девушек, которые просто сидят и смотрят, как мужчины бесстрашно сражаются с опасностями. Вообще, она очень даже любила приключения и чаще, чем нужно, совала свой аккуратный носик в рискованные ситуации так, что мужчины едва могли поспеть за ней.

Поэтому Эмилия сильно возмущалась из-за того, что Аякс обошелся с ней, как с неженкой. Почему только *он один* должен исследовать неизвестную невидимую планету, обнаруженную ими обоими? Почему *ей* придется оставаться в корабле, пока он – тот еще болван – будет веселиться? Она что, должна сидеть и вязать носочки?

Чем дольше Эмилия торчала в яхте, тем сильнее ее грызло любопытство. Она немного перекусила, раздраженно выкурила стимулетту и ждала, ждала, когда же Аякс, наконец, вернется. Потом ей стало казаться, что этого никогда не случится, совсем никогда. Она начала ерзать. Сидеть спокойно становилось все сложнее и сложнее... со временем она встала и принялась расхаживать по палубе рубки. Аякс все еще не возвращался. Вы же не думали (кипятилась Эмилия), что этот дурень догадается связаться с ней по радио и просто сообщить, что с ним все в порядке, и что его не пристрелили невидимые чудовища, или бог знает, что еще? Нет! Только не Аякс! Он был где-то там, развлекался, пока она прохлаждалась тут в полной безопасности. Он ушел рисковать свое жизнью, а Эмилия должна оставаться тут и следить за кораблем. *Так нечестно!*

В конце концов, она больше не могла этого вынести. Мрачно стиснув зубы, Эмилия забралась в скафандр и отправилась за своим возлюбленным, которому бы с радостью (но только сейчас) настучала по голове чем-нибудь тупым и тяжелым.

Эмилия вылезла наружу и пошла по наклонному носу яхты к невидимым отсекам, внешние слои которых пробила «Судьба». Через некоторое время, она заметила, что поле невидимости начинает ослабевать, и уже можно было смутно разглядеть то, что имелось вокруг нее.

В отличие от Аякса, Эмилия сразу поняла, где оказалась.

Она была в Аяксии. Она поняла это, потому что однажды помогала мыть этот коридор. Она точно не ошиблась, прямо под выходом на корму тут было пятно ржавчины в форме штата Юта и белая засохшая лужица моющего средства, которую она забыла вытереть после уборки в углах.

Кроме того, Эмилия подняла давно потерянную шпильку для волос, опознанную с первого взгляда.

Она в замешательстве нахмурилась.

Это было чистое безумие: конечно, она оказалась в Аяксии – но этого просто *не могло быть!* Потому что Аяксия туда-сюда металась по космосу, преследуемая стаяй обезумевших от гнева сатурниан. Эмилия смотрела, как корабль-планетоид ускользает от разумных амеб, нервно ожидая, пока вернется Тупица, в этом не было сомнений. Существовал только один корабль подобного размера, она могла поставить на это свою жизнь!

Мисс Эмилия Хэкеншмидт являлась практичной молодой леди с очень сильным характером. Ей было особо некогда вдаваться в дебри философских вопросов и логических рассуждений. Если она находилась в Аяксии, и, если казалось, что Аяксия мечется по космосу, то, значит, так только *казалось*. Эмилия не могла оспаривать надежность доказательств на руках, или, скорее, под ногами. Следовательно, неуловимый корабль-планетоид, за которым гонялся сатурнианский патруль, являлся всего лишь каким-то миражом... иллюзией... создаваемой с недвижимой Аяксии, ставшей невидимой благодаря какому-то неизвестному процессу.

Поверить в эту теорию было совсем несложно. В конце концов, корабль-планетоид был до самого верху набит неизвестной и таинственной аппаратурой, созданной на высоком уровне технологического развития древней цивилизации астероидян. Очевидно, Вудж или тот, кто сейчас управлял королевством, покопался в механизмах и понял, как использовать один из них. Все было *настолько* просто.

Эмилия двинулась вперед. Она собиралась воспользоваться внутренней связью, чтобы связаться с Вуджем, но затем решила сначала попробовать найти Аякса. Он, наверняка, бродит где-то неподалеку. И она столкнется с ним в любую минуту.

Эмилия прошла по коридору мимо нескольких неиспользуемых отсеков, потом через пересечение коридоров и по еще одной главной артерии... и заметила впереди фигуру в скафандре. *Аякс?*..

Эмилия уже собралась было позвать его по рации, встроенной в шлем, как увидела, что он не один – за ним стояла *вторая* фигура.

Та больше всего напоминала какого-то робота-осьминога с шарообразным телом, из которого торчали восемь суставчатых ног, похожих на пучок труб.

Только *не* роботы! Только не на Аяксии!

Затем Эмилия заметила нечто странное: стальной осьминог подкрадывался с *пистолетом* к фигуре человека.

Человек выглядел, как Аякс, насколько она могла определить сзади: по крайней мере, скафандр был таким же. В любом случае, Эмилия должна была сделать хоть что-то – что-нибудь – она просто не могла

беспомощно стоять рядом и смотреть, как человека в скафандре застрелит механический осьминог!

Эмилия осторожно достала свой пистолет. Во время прохождения подготовки в МЗКУ она провела много часов, обучаясь стрельбе из бластера, и могла с легкостью попасть в робота-осьминога с этого расстояния. Эмилия прицелилась.

Минутку. А что робот-осьминог делает на Аяксии?

Она резко остановилась.

Мысли вихрем пронеслись через ее разум, она пыталась представить, кто мог быть на Аяксии и выглядел бы, как механический осьминог. Хотя круг предположений Эмилии оказался широк и разнообразен, был только один кандидат, подходивший по обоим пунктам...

Это был не робот-осьминог, это был Вудж.

Подкравшийся к Аяксу со спины с бластером в руках? Почему Вудж вдруг решил напасть на любимого монарха, бесстрашного лидера, доброго правителя и дорогого друга?

В любом случае, что Эмилии делать с этим? Застрелить Вуджа? Конечно, нет! Застрелить Аякса! Не будь душой!

Будучи женщиной, она сделала единственное, что ей казалось логичным в сложившихся обстоятельствах. *Она закричала что есть мочи.*

XXI

Конечно, Эмилия все еще была в шлеме, поэтому она чуть не оглушила себя. Также она не включила встроенную в скафандр рацию, чтобы Аякс смог ее услышать. Но, как оказалось, ее душераздирающий крик все-таки дошел, как до Аякса, так и до Вуджа, поскольку они оба застыли, словно пронзенные пиками, и через некоторое время повернулись, чтобы уставиться на нее.

А произошло это, разумеется, потому, что коридор все еще был заполнен воздухом. Когда «Судьба» пробила корпус корабля-планетоида, в космический вакуум вышло большое количество воздуха. Но древние строители учли возможность получения пробоев – хотя больше опасались метеоров, чем космических яхт. Поэтому установили простую систему: при повреждении корпуса, резкое падение атмосферного давления автоматически закрывает переборки и запечатывает разгерметизированную зону. Следовательно, та часть корабля, где находились все трое, все еще была герметичной. Эмилия с Аяксом оба прошли через несколько дверей, которые провели их, как шлюзы. Они были слишком увлечены, пытаясь понять, где оказались, чтобы заметить или обратить на это достаточно внимания. Поэтому, хотя и приглушенный шлемом, вопль Эмилии достиг Вуджа с Аяксом, и они резко развернулись, – одновременно увидев друг друга.

– Вудж! Старина Вудж!.. Прекрати орать, Эмилия. И какого Космоса ты тут делаешь? Я же сказал тебе оставаться в корабле... О, Вудж, зачем тебе пистолет? Почему ты направил его на меня... разве ты не узнаешь своего дорогого правителя?

– С-стойте где стоите, вы оба. Не знаю, как вы выбрались из холодильника, но... – заколебался Вудж, а его бластер неуверенно поглядывал то на Эмилию, то на Аякса.

Он не смог бы застрелить обоих одновременно, а и тот и другая были вооружены. Кого бы он ни поджарил первым, второй тут же его застрелит.

– Выбрались из холодильника? О чем ты говоришь? Ты что, не узнаешь нас? Эмилия, старина Вудж спятил – он, кажется, считает нас двумя замороженными тушами или чем-то таким!

– Ты больше не заговоришь мне зубы, подлый сатурнианин! – Многочисленные глаза Вуджа злобно засверкали.

– Аякс, ты идиот! – выпалила Эмилия. – Очнись! Неужели ты не видишь, что происходит – Вудж принимает нас за двух *обманищиков*, так же, как когда мы позвонили ему из Дворца Калкинса.

– А, вот как, да, верно! – облегченно воскликнул Аякс. – Вудж, если это *так*, то взгляни на экран. Имитаторы все еще в холодильнике. Мы с Эмилией – настоящие, сам посмотри, если не веришь!

Вудж подозрительно взглянул на Аякса, но подошел к экрану на двери и посмотрел на него левыми глазами, правыми неотрывно следя за парочкой. На вид это довольно сложно, я признаю, но с такими глазами, как у разумного марсианского паука, это весьма удобно.

И действительно, псевдо-Аякс с псевдо-Эмилией все еще были в холодильнике, навечно застыв, даже их лазеры замерзли, не успев проплавить дверь. Искусственные рубины, используемые сатурнианами, трескались при очень низких температурах, а двое шпионов просто застыли, покрывшись инеем. Вудж расслабился и опустил пистолет.

– Ох, дорогой лидер... мисс Хэкеншмидт, мэм! – дрожащим голосом проговорил он. – Как я, ваш верный подданный и премьер-министр только посмел принять вас за сатурнианских шпионов! Как я посмел поднять на вас руку! Ох, Паутина Предков задрожит от моего вечного позора, и все мои яйца будут взбитыми!

– Тише, тише, – успокаивающе сказал Аякс. – Забудь об этом. Все *ошибаются* – не вини себя – ты же не знал, что это я!

– Н-но, бесстрашный лидер! Если бы мисс Хэкеншмидт не заявила о своем присутствии в тот самый, когда она сделала это, я... я бы застрелил вас! Я думал, что вы...

– Гррм!.. Гм-м... Ну, ну! Я не понял этого... Прошу прощения, Эмилия, что велел тебе перестать орать. Отныне, у тебя есть королевское разрешение орать, что есть мочи, по своему усмотрению при подобных обстоятельствах!

– Ооох, Аякс, мне так хочется тебе врезать!

– Нет, нет. Короля нельзя бить. Я знаю, что у всех нас по пятьдесят миллионов вопросов... так почему бы нам не вернуться в рубку, не вылезти из скафандров, не отдохнуть и не поделиться соображениями. Хорошая мысль? Например, я был бы очень рад, если бы кто-нибудь сказал мне, как мы оказались на Аяксии – *невидимой* Аяксии, – в то время, как я ясно видел, что Аяксия мечется по космосу рядом с Сатурном, беспорядочно преследуемая толпой сатурнианских кораблей?..

На мостике они сняли скафандры и отдохнули, обменявшись историями. Вудж рассказал о случайном обнаружении загадочного устройства, создающего миражи. Этот механизм, странное скопление наклонных зеркал и расщепляющихся лучей света, создавал точнейшие копии объекта на значительном расстоянии, одновременно делая сам объект полностью невидимым для невооруженного глаза и даже радара. С помощью этого устройства, Вудж, находясь на некотором расстоянии от Сатурна, заставлял Кольцевой Патруль носиться за миражами корабля-планетоида, что закончилось полным уничтожением патрульного флота.

Вудж рассказал, как, наконец, понял, что «Аякс» и «Эмилия» являлись сатурнианскими имитаторами, и как он заманил их в гигантский холодильник и опустил температуру ниже сатурнианских значений. При меньше, чем минус двухстах пятидесяти градусах, сатурнианские амебоиды автоматически впадали в спячку, именно так они переносили сверххолодные арктические зимы до того, как научились строить города. Пока шпионы пытались прожечь дверь холодильника, температура упала до уровня впадения в спячку, и они заснули прямо в середине процесса. Таким образом, превратив в лед локальных врагов, им нужно было беспокоиться только о самом Сатурне.

– И, дорогой хозяин, скоро придут другие корабли. Я перехватил и расшифровал часть разговора между командиром патруля, Верховным Главнокомандующим Граушмитцем и его начальником, Самым Верховным Адмиралом Хейммершлитцером, находящимся на Великой Неприступной Главной Базе, расположенной на одном из спутников Сатурна, адмирал угрожал сварить Граушмитца в кислотных ямах и подвергнуть еще более страшным наказаниям, если тот не преуспеет в захвате Аяксии! Теперь, после того, как главнокомандующий Граушмитц уничтожил весь свой флот и самого себя, у меня нет сомнений, что Адмирал скоро объявится сам.

– Бедняга Граушмитц погиб вместе со своим флотом! – печально воскликнул Эмилия. – Но, думаю, это все же лучше, чем ямы с кислотой...

– Намного лучше, – серьезно согласился Вудж.

– Забудь о сочувствии, – сказал Аякс. – Нам лучше подумать о том, как выбраться отсюда, прежде чем появится адмирал. Вудж сумел хитростью заставить одну эскадрилью разбиться о самих себя, но мы

вряд ли можем рассчитывать, что этот трюк сработает еще раз – и не забывайте, что у корабля-планетоида нет защитного вооружения и брони.

Эмилия достала пудреницу и поправила макияж.

– А у нас есть причины, по которым мы не можем просто не выключать невидимость и лететь обратно, на территорию, контролируемую МЗКУ, оставив сатурнианский флот преследовать мираж Аяксии, направляющийся в другую сторону?

Вудж согласился с разумным предложением Эмилии. Но Аякс, кажется, не слушал их.

– Скажи-ка, Вудж...

– Да, бесстрашный правитель? – ответил верный подданный.

– Где находится эта Великая Непрístupная Главная База? Откуда Самый Верховный Адмирал Хейммершлитцер отдает приказы?

– Я так и думал, что эта информация может пригодиться, – улыбнулся Вудж, – поэтому отследил сигнал Адмирала. Главная База расположена на десятом спутнике Сатурна – я забыл его название – тот, что вращается над внешней границей колец.

– Интересно, зачем им нужны все эти помпезные титулы? – размышляла Эмилия, хотя это было не так уж важно. – И откуда склизкие амебы взяли все эти немецкие имена?

– Земная история, докосмическая эпоха, – рассеянно объяснил Аякс. – Их заморозили древние времена Кайзера Вильгельма и Германской Империи. Вся их цивилизация создана на основе прусского империализма. Если бы у сатурниан были головы, а не комки желе, думаю, они бы носили шлемы с рогами и все такое... Десятый спутник, да, Вудж? Это же тот, что был открыт в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом французским астрономом – как там его звали? – Одуен Дольфюс. – Аякс самодовольно прокашлялся, считая, что монарх, в первую очередь, должен быть хорошо информированным. – Он делает один оборот вокруг Сатурна за восемнадцать часов и является средним по величине, чуть больше трехсот километров в диаметре, насколько я помню. Да туда просто рукой подать...

– Ну... – Эмилия захлопнула пудреницу, – ... пора убираться отсюда, я готова. Незачем ждать Самого Верховного Адмирала или как там его.

Аякс посмотрел на нее с серьезным, задумчивым видом. В ее глазах сверкнули дьявольские огоньки – лишь только пара искорок.

– Не спеши, дорогая. У меня появился отличный план... знаешь, нас ведь разыскивают за измену, предательство и за все, что стоит в словаре между клязничеством и кумовством. Когда мы покажемся на территории МЗКУ, нам лучше иметь с собой чертовски весомые доказательства, что мы не перебежчики.

– Но ведь *мы* ничего такого не делали – это двое *других*!

– Да, дорогая, – спокойно улыбнулся Аякс. – Ты знаешь это – я знаю это – даже наш старый добрый друг и верный премьер-министр Вудж знает это. Но МЗКУ – не знает, и у них будут все причины сомневаться в нашей истории.

– Ну, значит, нам придется рискнуть, – отрезала Эмилия. – В конце концов, наши слова подтвердят те две ледышки в холодильнике.

– Да, это верно... но у меня есть одна мысль. Дома нас встретят гораздо гостеприимнее (если можно так выразиться?), если мы привезем МЗКУ небольшой подарок.

– Что еще за «*небольшой подарок*» у тебя на уме, Аякс? – спросила Эмилия со взглядом, полным сомнений.

Идеи Аякса обычно приводили к катастрофическим последствиям, и она совсем не собиралась выслушивать еще одну в такой напряженный момент.

– Это очень хороший план, – спокойно сказал Аякс, – и, думаю, он имеет изрядные шансы на успех. Вудж, Эмилия, слушайте внимательно. Вот, что пришло мне в голову...

XXII

Самый Верховный Адмирал Хейммершлитцер просто кипел от ярости. За последние полчаса от этого безмозглого дурня Граушмитца не пришло ни одного сообщения и, хотя Хейммершлитцер постоянно его вызывал, ответа так и не было. Верховный Главнокомандующий Кольцевого Патруля, этот некомпетентный кретин, собирался бросить все силы против неуловимого корабля-планетоида, когда Адмирал прекратил последний сеанс связи. Так что же произошло?

Если бы Адмирал, по какому-нибудь счастливому стечению обстоятельств, обладал ногами, он бы нервно расхаживал взад-вперед, как лев в клетке. К несчастью – будучи ничем иным, как дурно пахнущим сгустком протоплазмы – он мог только сидеть в седле-гамаке и кипятиться. Однако кипятился он очень эффективно. Вообще, весь командный мостик Главной Базы вонял, как яма со слизью.

Внизу половина сатурнианского флота находилась в полной готовности у главных ворот базы, готовая по первому движению усика с глазом вылететь в космос, загруженная по самые иллюминаторы семнадцатую тысячами шестьюстами сорока девятью ведущими сатурнианскими учеными, математиками, лингвистами, инженерами, физиками, высокопоставленными офицерами флота и даже драгоценным членом королевской семьи, Очевидным Наследником, Его Неописуемо Превосходящей Светлостью, принцем Царфбладдером, министром космических дел Империи – и все до единого только и ждали момента, чтобы начать разворовывать научные сокровища Аяксии. *И где там этот Граушмитц вместе со своим сигналом к «наступлению»?*

Яма с кислотой слишком хороша для чертова болвана. Электрические плети окажут ему услугу. Уколы в ядро или даже радиоактивные сороконожки вряд ли соответствуют преступлению Граушмитца против Родины. Какая-нибудь невероятно хитроумная *новая* попытка... нужно какое-нибудь чудовищно изощренное и оригинальное наказание... ГМ-м...

Адмирал погрузился в приятные области своего плодovitого воображения, когда к нему подошел младший лейтенант, задрожал от ужаса и быстро пропихнул сообщение, прежде чем известный своим буйным нравом Адмирал взорвался из-за того, что так бесцеремонно нарушили его размышления.

– В-ваше П-п-п-ревосходительство! – затрещал младший лейтенант. – Пришло сообщение с корабля-п-п-планетоида!

Адмирал направил усик с глазом на дрожащую амёбу.

– Хочешь сказать, сообщение от этого безмозглого подлеца Граушмитца, дурак ты этакий! – поправил он. – Тридцать плетей за такую глупую ошибку, кретин!

От страха лейтенант чуть не растекся в лужицу прямо на палубе.

– Н-нет, Ваше Превосходительство, – снова затрещал он, – я *не* имел ввиду Верховного Главнокомандующего – сообщение пришло с Аяксиянского корабля!

– ГМ-м... Очень хорошо. Втыкай кабель и убирайся. И пусть будет *сорок* плетей – дополнительные десять за то, что посмел поправить вышестоящего офицера! Дисциплина! Везде должна быть дисциплина! Весь флот прогнал насквозь, – проворчал адмирал, когда трясущийся комок подсоединил кабель к пульту управления и покинул рубку, сиротливо опустив усики и направляясь в дисциплинарную камеру.

Когда экран включился, его заполнило лицо Аякса Калкинса – невыразительное и деревянное.

– Самый Верховный Адмирал Хейммершлитцер, я – сатурнианин, выдающий себя за Аякса Калкинса, как вы знаете, – холодно затрещал его голос из динамика.

– Ага! Секретный агент F-109-X, это вы? Хорошо! Что, во имя Десяти Тысяч Космических Катастроф, у вас происходит – где Граушмитц и его эскадрилья?

– Мертв, Адмирал. Пал, доблестно служа героической Сатурнианской Межпланетной Империи, – ответило лицо на экране. – Попал в ловушку этого дьявольски хитрого марсианского паука, того, что Калкинс оставил управлять кораблем-планетоидом. – Лицо Аякса на экране исчезло, чтобы показать напряженную сцену в задней части рубки Аяксии: беднягу Вуджа, связанного пластиковым шнуром, держала под дулом пистолета неподвижно стоящая Эмилия Хэкеншмидт, механически поприветствовавшая адмирала, когда его усики с глазами заполнили экран на Аяксии.

– Какую еще ловушку, F-109-X? Как?

– Каким-то образом, – пожал плечами тот, – паук обнаружил, что мой спутник-агент и я не являемся настоящими Калкинсом и Хэкеншмидт. Он заманил нас в холодильную комнату и снизил температуру до такого уровня, который, как он считал, заморозит наши амебоидные тела. Затем он обманул патруль Граушмитца хитроумным трюком с миражами – создаваемыми одной из недавно найденных машин астероидян – и они храбро встретили свою судьбу. Однако, паук оказался не так умен, как ему казалось. Он не знал, что наши псевдотела оборудованы лазерами. Мы проплавили дверь в холодильник, прежде чем успели замерзнуть, схватили злобного паука и выключили хитроумное устройство. К несчастью, нам не удалось спасти главнокомандующего Граушмица и его эскадрилью от гибели в адском пламени судьбы.

– Ну, на войне, как на войне, – спокойно проворчал адмирал. – Полагаю, все готово для высадки на Аяксию?

– Так точно! Я вывожу планетоид на орбиту сразу за орбитой спутника, который земляне называют Феба, – деревянным голосом сказал Аякс. – Мой спутник с нетерпением ожидает вашего прибытия так же, как и я: это станет поистине историческим моментом!

– Ах! Хорошо! Хейммершлитцер отключается – хорошая работа, F-109-X! Не сомневаюсь, что Его Неописуемо Превосходящая Светлость, Коронованный принц Царфбладдер, Очевидный Наследник Имперской Сатурнианской Короны, согласится, что вы заслуживаете наивысших почестей: повышение до звания секретного агента G-109-X! Мои поздравления!

– Мои благодарности Адмиралу! – радушно сказал Аякс. – Мы с моим напарником искренне желаем, чтобы Ваше Превосходительство как можно быстрее получило награду, которую *вы* заслуживаете!

Засветившись от удовольствия, Адмирал Хейммершлитцер прервал связь с Аяксией и переключился на общий канал.

– *Внимание!* – прогремел его жадный голос в каждом зале, отсеке, каюте и трубе всей Великой Непроступной Главной Базы. – Благодаря моему превосходному пониманию тактики и героическим лидерским способностям, спешу объявить, что непокорный корабль-планетоид Аяксия, наконец-то оказался у нас в ложноножках и удерживается двумя нашими лучшими секретными агентами! Научный и инженерный персонал, как и выдающиеся военные наблюдатели и королевская семья, могут выдвигаться к планетоиду в соответствии с Красным Планом! Я буду находиться в авангарде на своей личной яхте! В героическую и славную летопись нашей Великой Сатурнианской Империи была добавлена еще одна блистательная глава! Вот так!

Через несколько секунд из главных ворот базы начали вырываться десятки и сотни кораблей, словно огромные торпеды над каменистой поверхностью десятого спутника Сатурна. Они сверкали пылающей

дугой на фоне величия могучих колец и неслись к орбите Фебы, где их ждал корабль-планетоид.

Все верно, скоро будет дописана еще одна великая глава в истории. Вот только в *чьей* истории?

XXIII

Никто никогда не думал о вице-адмирале Милтоне А. Креплахе как-то иначе, чем о честном человеке, и в Марсианско-Земном Космическом Управлении у него была прекрасная репутация офицера, известного своим выдающимся самоконтролем. Вообще, его самодисциплина была таковой, что подчиненные ласково называли его «Чугунной башкой». Разумеется, за глаза.

Однако даже самому спокойному наблюдателю последних событий придется признать, что если когда у кого-то – даже у офицера с репутацией вице-адмирала Милтона А. Креплаха – и был повод немного рассердиться, может быть, даже совсем слететь с катушек, так это у вице-адмирала Милтона А. Креплаха.

Никто в МЗКУ не мог сказать ничего плохого о том, как честно повел себя Креплах во время недавнего, встревожившего большинство людей предательства Аяксии. Никто не чувствовал ничего иного, кроме как искреннего восхищения его выдержке, когда не стал преследовать убегающий на сатурнианскую территорию корабль-планетоид. Конечно, наблюдатель мог понять, как разочаровывающе было преследовать предателей так далеко, а затем вернуться с пустыми руками. Но все прекрасно знали, что если бы вице-адмирал Креплах *пересек* границу между МЗКУ и Сатурнианской Империей, это стало бы напряженным межпланетным инцидентом и, возможно, вызвало бы *войну*. Итак, Креплах развернулся, глядя, как Аяксия радостно летит в направлении планеты с кольцами. И никто бы сильно не винил адмирала, если бы он ругался всю дорогу до базы на Церере в астероидной зоне. А так оно и было. Некоторые из лейтенантов, исподтишка подслушав его богатую на трехэтажные ругательства речь, зашли так далеко в своем восхищении невероятными лингвистическими способностями адмирала, что включили портативные кассетные диктофоны, чтобы сохранить для потомков хотя бы часть этого адмиральского фольклора.

Экспертов бранных речей особенно поразил анализ Аякса Калкинса и его генеалогического дерева, как по материнской, так и по отцовской линии. В этом исследовании последних семнадцати поколений предков Калкинса, адмирал *ни разу* не позволил себе повториться. Это вселило трепет в сердца даже самых красноречивых сержантов космических войск МЗКУ!

Вернувшись на Цереру, адмирал Креплах заперся в своем кабинете на двадцать четыре часа, имея в качестве утешения только поло-

вину ящика жидкости, ласково называемой космическими войсками «стеклорез».

И адмирал сделался совсем мрачным. Его мало волновало, что его действия были полностью безукоризненными – по правде говоря, достойными восхищения. Не имело никакого значения, что в Солнечной системе не существовало ругательства, способного выразить его мнение по поводу того, что произошло с Аяксий. Поскольку он винил в этом себя.

Ведущий новостей Конрад Винтерсмит назвал его действия «самообладанием, достойным уважения». Ответ Креплаха (или ту часть, что мы можем напечатать) был следующим: «Удалено этого удалено Винтерсмита прямо в его жирную удалено!».

Теперь, несколько дней спустя и почти на дне ящика жидкого утешения, вице-адмирала Креплаха побеспокоил звонок по внутренней связи.

Он, ну, не дремал, а скорее над чем-то размышлял, когда противный, дребезжащий звонок выдернул его из состояния мечтательности. Он представлял, что Аякс Калкинс был привязан к столу... беспомощный... и, хотя адмирал Креплах не слышал, как Самый Верховный Адмирал Хейммершлитцер угрожал Верховному Главнокомандующему Граушмитцу большим разнообразием дисциплинарных мер, от иссушающих камер и электрических иголок до чанов с кислотой и (*ужас!*) *рыболовных крючков*, его собственная гамма пыток в жестокости не отставала от сатурнианских.

Выругавшись, адмирал включил внутреннюю связь и сфокусировал мутный, но все равно испепеляющий взгляд на розовощеком молодом лейтенанте на экране.

– Ну и?.. – прорычал он. – Я же говорил вам, тупицам, не беспокоить меня, пока не поймаете Аякса Калкинса!

Молодой лейтенант вздрогнул при виде мешков под глазами и налитых кровью самих глаз Креплаха, но храбро выдержал испытание.

– Извините, сэр, но Аякс Калкинс, *действительно*, у нас в цепях!

Креплах не поверил своим ушам. Он вцепился в трубку внутренней связи, будто это была соломинка, а он за целый день не выпил и капли воды.

– *Что?* Я правильно понял вас, лейтенант? – Адмирал подался к экрану, тяжело дыша. – Лейтенант... вы же не стали бы врать бедному старому Креплаху, не так ли? Скажите, вы же не обманываете старика, лейтенант!?

– Конечно, нет, сэр! – смущенно ответил лейтенант. – Это правда, сэр.

Глаза Милтона А. Креплаха вспыхнули нечестивым светом.

– Хотите сказать, он... Аякс Калкинс... у вас в руках? Калкинс в цепях?

– Да, сэр! Ну... еще не совсем в цепях. Пока еще нет, сэр. Но мы только что получили сообщение от Калкинса с борта Аяксии. Он только что сдался МЗКУ и хочет, чтобы мы встретили его на прежней орбите планетоида в группе троянских астероидов между Юпитером и границей астероидной зоны.

Лейтенант покраснел, отвел взгляд и отключился. Было неловко смотреть, как адмирал плачет.

У вице-адмирала Милтона А. Креплаха ушло около пятнадцати минут, чтобы вернуть себе привычное самообладание, принять душ, побриться, нацепить свежееутюженную форму и добежать до центра связи базы на Церере. Он вошел в большое помещение, выглядя не хуже, чем обычно, хотя внимательный наблюдатель мог заметить бешеный блеск в глазах – в них выражалась жадность сравнимая с жадностью каннибала в лагере младшей возрастной группы бойскаутов – и некоторую напряженность в уголках рта.

Адмирал подошел к столу с коммуникатором и медленно сел перед экраном.

– Ох, лейтенант, – тихим, приятным голосом сказал он покрасневшему лейтенанту, отвечающему за внешние переговоры. – Не могли бы вы... не могли бы вы связаться с мистером Калкинсом, находящимся на борту Аяксии? Я бы хотел переговорить с ним, – проявив чудеса сдержанности, сказал он.

– Да сэр, конечно, сэр, – устанавливая соединение, протараторил лейтенант.

За ним адмирал увидел стайку взволнованно суетящихся молодых офицеров, – они все слышали секретные записи последнего виртуозного выступления Креплаха в жанре многоэтажных ругательств и с плохо скрываемым трепетом ждали нового выхода маэстро.

Экран засветился, заморгал и прояснился, показав Аякса, лениво развалившегося в пилотском кресле с весьма самодовольным видом. Молодой человек поднял глаза, узнал раздраженное лицо Креплаха и улыбнулся.

– А, наконец-то. Вы, должно быть, вице-адмирал Милтон А. Креплах. Я так и думал, что вы скоро позвоните.

Креплах улыбнулся, как медведь, собирающийся сожрать сочного, но неосторожного охотника.

– А вы, наверное, Аякс Калкинс, – осторожно сказал он, и слюна поблескивала на его резцах.

– Разрешите вас поправить – Аякс Первый, король Аяксии, – самодовольно сказал молодой человек. – Как дела на старушке Церере?

На только что выбритых щеках Креплаха выступил едва заметный румянец.

– Тут все довольно тихо, мистер Калкинс... но, думаю, скоро обстановка немного изменится... Когда вы рассчитываете прибыть на орбиту?

Калкинс лениво посмотрел на доску, к которой были прикреплены несколько полосок печатной ленты.

– О, где-то через пару часов. Старина Креплах, вы же пошлете нам навстречу несколько кораблей, не так ли? Я могу *рассчитывать* на МЗКУ?

XXIV

Лицо Креплаха приобрело прекрасный бледно-лиловый оттенок. Его голос немного ломался на высоких нотах, но знаменитый самоконтроль не сдавал позиций.

– О, да, вас уже ждут корабли – да, сэр, причем довольно много кораблей. Ждут вас.

– Отлично! – улыбнулся Аякс. – Прошу убедиться, что у вас есть крупная стая пустых транспортников для переброски личного состава, хорошо, старина Креплах?

Адмирал поморгал, его улыбка дрогнула.

– *Пустых* транспортников? Для чего, тебе, *грязноротому, густопсовому, бессердечному, тухлопеченому*...

– Терпение! Терпение! – погрозив пальцем, укорил Аякс. – Так и insult можно схлопотать, Креплах. Самоконтроль – самое важное, вы же знаете.

– ...трусливый, с мозгом размерами с горошину, *ослолицый, тугухий, кривой*...

– Но, отвечая на ваш вопрос по поводу транспортника – для пленников, разумеется, – беззаботно добавил Аякс.

– ...*тупорылый, пустоголовый, косоглазый, свиномордый, змее*... Грррм? *Каких еще пленников?*

Аякс рассеянно посмотрел на свои ногти.

– Пленников, которых я везу с Сатурна, само собой, – буднично ответил он.

Приятный бледно-лиловый оттенок, заливавший щеки вице-адмирала Милтона А. Креплаха стал ярко-фиолетовым. Аякс восхищенно посмотрел на него.

– Ого! Хотел бы я, чтобы у моих одонтоглоссумов был такой же цвет, Креплах. В чем твой секрет, старина? Я бы выиграл все призовые ленты на фестивале цветов в Шанхае, если бы сумел...

– *Какие еще пленники с Сатурна?* – проревел Креплах так, что зазвенели все свободное лежащие предметы во всем помещении.

– Маленький подарок для храбрых ребят из МЗКУ, – спокойно ответил Аякс. – В конце концов, вы же не ожидали, что такой славный

король, как Аякс, совершит смелый рейд на вражескую территорию – до самой вражеской родной планеты, – не взяв пару пленных?

Крупное лицо Креплаха, залитое ярко-фиолетовой краской, покрылось свинцово-серыми пятнами везде, кроме белых зон вокруг рта и носа. Его горящие глаза выпучились так, словно собрались вылезти из глазниц и запрыгать по полу, как два налитых кровью шарика для пинг-понга. Он стиснул зубы с такой силой, что от десен отхлынула кровь.

Тяжело дыша, Креплах уставился на довольное лицо Аякса.

– Смелый рейд... вражеская территория... пленники? – жалобно спросил он.

– Разумеется, Креплах. Почему, вы думаете, я выступил с речью о моем так называемом «предательстве» – конечно, мне пришлось играть честно. Я не мог позволить никому влезть в мои планы, даже *вам*, Креплах. У врага везде глаза и уши, знаете ли. Так что... я привез вам пару пленников с Главной Базы сатурниан, из штаб-квартиры флота.

Свинцовые пятна уступили мертвенно-бледному оттенку. Милтон А. Креплах протянул руки и взялся за пульт управления с обеих сторон. Я бы не сказал, что его хватка была *крепкой*, но наблюдатели заметили, что эмаль отслоилась и довольно сильно потрескалась.

– Кого... вы взяли... в качестве пленных?

– Ну, давайте посмотрим, – задумался Аякс. – Тут у нас есть Самый Верховный Адмирал Хейммершлитцер. Он командует всеми сатурнианскими вооруженными силами, как вы наверняка знаете. *И* глава Тактического Управления, командующий флотом вторжения – не помню его имя, какой-то барон. *И* подчиненные ему офицеры, числом около пятидесяти девяти штук. *И* большая часть офицеров Хейммершлитцера, тридцать с чем-то штук. Также я прихватил главу секретной службы и двух его самых секретных агентов. *И* группу высокопоставленных шифровальщиков. Не говоря уже об ученых. В сумме около трех тысяч: космических ученых, электронщиков, лингвистов, математиков, физиков, всех типов химиков, тех, кто занимается энергетическим оружием, инженеров и я даже не знаю, кто там еще.

Креплах уже сильно побледнел и тяжело дышал.

– ... Правда? – слабо сказал он.

Аякс кивнул.

– А если я откину ложную скромность, то признаюсь, что еще взял около двух третей научных гениев всей Сатурнианской Межпланетной Империи, – ухмыльнулся он. – Они *все* хотели добраться до научных сокровищ планетоида... так что мы пустили их на борт и захватили всех сразу!

– ...В-вы не против рассказать... *как*? – слабым шепотом спросил адмирал.

– Конечно, нет, старина Креплах! Это был всего лишь немного измененный трюк моего премьер-министра, захватившего двух шпионов, проникших в Королевство Аяксия! Как вы знаете, при минус двухстах пятидесяти сатурниане впадают в спячку. Это автоматическая реакция на окружающую среду, и, несмотря на всю их цивилизованность, это нельзя предотвратить. Также, как люди не могут не спать дольше определенного периода, вы же понимаете?

– Да... продолжайте... я все понимаю!

– Так вот! Мой премьер-министр, Вудж проделал этот трюк, заманив шпионов в холодильную камеру, используемую для хранения мяса. Очень изобретательно, и даже такой правитель, как я, люблю хвалить подданных за находчивость. Как только мы убедили сатурниан, что корабль-планетоид находится в их руках, мы завели их в главный шлюз, который, позвольте мне объяснить, соединен с очень длинным и широким коридором. Мы впустили всех внутрь – там были тысячи амебоидов – и закрыли за ними дверь. Дверь спереди тоже была закрыта, но им нужно было пройти весь коридор, чтобы узнать *об этом*, понятно?

– Да. Все ясно. А что дальше?

– А мы их заморозили! – ликующе улыбнулся Аякс. – Мы установили охлаждающие змеевики в соседних комнатах вдоль этого коридора. Это было несложно – просто сняли все холодильное оборудование корабля-планетоида и смонтировали его заново, только в другом месте. Кажется, корабль-планетоид был построен, чтобы вмещать сотни тысяч древних астероидян, как вы видите, возможно, для какого-то длительного путешествия к ближайшим звездам с целью колонизации или чего-то такого. В любом случае, как бы то ни было – никто из них, разумеется, так и *не поднялся* на борт, потому что планета взорвалась до того, как они загрузились – но, чтобы кормить столько народа в течение всего пути до Альфа Центавры, или куда там собирались астероидяне, нужно было много еды, что означало большое количество холодильников. Так что мы заперли мерзких амебоидов в этом длинном коридоре и охлаждали их, пока они не заснули сладким сном!

– ... Очень умно, Калкинс...

– Не-не, я тут не причем. Это все заслуга Вуджа, – скромно сказал Аякс.

– И... *вот* почему вы, гм, «притворились», что предали Землю? Чтобы совершить налет на сатурниан?

– Ну, возможно, мы не *все* продумали заранее, старина Креплах, но, должен сказать, все прошло довольно гладко.

– Калкинс... Калкинс... а ты не думаешь, что сатурниане... гм-м... скажем, *не одобрят* такой рейд? Хотя бы немного? Хочу сказать, мы официально не воюем с Сатурнианской Империей, знаешь ли. Не ду-

маешь, что твои действия – возможно – станут причиной войны? – спросил Креплах опасно тихим голосом.

Краска вернулась на его лицо – по крайней мере, к большей его части, – и он приятно улыбался Аяксу Калкинсу, отвечавшему озорной мальчишеской ухмылкой.

– Это полностью исключено, старина!

– *Да?* – с преувеличенным акцентом спросил вице-адмирал.

– Да! Абсолютно. Ни малейшей возможности. Поскольку у нас около половины генеральского состава – мы почти очистили все Адмиралтейство. Вы сможете вытянуть из них достаточно информации, чтобы сделать войну бесполезной. К тому же, от их шифровальщиков вы узнаете последние коды. А от инженеров и ученых – все подробности конструкции новейших видов вооружения и всех боевых кораблей, которыми оснащен весь чертов сатурнианский флот! С *такой* информацией, да неужели вы не сможете надрать им задницу, даже если они *будут* достаточно глупы, что начать войну?

Креплах замер. Но его мозг напряженно работал.

– Знаешь, Калкинс... в твоих словах есть разумное зерно. – В голосе вице-адмирала появилась новая нотка надежды.

– Еще бы, – уверенно сказал Аякс. – Но это не все, у меня есть еще один козырь в рукаве. Я не планировал этого, но так получилось...

– Козырь в рукаве?

– Ага! Древнее выражение из докосмической эпохи, обозначающее обладание значительным преимуществом. Я забыл упомянуть еще об одном пленнике.

– Кого ты еще захватил? Императора Сатурна? – Губы адмирала Креплаха искривились – это была *почти что* улыбка.

Лицо Аякса, однако, расплылось в искренней улыбке.

– Не совсем. *Но я взял его старшего сына.*

Мертвая тишина.

– Для краткости, Креплах, скажу, что среди моих пленников есть Его Неописуемо Превосходящая Светлость, Коронованный принц Царфбладдер, Очевидный Наследник Трона Сатурнианской Империи.

Раздался глухой стук, за которым последовала еще более мертвая тишина.

– Креплах, вы еще там? – поинтересовался Аякс, поскольку экран погас, как только адмирал исчез с него.

Через секунду свинцово-серое лицо Креплаха заменила красная физиономия какого-то офицера.

– Прошу прощения, Ваше Величество. С адмиралом Креплахом, э-э..., кое-что... э-э... случилось. Его сейчас уносят в лазарет...

– Случилось? Надеюсь, что-то серьезное?.. Ой! Хочу сказать, надеюсь, *ничего* серьезного, – спросил Аякс.

– О, нет, Ваше Величество. Ничего страшного, я уверен.

– Хорошо... Не хотелось бы думать, что это произошло из-за моих слов или действий... как вы считаете, что с ним, лейтенант?

Лицо офицера приобрело выражение вежливой серьезности. Это что, подавленная ухмылка? – подумал при этом Аякс.

– Э-э... думаю, инфаркт, Ваше Величество.

ЭПИЛОГ

Независимое королевство Аяксия несло через космическое пространство. Сатурн остался далеко позади, а впереди уже виднелся могучий Юпитер с коричневыми и оранжевыми полосами. Аппаратура работала отлично: воспользовавшись древним устройством астероидя, создающим миражи, Аякс со своей верной командой сделали королевство невидимым, и послали его копию в направлении Нептуна, за которой теперь бешено гналась половина флота Сатурнианской Империи.

Примерно через час, астероид Аяксия сможет занять законное место среди планетарных тел, а королевство Аяксия – среди независимых государств, играющих важную роль на международной арене. Все обвинения против Аякса Калкинса и Эмили Хэкеншмидт были сняты – или будут, как только вице-адмирал Милтон А. Креплах восстановится после инфаркта. Корабли МЗКУ без единого выстрела захватили пару тысяч замороженных высокопоставленных амeboидов... и еще одна напряженная ситуация была разрешена, еще одна возможность начала межпланетной войны была ликвидирована, еще одна славная победа цивилизации была одержана... Аяксом Калкинсом.

Это определенно звучало приятно и напыщенно – «Аякс Калкинс, спаситель Солнечной цивилизации»...

Когда Эмилия Хэкеншмидт поднялась на мостик корабля-планетоида вместе с Третьим Нижайшим Вуджем, то нашла Аякса удобно развалившимся на одном из вращающихся кресел, мечтательно вглядывающимся в космос и время от времени прерывающим свои думы, чтобы начертать пару закорючек на доске, лежащей на коленях.

– В отделе замороженного желе все в порядке, – радостно объявила Эмилия. – Ни единого движения усика или ложноножки. Они пробудут в таком состоянии, пока МЗКУ не растопит их для допроса.

– Ага, – рассеянно сказал Аякс.

– Ага? Что с тобой?

– Прости. Я делаю кое-какие наброски, знаешь ли, пытаюсь сочинить кое-что... на меня нашло вдохновение... – мечтательно произнес он.

– Что еще за новости – ты что, собрался стать поэтом или к чему все это? – потребовала Эмилия.

– Нет, ничего такого. Но, в конце концов, знаешь ли, я тут подумал... как только МЗКУ вытянет у амебоидов все информацию и вернет их Сатурнианской Империи в обмен на заключение договора о мире, они, наверняка, устроят всякие церемонии и награждения в мою честь.

– Что? В твою честь, говоришь? – спросила Эмилия.

Если бы Аякс не был так погружен в раздумья, но мог бы заметить опасные нотки в голосе своей невесты.

– Ну, да, – скромно ответил он. – В конце, концов, знаешь ли... Спаситель Цивилизации и все такое. Ну... я представляю, как президент Солнечного Совета повесит мне на шею *Крест Мира*, и потом начнется громадный банкет, будут произносить торжественные речи, и миллионные процессии будут аплодировать, скандируя мое имя. Ну, и все такое. Так вот я подумал...

– Я бы и сама хотела на тебя повесить кое-что, – радушно сказала Эмилия, – только не *Крест Мира*. Но продолжай, расскажи все, что у тебя на уме. Что ты придумал на *этот* раз?

Аякс прокашлялся.

– Да ничего особенного. Но, когда я буду входить в Зал Совета – под грохот фанфар, между наклоненных шестов с флагами и через арку из мечей – в моей фиолетово-золотистой форме с алой накидкой, обрамленной (я еще не решил окончательно) мехом горностая... думаю, было бы замечательно, если бы собравшаяся толпа запела бы какую-нибудь песню, возможно, знаешь... нечто вроде гимна?

– Продолжай, Аякс...

Он еще раз скромно прокашлялся.

– Ну, так вот он – пока только грубый набросок, как ты понимаешь, очень грубый. На мотив... «Правь, Британия»... мне всегда нравилась эта песня.

– Давай, Аякс, хватит тянуть резину, – фыркнула Эмилия. – Я хочу послушать!

– Ладно... Тогда, вот... очень грубый набросок... там де дам де дам дам ДАМ...

Правь, Аяксия!

Аяксия – правь бездной космоса!

Под твоим славным флагом,

Аяксианцы никогда, никогда не будут горевать!

(последняя строчка требует некоторых изменений, не совсем подходит, видишь ли – придется призвать к королевскому двору какого-нибудь прославленного поэта, чтобы разобраться с этим) *Правь, Аяксия! Там там ти там ти там...*

Голос Аякса все пел дрожащим баритоном, и Эмилия с Вуджем обменялись долгими, выражающими глубокое сочувствие взглядами.

Затем выражение лица Эмилии смягчилось. Она с нежностью посмотрела на Аякса. И начала тихо подпевать.

Вудж глянул на Эмилию, прислушался, вздрогнул, затем пожал всеми восемью плечами. Его пронзительный, писклявый голос присоединился к остальным, и трое граждан независимого Королевства Аяксия стали петь, пока корабль-планетоид несясь через межпланетное пространство. Песнь звучала на фоне сияющих звезд:

Правь, Аяксия!

Аяксия – правь бездной космоса!

Под твоим славным флагом,

Аяксианцы никогда, никогда не будут горевать!

Правь, Аяксия...

*David Grinnell & Lin Carter. Destination Saturn, (Avalon Books, 1967),
пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим.*

Special INTERPLANETARY ISSUE

SEE
BACK
COVER

AMAZING

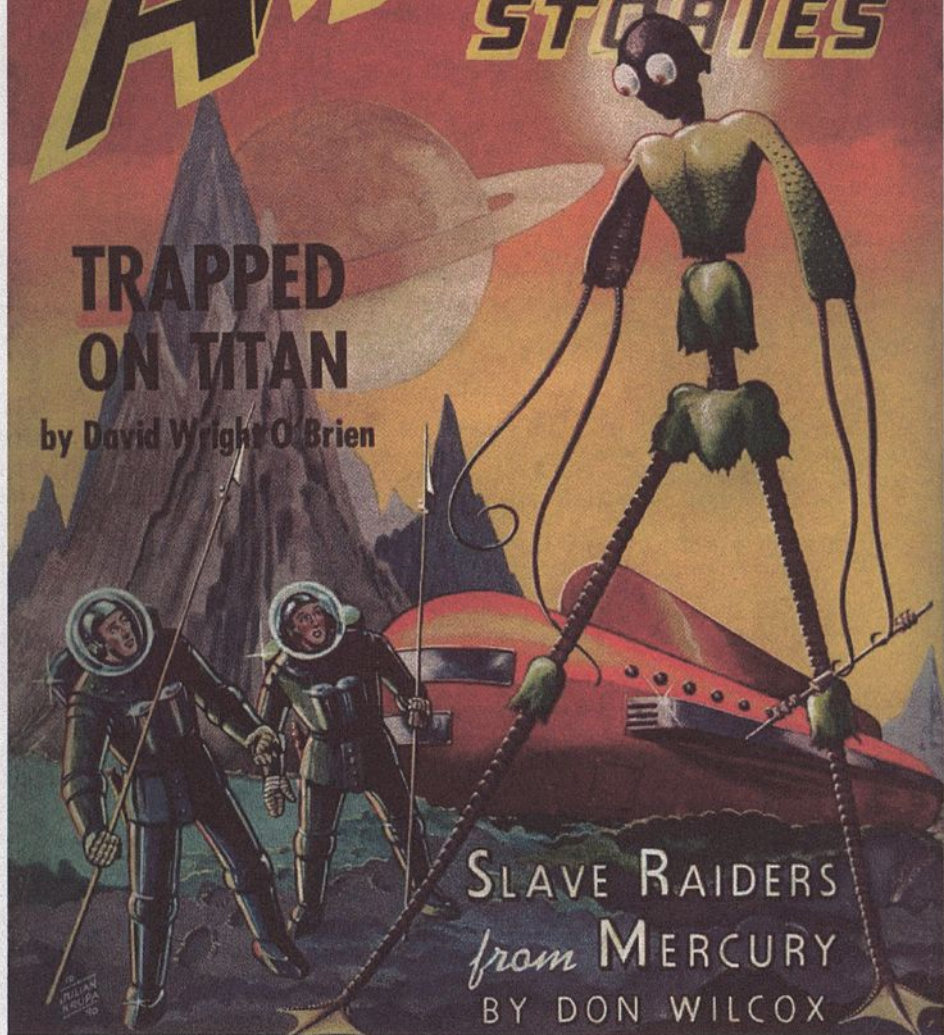
JUNE 20c

STORIES

TRAPPED ON TITAN

by David Wright O'Brien

SLAVE RAIDERS
from MERCURY
BY DON WILCOX

ПЛЕННИКИ ТИТАНА

– АЛЛО! АЛЛО, ЗЕМЛЯ... Алло... Вызываю на волне десять. Вызывает космический корабль Корпорации... На волне девять... Говорит космический корабль Корпорации... Говорю по рации корабля Корпорации... На волне девять... Ответьте, Земля...

Чет Чедвик отбросил со лба прядь темных волос и ударил по кнопке приемника радиостанции, возле которой сидел в рубке управления гигантского космического лайнера. Потом повернул свое долговязое тело ко второму пилоту, полнощекому Монку Сендсу.

– Интересно, какого черта им надо?

Сендс уклончиво пожал круглыми плечами, он явно тоже пребывал в недоумении.

– Не знаю. Может быть, шеф хочет проверить нас, а?

В следующую секунду приемник радиостанции принялся слабо потрескивать, после чего сквозь треск прорвался голос, волной прокатившийся по рубке. При первых же словах оба пилота вытянулись в струнку. Голос был женский, низкий и милый.

– Привет, Чет, – произнес женский голос. – Ты как там? И как наш дорогой Монк?

Чет Чедвик сделал резкий вдох, игнорируя пронзительный взгляд, который бросил на него Сендс Монк.

– Держу пари, что вы, два крупных пилота-испытателя, удивились, услышав меня, любимые, – ворковал тем временем голос. – Но я просто не могла ждать еще три дня, когда вы вернетесь на Землю, Чет... а также и Монк. Я просто ждать не могла, когда же увижу вас обоих, поэтому попросила вашего босса позволить мне поговорить с вами из диспетчерской компании. На всякий случай, если вы еще не поняли, с кем говорите, Чет... а также и Монк, что я не заставлю вас волноваться. Я Ольга, любимые. На самом деле, давай-ка закругляйся со своими противными контрольными испытаниями на этой противной старой космической лоханке, милый Чет. А также и ты, Монк. Увидимся через три дня, дорогие. Я сгораю от нетерпения.

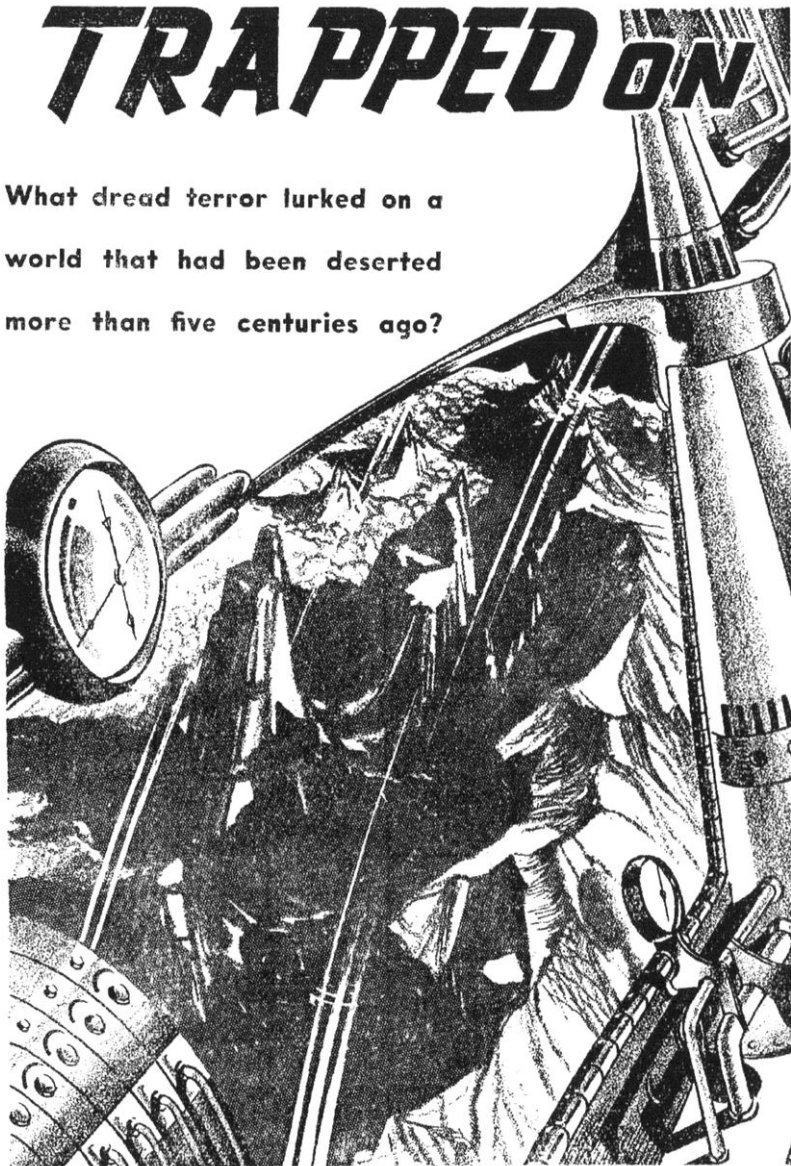
В динамиках снова раздался треск, снова послышался гул, а зажегшийся на панели над радиостанцией огонек показал, что разговор закончен. Чет Чедвик подался вперед и нажал еще одну кнопку, все еще не спуская настороженных глаз от помрачневшего второго пилота.

– Так! – нарушил зловещую тишину голос Монка. – Так!..

– Ну, же, Монк, – начал было Чет, подавляя улыбку.

TRAPPED ON

What dread terror lurked on a
world that had been deserted
more than five centuries ago?

With sickening speed the liner dropped toward the jagged world

— Не нукай тут мне! — проревел его напарник, и его обычно доброе лицо начало медленно наливаться иссинь-фиолетовым. — Так значит, теперь это Чет и Монк, а? И когда это ты успел поближе познакомиться с моей Ольгой, ты, вошь солдатская?

Чет изо всех сил пытался придать лицу выражение оскорбленной невинности, затем оторвал руки от пульта управления лайнером и выразительным жестом воздел их к низкому потолку.

– Монк, – укоризненно произнес он. – Неужели ты думаешь, что я стал бы обманывать приятеля?

– О, нет, скунс ты этакий, ты никогда бы не надул приятеля, – голос маленького, кругленького пилота-испытателя буквально дрожал от гнева и сарказма. – И ты никогда не держал свои грязные лапы подальше от моих женщин, с тем пор, когда я имел несчастье познакомиться с тобой. И совершенно не в счет Винни в Сингапуре, Гимни на аВенере, Мардж на Церере, Хелен на Юпитере... – Его полный отращения голос прервался, и лишь через минуту он смог продолжать:

– Их было так много, что я и упомянуть всех не могу. А теперь, черт бы побрал твои длинные лапы, я узнаю, что ты решил оправдать свою репутацию и с Ольгой!

Чедвик изо всех сил сдерживался, но его серые глаза замерцали, когда он сказал:

– Ну, Монк, ты же знаешь, что между Ольгой и мной ничего нет. Единственно, почему она вообще обращает на меня внимания, так это потому, что я твой друг. Клянусь, это все чисто платонически!

– Платонически? Да, точно так же, как у Ромео с Джульеттой тоже были платонические отношения!

– Да, ладно, Монк. Сейчас не время для разногласий. Что нам спорить о женщинах, когда в любой момент у этого малыша может упасть энергия. Черт, если мы не закончим испытания, то не сможем вернуть лайнер на Землю через три дня.

– Ты что-то меняешь тему, – подозрительно уставился на него Сендс.

– Мы можем все обсудить после окончания испытаний, – ответил Чедвик и, словно вопрос был закрыт до следующего удобного случая, начал внимательно осматривать пульт управления.

Сендс молча наблюдал за ним, кипя от гнева и негодования.

– Лучше проверь еще раз пульт, – бросил Чедвик своему, доведенному до бешенства, напарнику.

Сендс, бормоча себе что-то под нос, стал производить проверку приборов, расположенных перед ним. Через минуту он поднял голову.

– Все в порядке!

Чедвик закончил свою работу и благосклонно кивнул.

– Весьма неплохо, дорогуша. И теперь держись. Сейчас мы зададим этой посудине перца!

ВКЛЮЧИВ ДВИГАТЕЛИ на половинную мощность, Чедвик взялся за штурвал, и через несколько секунд огромный космический лайнер с тошнотворной неожиданностью опустил нос. И в тот момент, когда громадный экспериментальный лайнер заскользил по космосу, Чедвик бросил второму пилоту одну ядовитую фразочку.

– Ольга хорошая детка, – сказал он, – но я терпеть не могу ее помаду!

Затем он «дал газку» и послал лайнер в крутой вираж.

Из дюз рванулись на волю потоки энергии, и из Сендса Монка – тоже.

Он открыл рот, выпустив из рук второй штурвал. Негодование буквально рванулось из него широким потоком. Чет Чедвик успел только крикнуть:

– Что ты делаешь, черт поberi! Немедленно верни свои лапы обратно к управлению!

Но, еще говоря это, Чедвик понял, что слишком поздно. На таком вираже нагрузка была слишком велика, чтобы один пилот смог удерживать штурвал. Для того и существовал второй штурвал и второй пилот,

который должен был объединить свои силы с ведущим. Чедвик почувствовал, как центростремительная сила вырывает штурвал у него из рук. Даже сквозь гул двигателей оба пилота услышали щелчок, с которым магнитные направляющие отлетели и устремились в космос, оставляя лайнер без управления.

Чедвик немедленно вырубил тягу и, с помощью второго пилота, сумел поднять нос лайнера на одну линию с килем. Неуправляемый, лайнер медленно летел в пространстве.

– Это все ты! – пролаял Чедвик.

– Я? – Голос Сендса стал тонким и дрожащим от ярости. – Я?!

– А что еще, черт поberi? – взревел Чедвик. – Ты что, не мог держать свои лапы на штурвале до конца маневра? Я должен... – И он многозначительно замолчал.

Сендс тут же вскочил на ноги и, стискивая кулаки, двинулся к своему напарнику.

– Немедленно. Закончи свою фразу. Ты должен что? – металлическим голосом, очень отчетливо проговорил он.

Чедвик тоже поднял свое долговязое тело с кресла и повернулся к Сендсу.

– Должен дать тебе по носу! – сказал он.

– Ну, ты, глиста на палочке, крадущий чужих женщин скунс! Только попробуй, я так этого хочу! Ну, давай же, попробуй!

Внезапно Чедвик расслабился.

– Какое чудное представление. Мы здесь ругаемся из-за женщины, а корабль тем временем летит себе без руля и без ветрил!

Лицо Сендса сморщилось, он повернулся и подошел к иллюминатору по левому борту.

– Вот же блин! – сказал он, глядя в окружающую лайнер непроницаемую черноту космоса. – Я совершенно забыл об этом. Ну и что, черт поberi, мы будем делать?

– Заниматься ремонтом. Это бесспорно. Мы не сможем привести этого дитятю обратно на Землю без магнитных направляющих, это уж точно. И так же точно, что мы не сумеем заменить их в открытом космосе, – ответил Чедвик.

– Может, тогда нам стоит определиться, где мы находимся? – спросил Сендс.

– Глянь на радио-компас, – предложил его напарник. – Мы только сутки как вышли из зоны притяжения Сатурна. Поэтому должны быть где-то чуть выше одной из его лун.

Сендс Монк что-то проворчал в ответ, затем нагнулся над компасом. Его белокурая голова несколько раз прошлась вверх и вниз, когда он брал «на прицел» их позицию. Наконец, Монк поднял голову и повернулся к Чедвику.

– Нам повезло, – сказал он. – Но это с одной стороны. А с другой, напротив, не повезло.

– Что ты имеешь в виду?

– Поскольку мы можем направлять корабль лишь вверх или вниз, но никак не в любую другую сторону, то нам чертовски повезло, что мы оказались над планетой. Но нам одновременно и не повезло, так как эта планета относится к зонированным.

Чедвик присвистнул. «Зонированными» были планеты, который Совет Земли определил как непригодные для жилья и бесполезные по любому из многочисленных параметров. Они лежали вне межпланетных транспортных маршрутов и рядом с ними не пролетали никакие корабли. Гарантированно невозможно провести любые ремонтные работы на «зонированной» планете.

– И как же называется этот шарик, над которым мы висим? – спросил Чедвик.

– Титан, – коротко ответил Сендс, затем взял межпланетный справочник и быстро перелистал. – Если верить тому, о чем сказано в этой книге, – заявил он, – то Титан является «зонированным» спутником Сатурна. Одним из спутников. Климатически непригодный для жилья, этот мирок покинули в две тысячи восемьсот двадцать первом году, когда были исчерпаны запасы радия.

Толстенький пилот с шумом захлопнул книгу и поглядел на напарника.

– Черт, – прошипел сквозь зубы Чедвик. – На Титан пятьсот лет не ступала нога человека. Как же, черт побери, мы проведем ремонт в таком неудобном местечке?

– Сейчас мы не можем быть разборчивыми, – ответил Сендс. – Так что, идем на посадку?

Чедвик снова занял свое место за пультом управления.

– Может быть, стоит сообщить на Землю, чтобы они послали кого-нибудь забрать нас? – сказал он.

Сендс Монк насмешливо взглянул на него.

– Чтобы те болваны на заводе узнали, что случилось?

В голосе его звучал упрек.

– Да, – согласился Чедвик. – Об этом я не подумал. Что ж, нам не остается ничего другого, кроме как самим сделать ремонт. – Он немного помолчал, словно подыскивая причину более важную, чем гордость. – А, кроме того, – добавил он затем, – Им все равно потребовалось бы не меньше трех дней, чтобы добраться сюда.

Потом они оба замолчали и сконцентрировали внимание на том, чтобы бережно опустить громадный лайнер на планету, лежащую где-то под ними, и при этом оба думали, что у команды Чедвика и Сендса была слишком хорошая репутация, и будь они прокляты, если все испоганят в этом полете...

СЛЕДУЮЩИЕ ДВЕНАДЦАТЬ ЧАСОВ они провели, почти что не разговаривая, да и потом, в течение еще какого-то времени ни разу

не прозвучало ни единого упоминания о женщинах вообще, и об Ольге в частности. Затем Чет Чедвик поднял голову от пульта и взглянул на экран.

– Вот он, – коротко сказал он. – Титан!

Сенд Монк ничего не ответил, глядя вниз на приближающийся спутник, лишь кивнул головой.

Через двадцать минут оба пилота смотрели уже на несущуюся под ними пересеченную местность, и пристегнулись к креслам, что было необходимо перед трудной посадкой. Сама посадка заняла немного времени, и уже через пять минут Чет Чедвик встал с кресла и подошел к иллюминатору.

Огромный корабль лежал посреди равнины, напоминающей пампасы, однообразие которых нарушали лишь скалы, образующие нечто вроде лунных кратеров. Во все стороны расстился заброшенный пустырь.

– Неудивительно, что все улетели отсюда, как только истощились запасы радия, – пробормотал Сендс.

Затем пилоты молча отправились в отсек позади рубки, где принялись надевать космические скафандры. Они уже стояли в шлюзе перед люком, когда Чедвик дал Монку сигнал включить внешний динамик, чтобы они могли переговариваться.

– Одному из нас лучше остаться внутри, пока второй пойдет на разведку, – сказал он в своем стеклянном шлеме.

Монк кивнул и двинулся было к люку, но долговязая фигура Чедвика перегородила ему дорогу.

– Внутри останешься ты. А я пойду наружу, – велел он.

Сендс только пожал плечами и стал смотреть, как его напарник нажимает кнопку замка внешнего люка и выходит на равнину Титана. Затем он прошел в рубку, сел за пульт управления и стал ждать возвращения Чедвика.

Через двадцать минут Сендс Монг начал беспокоиться. В теплой рубке пот градом катился по его лицу. Он встал и подошел к иллюминатору, чтобы посмотреть, чего там возится Чедвик, но его не было в поле зрения.

Прошло еще десять минут. Беспокойство Сендса Монка усилилось, перерастая в тревогу. Он снова встал, выругался и, пройдя в шлюз, нажал кнопку открытия люка. Через секунду он уже стоял на каменистой равнине.

ВОКРУГ РАССТИЛАЛИСЬ те же самые серые скалы и пампасы, которые он видел еще из корабля. Он повернулся налево, направо, но так и не увидел Чедвика. Затем оглянулся на длинный, напоминающий пулю громадный корпус космического лайнера. Возможно, Чет был по другую его сторону. Сендс двинулся в обход носа корабля. Обойдя его, он окинул взглядом такую же равнину, но тут же удивленно вос-

кликнул и застыл на месте. От хвоста лайнера к нему направлялась долговязая фигура Чедвика. Но не это заставило Сендса Монка удивленно раскрыть рот. Возле Чета шел еще кто-то, одетый в космический скафандр, а когда они подошли поближе, Монк увидел за прозрачным шлемом удивительно симпатичное женское личико.

– Да порazi меня метеор! – пробормотал Монк. – Этот Казанова способен найти женщину даже на необитаемой планете! – Затем его глаза стали еще больше. – Да и какую женщину! Ради всех чертей в аду, что такая куколка делает в этом заброшенном месте?

Сендс совсем забыл, что Чет был уже в пределах досягаемости его рации, и был поражен, услышав ответ коллеги-пилота.

– Ну, и что ты думаешь об этой крошке? – раздался к наушникам взволнованный голос Чедвика.

Чедвик и странная девушка были уже метрах в десяти от Сендса.

– Откуда ты ее выкопал? – спросил толстячок-пилот.

– Одному Господу известно, – ответил Чедвик. – После того, как я обогнул корабль, она просто вышла из-за скал. – Он кивнул в сторону девушки. – А что ты думаешь об ее скафандре?

Сендс нахмурился. До сих пор он не замечал, но на девушке был скафандр, вышедший из моды уже несколько веков. Неудивительно, что девушка молчала. У нее не было даже рации.

Когда все оказались вместе, Монк еще раз оглядел странную юную леди. Его первоначальное предположение, что девушка симпатичная, оказалось в корне неверным. Она была не симпатичная. Она была прекрасна, ужасно прекрасна!

Алые, чуть приоткрытые губы над изящным обводом подбородка, прямой нос, большие серые глаза и ореол беспорядочно рассыпанных черных волос вполне ясно утверждал, что тело в скафандре было тоже безупречно.

Почти минуту Монк, разинув рот, любовался невероятной красотой девушки, затем повернулся к Чедвику.

– Это... н-ну... в общем-то, я думал...

– Что Титан необитаем, – уловил его мысль Чедвик. – Да, и я так думал. Но эта милашка полностью опровергает наше мнение.

Девушка смотрела на Сендса и Четвика столь пристально, словно читала их слова по губам. Затем Чедвик обнял ее за талию и двинулся к носу космического лайнера. Сендс пристроился с другого бока девушки.

– Куда идем, Чет? – спросил он.

– Хочу увести ее в корабль. Там она может снять шлем, и тогда мы с ней поговорим.

– Если она говорит на языке, – добавил Сендс, – который мы сможем понять.

– Это не будет иметь большого значения, – отмахнулся от него Чедвик, и Сендс увидел, как он усмехается за стеклом шлема.

– А-а, – протянул толстенький пилот, добавив в голос как можно больше сарказма, – с нами опять Чет Чедвик, Межпланетный Ромео, и прочее, и прочее, да?

– У тебя же есть Ольга, – отрезал его напарник. – Ты совсем недавно орал на меня до икоты из-за нее.

ТОЛЬКО ТРИО успело обогнуть нос корабля, когда все и произошло.

Сендс услышал удивленное ругательство Чедвика, и в тот же момент щупальце, подобное кнуту, обвило его талию и подняло высоко в воздух. Он дико забил руками в отчаянных усилиях освободиться.

Но щупальце продолжало его держать. Тогда Сендс перестал отбиваться и повернул голову... чтобы встретить дикий взгляд Чедвика, который точно так же висел в воздухе в объятиях другого щупальца.

Затем его глаза встретились с двумя бессмысленными, плоскими, громадными глазами, сидящими на круглом синем черепе невероятного чудовища!

Сендс попытался закричать, но тут же понял бессмысленность этого. Он слышал, как Чедвик беспомощно висит в высоте, изрыгая проклятия. Но тут что-то словно заставило его глянуть вниз, и Сендс увидел девушку, нетронутую и невозмутимую, которая стояла и спокойно глядела на эту сцену.

Затем Сендс почувствовал, что его осторожно начали опускать на землю, и увидел, что и Чедвика тоже ставят, где взяли. Как только они почувствовали, что их ноги коснулись земли, тут же развернулись к высоченному существу.

– Святые метеориты! – воскликнул Сендс. – А мы-то считали Титан необитаемым. Что это за тварь?

– Кем бы он ни был, но выглядит не вдохновляюще, – хрипло отозвался Чедвик. – Откуда он так быстро появился? Я не видел вокруг ничего, когда встретил девушку.

При упоминании о девушке Сендс тут же повернулся в ее сторону. Ее лицо все еще было сосредоточенным, словно она продолжала оценивать пилотов.

Он изумленно повернулся в другую сторону и оказался лицом к чудовищу со щупальцами. Теперь Сендс смог более ясно его разглядеть. Не менее четырех метров в высоту, чудовище стояло на гротескных веретенообразных ногах, составлявших три четверти его невероятного роста. Тонкое, пятнистое, сине-зеленое туловище имело осиную талию. Щупальца, как он увидел, выходили из локтей рук, фиолетовые, они были длиной с человеческое туловище. Каждая рука, если это вообще можно было назвать руками, обладала двумя щупальцами.

Сендс Монк и Чет Чедвик инстинктивно шагнули друг к другу, словно их близость могла отразить дальнейшие поползновения этого невероятного монстра. По круглому лицу Монка бежали ручьи пота, а

взглянув на Чедвика, он увидел, что тот то и дело сглатывает застрявший в горле комок.

аЗатем девушка подошла к ним, взяла обоих за руки и повела к титанианину. Сендс и Чедвик одновременно выдернули у нее руки.

– Хорошую же подружку ты себе выбрал, – прохрипел Сендс. – Она же хочет скормить нас своей домашней животине!

Внезапно громадное чудовище нагнулось и молниеносно опять оплело их щупальцами. Девушка опять пристально поглядела на них и указала рукой на стену лунного кратера вдали.

– Ей понравилась наша компания, – без малейшей улыбки сказал Чедвик, – и, кажется, она думает, что мы должны пойти в том направлении.

Сендс быстро поднял голову и снова встретился взглядом с бессмысленными, плоскими глазами титанианина.

– Мне кажется, нам лучше пойти туда, пока у здешнего Оскара не возникнут какие-либо иные идеи.

Затем, с девушкой, идущей впереди, и титанианином позади, странная процессия направилась по каменистой равнине.

Они были уже в сотне метров от стены кратера, на которую указывала девушка, когда она повернулась, и жестом позвала их. Сендс не был совершенно уверен, но ему показалось, что, пока они шли к этой стене, то позади них было какое-то движение.

– Кажется, позади что-то движется вон за тем холмиком, – сказал он Чедвику.

– Наверное, эльфы, – усмехнувшись, ответил его напарник.

Буквально через долю секунды подозрения Монка подтвердились, когда, со стремительной неловкостью, три титанианина, точные копии шедшего сзади их похитителя, выдвинулись из-за скалы и направились прямо к ним!

– Радужный комитет по встречам от Торговой палаты, – услышал Монк бормотание Чедвика. По тону напарника Сендс понял, что долговязый пилот боится так же, как и он, но пытается скрыть свой страх и поддержать Монка.

В следующий момент титаниане были уже рядом с ними, образуя вокруг них нечто вроде охраны, и все вместе они подошли к стене.

– Может быть, – хрипло сказал Сендс, – мы должны разбить ее?

– Успокойся, Монк, – голос Чедвика был резким, но успокаивающим. – Мы ничего не сможем сделать, лишь обогнуть ее.

Когда же они обошли эту стену, противоположная сторона которой резко обрывалась вниз, то Сендс и Чедвик одновременно издали удивленные восклицания. Стена оказалась ничем иным, как пологим отвалом, скалистым с внешней стороны и укрепленным хромированными балками с другой. И был этот отвал на краю старой радиевой шахты.

КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ гротескные титаниане без дела слонялись рядом. Оба землянина использовали это, чтобы рассмотреть окружающее. Шахта была высверлена в теле скалы под крутым углом вниз, и самым удивительным оказались ее пропорции. У входа в шахту стоял один из титаниан, и шахта оказалась достаточно широкой и высокой, чтобы он свободно прошел в нее.

— Это древняя радиевая шахта двухтысячных годов, — прошептал Чедвик, — но ее размеры весьма увеличены, чтобы соответствовать телам этих созданий.

— Но... — начал было Сендс, но резко замолчал, поскольку почувствовал, щупальце одного из титаниан обернулось вокруг его талии, а краем глаза увидел, что другой схватил Чедвика, а затем обоих землян понесли по крутому склону вниз, в темноту шахты.

Через секунду вокруг стало хоть глаз выколи.

— Чет, — услышал Сендс собственный крик, — с тобой все в порядке?

Он слышал в наушниках тяжелое дыхание напарника.

— Да, парень. Я в норме, — ответил Чедвик. — А как дела у тебя? Получаешь удовольствие от поездки?

При любых других обстоятельствах толстенький пилот рассмеялся бы вслух над шуточками своего приятеля. Однако, как ни странно, но он почувствовал облегчение и прилив храбрости.

— Меня все еще несут, — сказал он, прилагая усилия, чтобы его голос звучал так же беззаботно, как голос Чедвика.

Дальнейшая беседа стала невозможной, поскольку поездка сделалась более грубой. Казалось, что с каждым шагом титаниан, державший его, становился все более неуклюжим. Очевидно, шахта делалась все круче.

Щупальца держали его крепко, но нежно, но поскольку существо оступалось в темноте, Монк уже несколько раз треснул головой о толстое стекло своего шлема.

Он услышал ругательства Чедвика и предположил, что у напарника те же трудности. Затем очередной резкий шаг заставил его голову в третий раз врезаться в стекло шлема. Это удар был сильнее других, у Монка сразу же закружилась голова, начало подташнивать. Из уголка рта принялась сочиться кровь, так что пришлось то и дело слизывать ее.

Нигде не было видно даже самого слабого мерцания, и Сендс, вспомнив о громадных, круглых глазах чудовищ, подумал о том, могут ли они видеть в крошечной тьме старой шахты. Внезапно в наушниках раздался резкий крик Чедвика, а затем какой-то звук, словно глубокий вздох.

— Чет! — закричал Монк. — Чет, с тобой все нормально?

Никакого ответа, только слабое, сдавленное дыхание.

— Чет! — снова закричал Сендс. — Что случилось. Ты слышишь меня?

И тут голова Сендса Монка в четвертый раз ударилась о стеклянную пластину шлема...

– **МОНК!** – услышал Сендс чей-то крик. – Монк, все закончилось!

Он медленно открыл глаза и тут же снова зажмурился от сверкающего вокруг освещения. Потом заслонил глаза рукой, чуть приоткрыл их и увидел, что находится уже не в скафандре.

Когда глаза немного привыкли к свету, он огляделся.

Над ним склонился Чедвик, это он и привел его в сознание. Монк заметил, что на Чете тоже нет больше скафандра.

Потом он увидел, что лежит на влажных камнях в центре невероятно огромной пещеры. Высоко над ними был потолок, с которого, как сосульки, свисали то ли выступы скалы, то ли сталактиты.

Сама пещера была не меньше километра в поперечнике, совершенно свободная от каких-либо преград. В одном ее конце, к удивлению Монка, была длинная платформа, на которой собралось человек пятьдесят, старательно обрабатывающих большими кузнечными молотами громадный лист металла.

Чедвик заметил выражение лица Сендса.

– Да, Монк, – тихо сказал он, – это не сон. Это земляне. Только не спрашивай меня, как они очутились здесь. Эти люди – рабы титаниан! – и он указал пальцем на противоположный конец пещеры.

Монк увидел там около двадцати гротескных чудовищ с щупальцами, бродящими у возвышения в другом конце громадной пещеры. А на возвышении, нелепый, сидящий, как Будда, на троне, находился еще один титанианин, держа в щупальцах нечто вроде скипетра с двумя набалдашниками.

– Король, или Босс, или Верховный Владыка Навозной Кучи, правитель всей этой банды, – продолжал Чедвик.

И пока его толстенький напарник слушал с возрастающим скептицизмом, Чет Чедвик быстро рассказал, что произошло после того, как он пришел в сознание. По словам Чедвика, он лишился чувств, когда треснулся головой в боковую стенку шлема. Это было как раз перед тем, как подобный удар получил и Монк и тоже был выведен из строя. Очнулся Чедвик уже в пещере, лежа рядом с Сендсом. А девушка, с которой они повстречались, стояла над ним, уже без громоздкого, старинного скафандра, в котором они увидели ее в первый раз.

– Господи Боже, Монк! – воскликнул при этом Чедвик. – Ты в жизни не видел подобной женщины! Великолепная – не то слово! Божественная!

– Да, она была сногшибательна даже в скафандре, – сухо согласился Сендс.

Чедвик продолжил рассказ. Девушка, которая прекрасно владела английским, сказала ему, что она сама и все остальные люди в пещере находятся в рабстве у длинноногих титаниан.

– Но откуда они тут взялись – эта девица и все остальные люди? – взволнованно перебил его Сендс. – Зачем они прилетели на Титан, если знали, что он еще пять веков назад объявлен Советом Земли «зонированным»?

– Понятия не имею, – ответил Чедвик. – Она не успела рассказать мне об этом. Они – титаниане – забрали ее прежде, чем она успела все объяснить. Она лишь сказала, что вынуждена была оставаться спокойной, когда нас схватили эти странные создания.

– Да, – прокурорским голосом сказал Сендс, – это я видел. Но почему она так повела себя, почему не предупредила, когда к нам подкрадывался Оскар?

– Она сказала, что хотела, но нас бы убили, если бы она предупредила нас, и мы стали сопротивляться.

Сендс недоуменно поморщился.

– И что все это значит? Куда они унесли девушку?

– Этого я не видел, – сказал Чедвик, – потому что один из них тут же направился ко мне, схватил и понес Большой Шишке – тому малому на помосте, со скипетром в руке.

Чедвик остановился, чтобы перевести дыхание и вытереть пот со лба.

– Продолжай же! – нетерпеливо подтолкнул его Сендс.

– Ну, Большая Шишка поднял свой проклятый скипетр над моей головой – я все еще висел в воздухе, – и принялась водить его взад-вперед. Я не видел его, поскольку, когда они унесли девушку, успел обратно надеть шлем, но мне показалось, что он светится, точно фосфор, и сделан из какого-то голубоватого металла. Зато я услышал треск электро-разрядов и почувствовал в голове странный шум. Минуты через две Большая Шишка, казалось, был удовлетворен и сделал жест, чтобы меня вернули на место. Потом я смотрел, как такую процедуру проделывают с тобой. В то время ты все еще был без сознания. Затем они принесли тебя ко мне.

– И что дальше? – спросил Монк.

– Пока что все. Они забрали у нас скафандры, и я минут пять приводил тебя в сознание, – закончил рассказ Чедвик.

– Все это походит на какой-то детский стишок двадцатого века, – сказал Сендс. – Ну, и что мы будем делать теперь?

ЧЕДВИК ПОВЕРНУЛСЯ к другому концу громадной пещеры. Прищурившись, он посмотрел на каменное возвышение, на котором земляне непрерывно размахивали своими кувалдами. С того места, где находились пилоты, было трудно разобрать какие-либо подробности. Расстояние было слишком велико, чтобы они могли разглядеть лица тружеников.

– Девушка сказала тебе, сколько землян томятся в неволе у титаниан? – спросил Сендс у приятеля.

– Я не уверен, но мне кажется, что те парни, машущие молотами, и сама девушка являются единственными представителями нашей расы на этой скудной планете.

Внезапно лицо Чедвика напряглось, и он схватил напарника за руку.

– Послушай, что мне сейчас пришло в голову. Одна девушка и примерно пятьдесят мужчин! Тебе не кажется это странным?

Монк нахмурился.

– Но ты же не знаешь, единственная ли она здесь рабыня с Земли.

– Ты думаешь, – нетерпеливо сказал Чедвик, – что среди тех людей с молотами есть еще женщины?

Монк тихонько присвистнул.

– Может, ты и прав. Это действительно кажется чертовски странным!

– И еще одно, – с волнением в голосе сказал Чедвик, – я все пытаюсь вспомнить замечание, которое она проронила как раз перед тем, как титанианин унес ее. – Он помолчал, сдвинув брови и наморщив лоб. – Я молча впитывал каждую секунду, что был рядом с ней. Но мне кажется... я, правда, совсем не уверен, – что она сделала какое-то замечание о каком-то минере или сапере!

– Минере? – сказал Монк. – Какой еще тут, к черту, минер?

Ответить Чедвик уже не успел, потому что в этот момент, очевидно, по команде гротескного титанианина на возвышении, двое длинноногих существ направились через пещеру прямо к ним.

– Они идут за нами. Ну, теперь держись! – крикнул Монк, вскакивая на ноги.

Чедвик немедленно оказался рядом, и они смотрели, как титаниане быстро шагали к ним.

– Успокойся, Монк, – сказал Чедвик, сунув большие пальцы за пояс характерным жестом, показывающим его замешательство. – Они пока что не причиняли нам вред и, возможно, не собираются.

– Ага, – уголком рта процедил Монк, не сводя глаз с приближающихся чудовищ. – Ага, может, и не собираются. Но что-то мне не кажется, что их глаза светятся любовью к нам!

Затем кошмарные создания нависли над ними, щупальца их неперестанно шевелились, сплетаясь и расплетаясь, широко расставленные, плоские глаза были совершенно невыразительны.

– Чего бы я только ни дал за лучевой пистолет! – процедил Сендс.

– Я же сказал тебе – успокойся, – предупредил его Чедвик. – Все равно, любое оружие, каким мы могли бы воспользоваться, осталось в корабле. Не забывай об этом!

Внезапно щупальца угрожающе щелкнули над ним в воздухе, словно кнуты пастухов, гонящих скотину в нужном направлении.

Пилоты повернулись и быстро зашагали по влажному каменному полу пещеры, направляясь к продолжающим махать молотами труженникам. Титаниане шли за ними по пятам.

В пятидесяти метрах от длинной каменной платформы, на которой работали земляне, Чедвик резко остановился, хватая напарника за рукав.

– Монк! – хриплым голосом воскликнул он. – Монк, ради Бога, взгляни!

И Чедвик ткнул рукой в работающих на платформе.

Издалека, фигуры людей на платформе казались совершенно человеческими, но на самом деле они больше напоминали обезьян, волосатые, как дикари. Внезапно они прекратили работать. Стало ясно, что они увидели двух новичков, потому что глаза их замерцали из-под невероятно косматых бровей, а толстые, выпяченные губы обнажили острые клыки, когда они принялись взволнованно переговариваться друг с другом.

До испуганной пары пилотов донеслась какая-то тарабарщина, странная комбинация рычания и искаженных обрывков английских слов.

Теперь пилоты увидели, что вокруг шей и ног каждого из полулюдей на платформе были полосы железа, соединенных длинными цепями!

В ЭТОТ МОМЕНТ титанианин, очевидно, рассерженный задержкой, обхватил похожими на кнуты щупальцами обоих пилотов и перенес их оставшееся расстояние по воздуху.

Бедлам вырвался на свободу среди тружеников, когда Сендс и Чедвик растянулись на камнях у их ног. На мгновение огромная пещера зловеще затихла. А затем обезьянолюди пришли в бешеное волнение и разразились криками и завываниями.

Потом в другом конце огромной пещеры возникло какое-то движение. Штук восемь-десять титаниан с невероятной быстротой понеслись по влажному полу. Казалось, меньше чем через секунду, они уже выстроились вдоль платформы и щупальцами ударили по спинам скованных рабочих.

Щупальца заканчивались странными придатками, и эти придатки ударили прямо по голым спинам рабочих. В воздухе чем-то резко завоняло.

Монк и Чет лежали на каменной платформе между двумя группами – титанианами и людьми.

– Эта вонь! – выдохнул Чет. – Это же запах горелого мяса!

Монк ошеломленно уставился на длинноногих чудовищ.

– Их щупальца – как раскаленные кнуты, – хрипло сказал он. – В телах этих проклятых тварей есть какие-то электрические органы! Смотри, как от них летят искры!

Чедвик, который смотрел на тяжелую участь рабов-молотобойцев, на мгновение повернул голову к их мучителям.

Да, Сендс оказался прав. Электрические искры с треском буквально сыпались с невероятно гротескных тел титаниан!

Затем, столь же внезапно, как начался беспорядок, скованные рабы упали на колени, издавая жалобные стоны и опустив головы, когда жестокое избиение продолжалось.

Лишь через несколько минут титаниане перестали стегать щупальцами полулюдей. Затем те, кто подбежал к платформе, когда начались беспорядки, удалились обратно к помосту своего владыки. А два чудовища, которые пригнали Монка и Чета, все еще нависали над ними, будто ожидая приказа.

И приказ не заставил себя ждать долго.

Титаниане снова подняли Чета и Монка и понесли к проходу, который вел с середины пещеры в какую-то темную нишу. Пройдя по проходу, они остановились перед огромной металлической дверью.

Одно из чудовищ распахнуло дверь, за которой оказалась ярко освещенная, маленькая, высеченная в скале камера. Чета и Монка бросили в нее прямо на пол. Титаниане отступили, лязгнула, закрываясь за ними, дверь.

— Ну, должен сказать, — пошутил, хотя и с горечью в голосе, Монк, когда они с Четом остались одни, — мы не можем пожаловаться на качество ознакомительной экскурсии. Они таскались с нами, как клуши с цыплятами.

Чедвик ничего не ответил. Брови его сосредоточенно нахмурились, губы сжались в тонкую линию.

— Монк, — сказал он через несколько секунд, — ты помнишь, что я сказал о девушке и что эти рабы на платформе являлись ее людьми?

Сендс вскочил на ноги и принялся в замешательстве чесать голову.

— Черт! Я совершенно забыл об этом. — Но ведь... — Он замолчал, пытаясь сформулировать все получше. — Ведь эти бедняги не могут быть той же расы, что и она. Это невозможно, Чет! Просто немыслимо!

— Вот это я и имею в виду, — простонал Чедвик и обхватил голову обеими руками. — Именно эта невозможность и сбивает с толку. Мы больше не сможем спокойно прожить ни минуты, пока не распутаем эту тайну.

— Давай же сначала подумаем о нас и о наших жизнях, — сухо ответил Сендс. — А вот затем, если у нас останется время или желание, мы можем поискать чего-то, что не знаем из хороших книг.

Он подошел к высокой металлической двери, тщательно осмотрел ее, провел по ней рукой и разок пнул для пробы.

— Если мы поймем это, — пробурчал Чедвик словно себе самому, — то сможем обнаружить, что ключ к этой тайне и вытащит нас отсюда.

— Звучит-то логично, — кивнул его напарник, — но имеет чертовски мало здравого смысла.

Чедвик не успел ничего ответить, как Монк с силой ударил по двери кулаком. И на удар ответили с другой стороны двери!

В камере воцарилась мертвая тишина, пока Монк и Чедвик, подняв головы и затаив дыхание, стали прислушиваться.

Тянулись секунды.

Затем удар снаружи раздался снова, на этот раз немного громче. Он походил на пинок по металлической двери.

Оба пилота вопросительно поглядели друг на друга.

— Это явно не наши приятели на длинных ногах, — прошептал Чедвик.

— Да уж, — ответил Монк с явным сарказмом. — Стучат. Пойди и впусти их, кто бы там ни был.

Чедвик бросил на маленького напарника испепеляющий взгляд, затем быстро подошел к двери. Сначала он прижался к ней ухом и прислушался, а затем дважды ударил кулаком по металлической поверхности.

Ему ответили двумя ударами.

— Земляне? — донеслось еле слышно из-за двери, и пилоты одновременно открыли рты, чтобы ответить.

Затем Монк отдал преимущество Чету.

— Да, — сказал долговязый пилот. — А там кто?

— Это девушка, которая встретила вас на поверхности, когда вы приземлились на Титане, — раздался тихий ответ.

Чедвик усилием воли заставил сердце перестать так колотиться и спросил:

— Вы поможете нам выбраться отсюда?

— У двери есть ослабленный камень, — послышалось в ответ. — На высоте подбородка мужчины.

Монк уже ощупывал стену в поисках такого камня.

— Она сказала, подбородка *мужчины*, коротышка! — фыркнул Чедвик, отодвигая его, чтобы поискать нужный камень самому. Через секунду он удовлетворенно заворчал, вытянув пальцами свободно сидящий в стене камень размером с бейсбольный мяч. Когда камень оказался в его руке, они ошеломленно увидели, как дверь бесшумно открылась!

На пороге стояла девушка с алыми губами и иссиня-черными волосами. На ее лице было то же спокойное отрешение, как и тогда, когда Чедвик в последний раз видел ее.

— А теперь, — быстро сказала она, следуйте за мной. Есть место, где мы сможем спрятаться, пока все не закончится.

Девушка была одета в облегающую тунику, которая, как отметил Чедвик, вышла из моды примерно тогда, когда и ее скафандр. Он снова нахмурил брови, пытаясь что-то сообразить. В ней было что-то странное, чего он никак не мог понять.

На другом конце прохода девушка остановилась.

— Ждите, — чуть слышно шепнула она.

Затем она стала водить рукой по влажным каменным стенам прохода, явно что-то ища. Нашла, и послышалось жужжание электромотора. Секунду спустя часть стены стала медленно открываться наружу, а за ней появилась, ярко освещенная, еще одна каменная камера!

Когда они прошли внутрь — девушка, Чет и Монк, стена вернулась на место. Чедвик тут же повернулся к девушке.

— Ну и что теперь? Расскажите, что вообще происходит, как вы попали сюда, кто эти скованные цепями бедняги, кующие стальной лист?

Девушка секунду смотрела на них, чуть приоткрыв губы, и ее серые глаза затуманились. Когда она заговорила, голос ее был низким и плавным, точно медленная музыка.

— Меня зовут Наоми Брэнд, — начала она. — Кажется, уже долгие годы я являюсь рабыней на Титане, единственной женщиной с пятьюдесятью мужчинами нашей расы. Мы, все мы, обитатели Земли. Чудовищные существа, которых вы видели, являются жителями Титана — существа на тонких ногах, которые много веков жили в подземных пещерах этого спутника.

Голос Наоми задрожал, но уже через секунду она продолжала, ровно и гладко, словно уже неоднократно рассказывала эту историю.

— Когда мы попали в руки титаниан, мы уже собирались вернуться на Землю. Мы даже не подозревали, какие опасности таятся на этой планете. Титаниане напали быстро, без предупреждения, убили мою мать и вообще всех женщин, кроме меня.

Чедвик откашлялся, наморщив лоб и хмуро глядя на нее.

— Они схватили всех мужчин, — продолжала девушка, — сковали их, как вы видели, и сделали своими рабами. Когда же они обнаружили, что я непригодна для такой тяжелой работы, то почему-то разрешили мне остаться в живых. — Наоми Брэнд запнулась, словно у нее перехватило горло. — Вы — первые земляне, которые появились здесь после нас. Я ждала, молилась об этом, а вот теперь, когда вы все же прилетели, то тоже оказались жертвами этих ужасных чудовищ!

Наоми Брэнд зарыдала, и Сендс Монк инстинктивно бросился к ней и обнял, пытаясь утешить.

— Ладно, Ромео, — рявкнул Чедвик. — Хорошо обниматься! Нам еще многое предстоит сделать, и еще больше узнать!

Сендс Монк впился взглядом в своего напарника.

— Послушай, Чет, это бедное дитя миллион раз прошла через ад. Разве у тебя нет сердца?

Выражение лица Чедвика было мрачным и бескомпромиссным, когда он ответил, едва сохраняя терпение.

— Послушай, Монк. Сейчас не время лить слезы и болтать всякие глупости. Мы с тобой в одной заднице, и если не поймем все достаточно быстро, то никогда не выберемся на волю. Понятно?

Наоми перестала рыдать так же неожиданно, как начала, и вопросительно повернула свое прекрасное лицо к Чедвику.

— Что же мы можем сделать?

Чет принялся яростно расхаживать взад-вперед по влажному полу каменной кельи, отчаянно дергая себя за длинные черные волосы, словно пытаясь насильно вытащить из головы какую-то идею.

— Мы должны узнать больше, — резко остановившись, сказал он. Что вы сказали мне до этого... я имею в виду, о «минерах»?

Глаза Наоми расширились.

— О мозговых «минерах»?

Монк и Чедвик разом изумленно уставились на нее.

— Мозговые «минеры»? — хором повторили они.

— Ну, да, — ответила Наоми. — Скипетр в руке короля титаниан. Я уверена, что он передает какие-то электрические импульсы, исходящие из его тела. Когда король машет им над головой землянина, электро-импульсы приводят человека в состояние, подобное гипнозу.

— Откуда вам это известно? — тут же спросил Чедвик.

— Так ведь он проделал это со всеми людьми на каменной платформе, — недоуменно ответила Наоми, — когда нас только что взяли в плен. Вот почему они так и не сумели придумать никаких планов освобождения из-под власти титаниан.

Сендс с побледневшим лицом повернулся к Чедвику.

— Чет, о, Господи, ты слышал, что она сказала? Но ведь этот электрический фокус был проделан и с нами обоими!

Чедвик прикусил нижнюю губу.

— Да, так и было. Но до сих пор ни один из нас ничего не почувствовал. А девушка... — Он замолчал и резко повернулся к Наоми. — А как насчет вас? Был ли этот «минер», как вы его называете, использован на вас?

Наоми отрицательно покачала головой.

— Нет, только на мужчинах, — сказала она.

Внезапно мысли Чедвика избрали новое направление.

— А мужчин из вашей команды, которых взяли в плен... вы ведь видели их только издали, поскольку они прикованы к своим рабочим местам, не так ли?

Наоми задрожала.

— Да, я видела их только издали.

Чедвик облегченно вздохнул. Девушка не знала, какие изменения произошли с ее друзьями с тех пор, как их пленили. Это было точно. Если бы она увидела их в образе полужуверей, что-то невнятно бормочущих...

— Есть лишь одно, что мы можем сделать, Чет, — голос Сендса оторвал Чедвика от его мыслей. — Мы должны вернуться в корабль. На борту у нас есть оружие, способное превратить этих монстров в жареный картофель.

Чедвик посмотрел на Наоми.

— Как хорошо вы знаете эти подземные коридоры?

— Отлично знаю, — сказала девушка. — Мне разрешили там гулять.

— Прекрасно! — воскликнул долговязый пилот. — Тогда вы должны вывести нас отсюда и довести до корабля.

Все трое подошли к дверям камеры, и Наоми уже готова была вытащить камень, открывавший дверь, когда Сендс остановил ее.

– Погодите, – сказал он. – Но у нас же забрали скафандры. Без них мы даже не сможем выйти наружу.

Чедвик выругался и задумался. Тогда вмешалась Наоми.

– Это верно, там отравленная атмосфера. Но я знаю, где хранятся другие скафандры. Те, которые отобрали у моей команды, когда нас схватили!

Оба пилота с облегчением посмотрели на девушку.

– Тогда это все, что я хотел узнать, – заявил Сендс. – А теперь пошли!

МОНК И ЧЕТ следовали за Наоми грубо вытесанными, темными проходами. Казалось, они прошли так наошупь уже много миль, когда девушка остановилась.

– Здесь, – прошептала она в темноте.

Они прошли за ней через низкий проем и оказались в слабо освещенной нише.

– Мы чуть ниже основной пещеры, – прошептала Наоми, и удары кувалд, слабо донесшиеся откуда-то издалека, подтвердили ее слова.

Наоми подошла к дальней стене ниши и склонилась над какой-то кучей в углу. Чедвик и Сендс подошли к ней и увидели, что она роется в гряде пыльных скафандров, беспорядочно сваленных там.

– Вот они, – выдохнула девушка. – Выбирайте себе по размеру.

– Наверное, их купили на какой-то распродаже антиквариата, – пробормотал Сендс, когда все трое начали натягивать на себя эти давно устаревшие костюмы.

– Они принадлежали вашей команде? – спросил Чедвик со странной интонацией в голосе.

– Ну, да, – ответила Наоми. – Но они уже довольно долго не использовались.

Чедвик стоял под открытым отверстием в потолке, откуда струился слабый свет, и когда выбрал себе неуклюжий костюм, то был поражен надписью, проштампованной на внутренней стороне скафандра. Секунду он смотрел на нее, не веря своим глазам. Эта дата... Он открыл было рот, словно хотел что-то сказать, но тут же резко стиснул челюсти.

Чтобы было проще разговаривать, все трое несли шлемы в руках, когда пошли по проходу. Скафандры стесняли движения Сендса и Чедвика, но Наоми быстро и ловко шла в крошечной тьме, не останавливаясь ни на секунду. Чедвик прищурился, заметив это, но ничего не сказал. Казалось, целую вечность они шли по темным туннелям Титана. Наконец, Наоми остановилась и указала на слабое свечение в дальнем конце коридора.

– Там выход наружу, – сказала она, – который я обнаружила некоторое время назад. Он слишком узкий для титаниан, и был сделан,

когда... — Она резко оборвала себя. — В общем, слишком маленький для титаниан, — быстро повторила она, и, следовательно, они им не пользуются и не охраняют.

Несколько секунд Чедвик чувствовал, как необъяснимый холодок бежит у него по спине. Затем он услышал взволнованный голос Монка.

— Нет никакого смысла пытаться добраться всем троим до лайнера. Это лишь утроит возможность, что нас обнаружат. Пусть идет только один из нас, а второй может остаться с Наоми. — И при этих словах Монк обнял девушку за талию.

— Ты подождешь здесь со мной, Монк, — тихонько сказала Наоми. — Здесь так темно, и я боюсь, что эти ужасные твари...

— Ладно, — рывкнул Чедвик, прерывая ее, — похоже, выбрали меня. Вы оба останетесь здесь. Я вернусь с лучевыми пистолетами и прихватчу с собой достаточно аккумуляторов к ним, чтобы поджарить всю эту компашку.

Мгновение он смотрел на Сендса, пытаясь взглядом передать ему сообщение, но напарник коровьими глазами уставился в серые глаза девушки.

Тогда Чедвик осторожно вылез из туннеля и пошел по бесплодной равнине Титана. Шел он, прячась в тенях беспорядочно разбросанных скал. Никаких признаков титаниан не было видно, но помня о том, как стремительно они могут двигаться, он не хотел рисковать.

Медленно, но верно продвигаясь вперед, Чедвик думал о Монке, оставшимся в пещере с Наоми. Было что-то странное, что-то весьма подозрительное в этой девушке — да и во всей этой проклятой истории. Те рабы-полулюди в громадной пещере, например — как могла команда Наоми так деградировать просто под влиянием гипноза короля титаниан?

Внезапно его размышление прервало появление двух длинноногих титаниан. Чедвик бросился ничком на каменистую почву. Титаниане, наконец, скрылись за скалами метрах в пятистах от него. Чедвик встал и двинулся дальше.

Брошенные кучей скафандры немыслимо устарели, но Наоми сказала, что они принадлежали ее команде. На лице Чедвига под прозрачным стеклом шлема было написано недоумение пополам с волнением. Что же все это значит?

Чедвик был уже в сотне метров от лайнера, когда челюсть его буквально отвисла от изумления. Это был не тот корабль, на котором прилетели они с Монком — это была какая-то маленькая, ржавая от времени посуда странного вида!

Чедвик витиевато выругался. Драгоценное время пропало впустую, потому что он в темноте принял эту развалину за космический лайнер. Странная мысль холодом пронеслась по его позвоночнику. Не тот ли это корабль, в котором прибыла на Титан Наоми с командой?

– Мне кажется, – пробормотал себе под нос пилот, – что здесь я могу получить большую часть ответов.

И он направился к ржавому кораблю.

До корабля оставалось метров пятнадцать, когда Чедвик резко остановился.

– Боже мой! – хрипло сказал он. – Этого не может быть!

Губы его шевелились, когда он читал надпись на борту корабля.

«КОРПОРАЦИЯ «МЕЖПЛАНЕТНЫЕ РУДНИКИ», – было написано там. – ШАХТЫ ТИТАНА». А затем, более мелкими буквами ниже: «Финальная Экспедиция, 2000 год нашей эры».

Все поплыло перед глазами Чедвика. 2000 год нашей эры! Машинально он подошел еще ближе. Пятьсот лет. *Пятьсот лет!*

Подозрение, которое грызло его уже несколько часов, превратилось в ужасающую уверенность. Наоми и рабы титаниан были выжившими участниками последней экспедиции горнодобывающей Корпорации на Титане – экспедиции, которая была послана сюда пять веков назад. *Каким-то невероятным образом, Наоми и мужчины на платформе в пещере прожили на Титане целых пятьсот лет!*

Он тут же представил Наоми в объятиях своего друга и невольно вздрогнул. *Пятьсот лет!*

Затем он полез внутрь древнего корабля. Там все подтверждало его подозрения. Все устройства, инструменты, оружие на корабле были старинными, давно вышедшими из употребления. Но все казалось странным образом сохранившимся – *сохранившимся так же, как и сама Наоми!*

Чедвик привязал к поясу несколько старомодных реактивных пистолетов и выбрался из корабля.

Снаружи он первым делом на мгновение задержался, чтобы проверить древнее оружие на скале, торчащей из равнины неподалеку от корабля. Все действовало прекрасно, и в скале появились горящие голубым пламенем отверстия. Чедвик вернул пистолеты обратно на пояс и пошел обратно.

Никто не остановил его на пути ко входу в туннель. В результате, обратный путь занял у него меньше десяти минут. Прежде чем войти в туннель, он оглянулся через плечо. Все было чисто. Его не заметили.

– Монк – сняв шлем, закричал в темный проход Чедвик. – Монк! Где ты?

Ответа не было. Секунду спустя он был уже там, где оставил напарника и Наоми, но никого не оказалось.

Тогда он пошел, почти бегом, по длинному проходу пустынной радиевой шахты. При каждом вдохе жгло легкие, в голове бился страх, что он опоздал, что уже слишком поздно как-то помочь Монку.

– Проклятый маленький дурачок! – задыхаясь, пробормотал Чедвик. – Мне нужно было предвидеть, что он набросится на девушку, как не-

нормальный. Он готов был сотворить любую глупость, о какой она попросит его.

Чедвик потерял счет времени. Ощупью, бредя и спотыкаясь, он продвигался сквозь влажную темноту туннеля. Время тянулось немилосердно медленно. Прошли часы – или минуты? – когда он наткнулся на ответвление, в конце которого виднелись белые блики света.

– Пещера, – пробормотал Чедвик. – Это, наверное, главная пещера, где собралась вся банда!

Чедвик ворвался в громадную пещеру, и то, что увидел там, на мгновение ошеломило его. В переполненном зале Монк играл в героя!

Штук сорок титаниан стояли безучастно в углу, свесив по бокам свои руки со щупальцами, и не сводили плоских, лишенных всяческого выражения лиц от находящейся перед ними маленькой фигурки в старинном скафандре – Монке Сендсе.

Чедвик метнул взгляд на возвышение, где король титаниан принимал своих подданных, и буквально задохнулся. Там, на каменном полу, растянулась лицом вниз длинноногая, гротескная фигура и время от времени ее члены подергивались. А в середине тела чудовища пылала красным большая дыра.

В руке Сендс Монк держал реактивный пистолет, направив его на безмолвно стоящих титаниан.

В противоположном углу зала, на каменной платформе стояла Наоми, пытающаяся освободить от оков волосатых мужчин. Чедвик крикнул.

Монк кинул быстрый взгляд в его направлении. В тот же момент ближайший титанианин сделал выпад вперед, неуклюжий, но стремительный. Чедвик выхватил с пояса один из реактивных пистолетов и, молясь, чтобы попасть с такого расстояния, нажал курок.

Сверкнуло пламя. Титанианин упал на пол пещеры с дырой, появившейся в центре его странной головы. Затем рванулись другие, не обращающая внимания на пистолеты в руках пилотов, и щупальца взметнулись в воздух с быстротой ударов кнута.

Монк бросился к Чедвику, и напарники встали плечом к плечу. В следующие секунды Монк и Чедвик палили из своего древнего оружия во все, что шевелилось, отправляя, одного за другим, наступающих титаниан на каменный пол.

Чедвик срубил одно существо, уже протянувшее к нему раскаленные окончания щупалец, отсекая пламенем ему ноги, но не обратил внимания, что тварь даже на обрубках все равно продолжала двигаться. Услышав хриплый крик Монка, он своевременно увернулся, избегая удара щупалец, направленных ему прямо в голову. Его орудие снова сверкнуло, и существо легло на камни навечно.

– Уходим, – закричал Чедвик. – Их слишком много для нас. Нужно убираться отсюда!

Монк удивленно взглянул на него.

– И оставить Наоми? Не будь болваном! Можешь делать, что хочешь, Чет, но я остаюсь!

После этого им снова пришлось палить ракетами по наступающим титанианам.

Пот бежал по костлявому лицу Чедвика. Он громко ругался. Потом краешком глаза увидел, что Наоми освободила последних зверо-людей.

ВОПЛИ И ВОЙ волосатых землян, несущихся по полу пещеры к длинноногим, образовали в пещере ужасающий шум. Обезьяно-люди были уже метрах в пятидесяти от чудовищ Титана, прежде чем были замечены. Затем они оказались среди длинноногих тварей и принялись хватать их и рвать на куски!

Чедвик увидел, как один питекантроп прыгнул буквально на шесть футов от пола, чтобы схватить титанианина за осиную талию. В следующий момент взметнувшиеся щупальца чудовища ударили его прямо по незащищенной спине. Но дикарь запустил длинные клыки прямо в грудь титанианина, и тот покатился на пол, а из раны хлынула синяя жидкость.

Чедвик стал искать взглядом Наоми и, наконец, увидел ее. Монк тоже увидел ее и в ужасе закричал:

– Наоми!

Но титанианин оказался быстрее, чем пистолеты Монка и Чедвика, быстрее, чем смерть, которая языками пламени устремилась к нему. Раскаленные щупальца твари обвили, подобно питону, талию Наоми, сокрушительно и беспощадно.

Когда Чет и Монк добрались до Наоми, титанианин был уже мертв, но его щупальца так и не отпустили сломанное стройное тело. Сломанное тело, из которого не появилось ни капли крови!

Но Монк в своем горе ничего не заметил. Он рухнул на колени, истерично рыдая, и прижал обрамленную иссиня-черными волосами голову Наоми к своей груди.

Чету некогда было думать. Он стоял над Монком и умирающей девушкой и, ослепленный гневом, палил сразу из двух реактивных пистолетов.

Пятьсот лет... ей пятьсот лет... целые века... – снова и снова билось у него в голове.

Большинство титаниан отчаянно боролись со своими прежними рабами. Чет схватил Монка за руку.

– Быстрее! – крикнул он. – В проход! Надо убираться отсюда, пока возможно!

– Нет, – прохрипел в ответ Монк. – Я остаюсь. Наоми умерла. Я останусь здесь, пока не подохнут все эти твари!

Чедвику не оставалось ничего иного. Прорывав что-то невнятное, он ударил рукояткой пистолета по голове своего приятеля. Потом пой-

мал обмякшее тело Монка, когда маленький пилот стал оседать на пол, перебросил его через плечо и побежал...

Только оказавшись наружи и сгибаясь под телом напарника, Чедвик осмотрелся. Не было ни малейших признаков титаниан. Очевидно, те, что были наверху, поспешили под землю на помощь своим собратьям-монстрам в сражении с полу-людьми. Времени бежать отремонтировать собственный лайнер совершенно не было, и Чедвик, без колебаний, направился к древней ракете, на которой побывал всего лишь час назад.

Если все системы в ней были в такой же сохранности, что и столетия, то у них еще оставался шанс улететь с этого проклятого спутника.

Несколько часов спустя Чет Чедвик, сидя за пультом управления ревущей древней ракетой, – которой было, по меньшей мере, пятьсот лет, – глянул на начавшего слабо шевелиться толстенького пилота. От удара, который он нанес по голове Сендса Монка, у того образовалась шишка величиной с яйцо. Чедвик усмехнулся.

– Впереди у него будут трудные времена, пока он не забудет о Наоми, – пробормотал он себе под нос. – Бедняга.

Но все же это было гораздо лучше, чем знать, что Наоми пятьсот лет пробыла в каком-то странном состоянии живого мертвеца, что только излучения радия этого странного мира сохраняли ее в такой полужизни. А что было бы, если бы мы увезли ее с этой планетки, подальше от излучений?.. Чедвик вздрогнул и побледнел.

Какое-то время Чедвик молчал, только слегка подергивался уголок его рта.

– Я знаю, что надо сделать, – тихонько сказал он потом. – Я верну его к Ольге. Ольга заставит его забыть обо всем. А то, что он так и не узнает, не сможет его сломить.

David Wright O'Brien. Trapped on Titan, (Amazing Stories, 1940 № 6), пер. Андрей Бурцев.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ:

Дональд Уоллхейм (он же Дэвид Гриннелл) (1919 – 1990 гг.) – знаменитый американский фантаст и составитель многочисленных антологий. До недавнего времени на русский выходило по разным журналам всего лишь несколько рассказов из его обширного наследия. Три года назад был переведен роман «На Венеру! На Венеру!» (антология «Сражение на Венере». Составитель: Андрей Бурцев, МИФ, 2013 г.).

Лин Картер (1930-1988 гг.) - Американский писатель-фантаст, литературовед и редактор книжной серии «Ballantine Adult Fantasy Series». Энтузиаст возрождения серии произведений Р. Говарда про Конана, задуманного и осуществлённого его соавтором Спрэггом де Кампом. Будучи плодовитым романистом, он написал также немало и научно-фантастических произведений.

Дэвид Райт О'Брайен (1918-1944) – талантливый американский фантаст, который, несмотря на столь юный возраст, успел написать и издать более сотни великолепных произведений под шестью псевдонимами. Погиб на полях Второй Мировой войны. На русском издаётся впервые.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя

ОХ, УЖ ЭТИ КОЛЬЦА! 3

ДОНАЛЬД А. УОЛЛХЭЙМ

ТАЙНА КОЛЕЦ САТУРНА. Роман 7

Donald A. Wollheim. Secret of Saturn's Rings, (Winston, 1954),

пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим.

ДЭВИД ГРИННЕЛЛ И ЛИН КАРТЕР

МЕСТО НАЗНАЧЕНИЯ: САТУРН. Роман 115

David Grinnell & Lin Carter. Destination Saturn, (Avalon Books,

1967), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим.

ДЭВИД РАЙТ О'БРАЙЕН

ПЛЕННИКИ ТИТАНА 195

David Wright O'Brien. Trapped on Titan, (Amazing Stories,

1940 № 6), пер. Андрей Бурцев.

Коротко об авторах: 221

Читайте в
следующем томе:

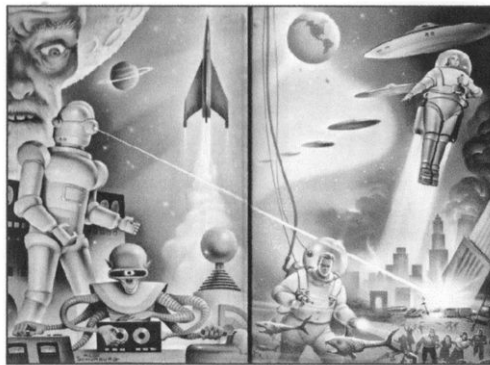
«Пропавшие на Сатурне»

Том 25 у нас юбилейный. Он знаменует, что половина Библиотеки Англо-американской классической фантастики уже позади. Разумеется, это не считая собрания сочинений в Приложениях.

И вот, в честь такого юбилея я решил сделать 25 том в двух выпусках – 25а (вы сейчас его держите в руках) и 25б. Это, по сути, единый коллективный сборник из подсерии «Дети Солнца», посвященный планете Сатурн и ее знаменитому кольцу. В сборник войдут романы таких известных мастеров фантастики, как Дональда Уоллхейма, Дэвида Гриннелла и Лина Картера, Филиппа Лэтема, а также повести и рассказы других англо-американских фантастов. Оба тома выйдут до Нового года.

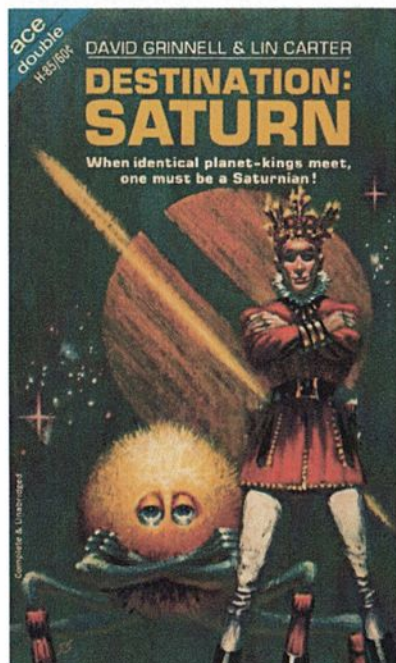

Андрей Бурцев

«ДЕТИ СОЛНЦА»

Тайна колец